

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

9

1991

Москва. 22 августа 1991 года.

**ПОБЕДИЛА ЗАКОННОСТЬ!
ПОБЕДИЛ НАРОД!**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРАВОВОЙ
ЖУРНАЛ

9
1991

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

В НОМЕРЕ

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В. БУТОРЛИКОВ, Л. ФРЕЙНКМАН.
**Приватизация или разбазарива-
ние!** 3

Н. АНИСИН. **Мафия заказывает
музыку** 54

ПИСЬМА ИЗ АРМИИ

В. ЛИТОВКИН. **Куда приходят
эшелоны** 9

ФОТОРЕПОРТАЖ

А. ЧИЖЕВСКИЙ, В. ЗИМИН. **Кра-
жа** 21

ЗАКОН. КОММЕНТАРИЙ. ПРАКТИКА

В. ДЕМИН. **На подступах к рынку
труда** 31

В. ПЕТРОВ. **Директора пригла-
шали!** 81

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 39,160

СУДЬЯ ВЕДЕТ ПРИЕМ

Он — мой! Беседа с народным
судьей Н. СМЕРНОВОЙ о судьбе
детей при разводе 40

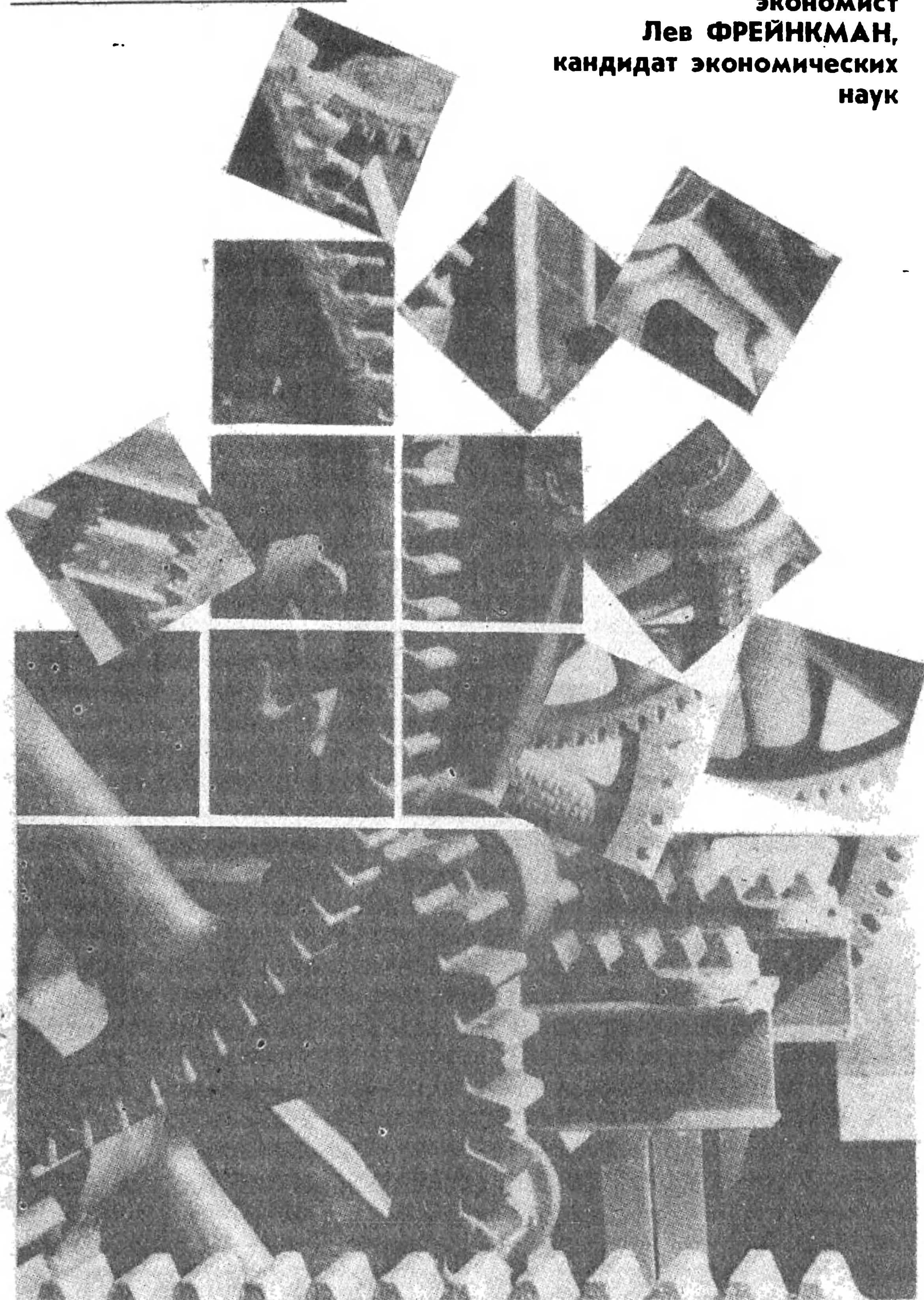
Учредители:
Министерство
юстиции СССР
Союз юристов
СССР

Главный
редактор
В. М. СИРЕНКО

	ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ	
	И. ГРИШИН. Расходы будут возмещены	48
	Лотерея, лотерея... На вопросы читателей отвечает начальник отдела Министерства финансов СССР В. КОЗЛОВ	104
	КРИМИНАЛЬНЫЙ ПЕРИСКОП	52
	ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «Ч'и З»	69
	ДОМАШНЯЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ	71
	ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ	
	В. КОВАЛЕВ. Первые референдумы: законодательство и реальность	92
	М. АНТОКОЛЬСКАЯ. Брачный договор! А почему бы и нет!	98
	ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА	106
	СУМЕЙ ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ	107
	ПОВЕСТЬ	
	В. СКВИРСКИЙ. Смерть в подарок	110
Редакционная коллегия:		
В. А. АБОЛЕНЦЕВ		
А. Т. АНОСОВ		
С. И. БАБОШКО		
Г. К. БОЛЬШАКОВА		
(заместитель		
Главного		
редактора)		
В. Н. ЖБАНКОВ		
В. П. КОНОНЕНКО		
Е. И. ПАРНОВ		
Л. А. ПЕТУХОВА		
В. Д. ПОВОЛЯЕВ		
И. С. САМОЩЕНКО		
А. Я. СУХАРЕВ		
А. А. ТРЕБКОВ		
М. М. ТРОИЦКАЯ		
Н. С. ТРУБИН		
А. М. ФИЛАТОВ		
И. Ф. ШИЛОВ		
А. Е. ЮФЕРЕВ		
(заместитель		
Главного		
редактора)		
Художественный редактор		
М. В. ПАНКОВА		
Технический редактор		
В. А. СЕРЯКОВА		
Фото		
В. С. ЗИМИНА		

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

**Виталий БУРТОЛИКОВ,
ЭКОНОМИСТ
Лев ФРЕЙНКМАН,
кандидат экономических
наук**

ПРИВАТИЗАЦИЯ ИЛИ РАЗБАЗАРИВАНИЕ?

Приватизация в нашей стране — явление беспрецедентное. Пожалуй, главный вопрос сегодня — ее методы и формы. Трудно согласиться с нетерпеливыми требованиями решить эту сложнейшую проблему в один день. Опасность не в промедлении, а в том, что разворачивается стихийный процесс — по сути разбазаривание имущества.

Начался он фактически закреплением за КПСС права собственности на объекты, в разные годы перешедшие под ее контроль из общегосударственной собственности. Затем был запущен процесс смены вывесок в министерствах и ведомствах, которые, став концернами и ассоциациями, вовсю развернули деятельность по изменению характера собственности на подчиненных им предприятий.

Тенденции подобной «приватизации» сегодня уже ясны: появление формально независимых хозяйственных структур, которые сохраняют за собой традиционные административные рычаги контроля за деятельностью входящих в них предприятий; политика индивидуальных льгот отдельным, как правило, крупным предприятиям и объединениям и всяческого рода торможения расширения самостоятельности всех остальных, включая прямые ограничения аренды; акционирование, при котором контрольный пакет акций предприя-

тий остается за административной надстройкой. Подобная бюрократическая приватизация формирует худший тип хозяйственных структур: они уже слабо контролируются центральной властью и еще абсолютно независимы от своих потребителей, от требований рынка. Отсюда максимум неуправляемости и бесконтрольности.

К сожалению, пример экономического произвола при решении вопросов собственности подает союзное правительство, пошедшее по пути наделения отдельных трудовых коллективов особыми правами в отношении используемого ими имущества. Дальше всех здесь зашел концерн «Бутэк», добившийся для своих предприятий права выкупать основные фонды по остаточной стоимости, а оборотные средства получать фактически безвозмездно. В январе этого года специальными постановлениями союзного Совмина два крупных авиационных предприятия в Саратове переданы в собственность своих коллективов. Причем часть имущества передана бесплатно — примерно по 7 тысяч рублей на одного работника.

Важно понимать, что такого рода привилегии в приватизации не могут быть ничем обоснованы и крайне опасны. Они искусственно улучшают положение одних граждан за счет всех остальных, прежде всего за счет пенсионеров, работников бюджетных организа-

ций, военнослужащих и т. д. В такой обстановке проблема коррупции неизбежно возникнет с новой силой. Особенно плохо то, что подобная практика создает недопустимый социально-политический фон для приватизации, на котором оказывается возможным принятие «в порядке исключения» любых решений по перераспределению собственности.

В последнее время процесс стихийной приватизации переключался в низовые хозяйственные структуры, где под вывесками аренды, совместных и акционерных предприятий зачастую происходит откровенное разбазаривание государственного добра. Всем памятные результаты работы комиссии Ленсовета по приемке города, выявившей многочисленные факты перечисления миллионов рублей (в том числе в валюте) на счета разного рода хозяйственных образований, возглавляемых представителями городской власти.

Способы подобной «приватизации» весьма многообразны. Вот уже полгода, например, тянется тяжба вокруг совместного предприятия «Красная площадь», созданного ленинградским кооперативом «Гарант» и Центром моды ассоциации «Рослегпром». В ходе рассмотрения дела в Прокуратуре РСФСР, в частности, было установлено, что Центр моды потерял значительную часть своих средств и имущества, а прямой его ущерб

составил почти пять с половиной миллионов рублей.

В порядке обмена «переводным опытом» опишем эту историю подробнее. Летом прошлого года бывшая администрация Центра моды решила организовать совместное предприятие с кооперативом «Гарант», вложив в общее дело собственное опытное производство, а также передав СП ряд своих функциональных служб.

Еще до официальной регистрации создаваемое СП открыло себе расчетный счет в ТОКО-банке и получило там под гарантию Центра моды кредит в 760 тысяч рублей, который немедленно был направлен на приобретение у Центра моды единственного принадлежавшего ему здания на улице Советской Армии (остальные помещения Центр арендует). Одновременно приказом директора Центра моды Н. Григоренко из состава Центра были выведены и переданы в СП главные функциональные службы, без которых невозможна полноценная деятельность самого Центра: опытное производство, центр дизайна, отдел маркетинговой информации, отдел разработки перспективных и авторских моделей и другие. Вместе со службами СП получило их имущество и оборудование, суммарная стоимость которого без учета стоимости выкупленного здания составила около 3 млн. рублей. Деньги же, полученные от продажи здания, Центр тут же перевел об-

ратно на счет СП в качестве своего долевого вклада в уставной фонд «Красной площади». Причем общая величина уставного фонда была определена в размере всего 1520 тысяч рублей, а на долю Центра моды приходится всего лишь 50 процентов т. е. 760 тысяч, полученные в результате продажи здания и оборудования. То есть 3 млн. Центр вложил безвозмездно.

В дальнейшем директор Центра моды Григоренко и другие руководители (включая секретаря парткома) переходят на работу в СП и становятся членами его правления, а в качестве одного из учредителей СП вместо Центра моды начинает фигурировать коллектив собственников из числа персонала СП. На общем собрании этого коллектива председатель правления СП И. Баскин, являющийся одновременно и председателем кооператива «Гарант», предлагает перерегистрировать «Красную площадь» в качестве кооператива. И собрание с воодушевлением принимает это предложение.

В результате всех проведенных махинаций СП оказывается кооперативом, Центр моды России устраняют от учредительства, и он теряет вложенные средства и имущество. Причем надо отметить, что первоначальное решение о создании СП было принято администрацией и Советом трудового коллектива Центра без

участия его работников — общего собрания трудового коллектива проведено не было. А на заседании же СТК, где принималось решение о создании СП, присутствовало только 12 человек из 23, причем шестеро из них, включая директора, являлись заинтересованными лицами, перешедшими затем на работу в СП.

Оказавшись по существу ограбленным, коллектив работников Центра моды выразил вотум недоверия Н. Григоренко. Минлегпром России освободил директора от занимаемой должности, а ассоциация «Рослегпром» отменила приказ о создании СП «Красная площадь». Вокруг совместного предприятия начали разгораться страсти, перешедшие в настоящую битву, когда новый директор Центра моды А. Тихонов активно включился в борьбу и попытался выставить охрану в здании на улице Советской Армии. Стараюсь вернуть потерянное, куда только ни обращался директор, в какие инстанции только ни рассылал документы, вплоть до Президента СССР и Верховных Советов СССР и России. И, кажется, достиг определенных результатов: исполком Моссовета вынес решение о перерегистрации СП «Красная площадь». На основании экспертизы, проведенной Институтом развития Москвы, Прокуратура РСФСР провела заявления коллектива Центра моды и возбудила уголовное дело. Прокурату-

ра Ленинского района вынесла протест по поводу регистрации СП «Красная площадь». Удалось вскрыть ряд прямых нарушений действующего законодательства, что позволило Центру моды обратиться в Госарбитраж СССР с иском, в котором он требует признать недействительным договор о создании СП «Красная площадь» и возратить имущество из незаконного владения и доходы от его использования.

Впереди суд, который, надо надеяться, всем воздаст по справедливости, однако некоторые выводы из этой истории можно сделать уже сейчас.

Проблема не в приватизации как таковой, а в стихийных, неотрегулированных формах, в которых она происходит. На правительственном уровне приняты частные решения, которые в совокупности позволяют «откалывать» от глыбы госсобственности кусочки различной величины и превращать эту добычу в плохо понятные пока гибриды частных и коллективных форм хозяйствования. А общей продуманной программы приватизации нет, нет инструментов, способных регулировать и контролировать сложнейшие процессы разгосударствления.

Ситуация грозит стать неуправляемой. Когда табун лошадей мирно пасется на лугу, его можно направить в любом направлении. Но когда он понесется сломя го-

лову, остановить его почти невозможно, а заставить изменить маршрут — очень трудно. Дикая приватизация, проводимая в традициях колонизации Среднего Запада, не только не способна преодолеть экономический хаос, но и усугубляет его. Более того, она дискредитирует саму идею преобразования отношений собственности, создает социальную базу для сопротивления реформе. Возможна ситуация, при которой к моменту начала массовой приватизации потребуются проводить ренационализацию — сплошную проверку всех новых негосударственных структур на предмет выяснения условий их возникновения. А это новые значительные потери времени и средств, серьезные политические издержки.

Нас также беспокоит ситуация, складывающаяся в обществе вокруг приватизации, которая может быть описана в терминах «волки и овцы». За последние годы в стране окрепла узкая прослойка активных, целеустремленных предпринимателей, миллионеров в первом поколении. Это люди, которые ясно понимают всю важность обладания реальными материальными ценностями. Появление такой социальной группы можно было бы только приветствовать: их энергия и талант — один из немногих оставшихся у нас экономических резервов. Но надо ясно понимать, что это не те люди, кото-

рых можно оставить без контроля закона. Их энергия должна последовательно направляться на общее благо, иначе она становится разрушительной.

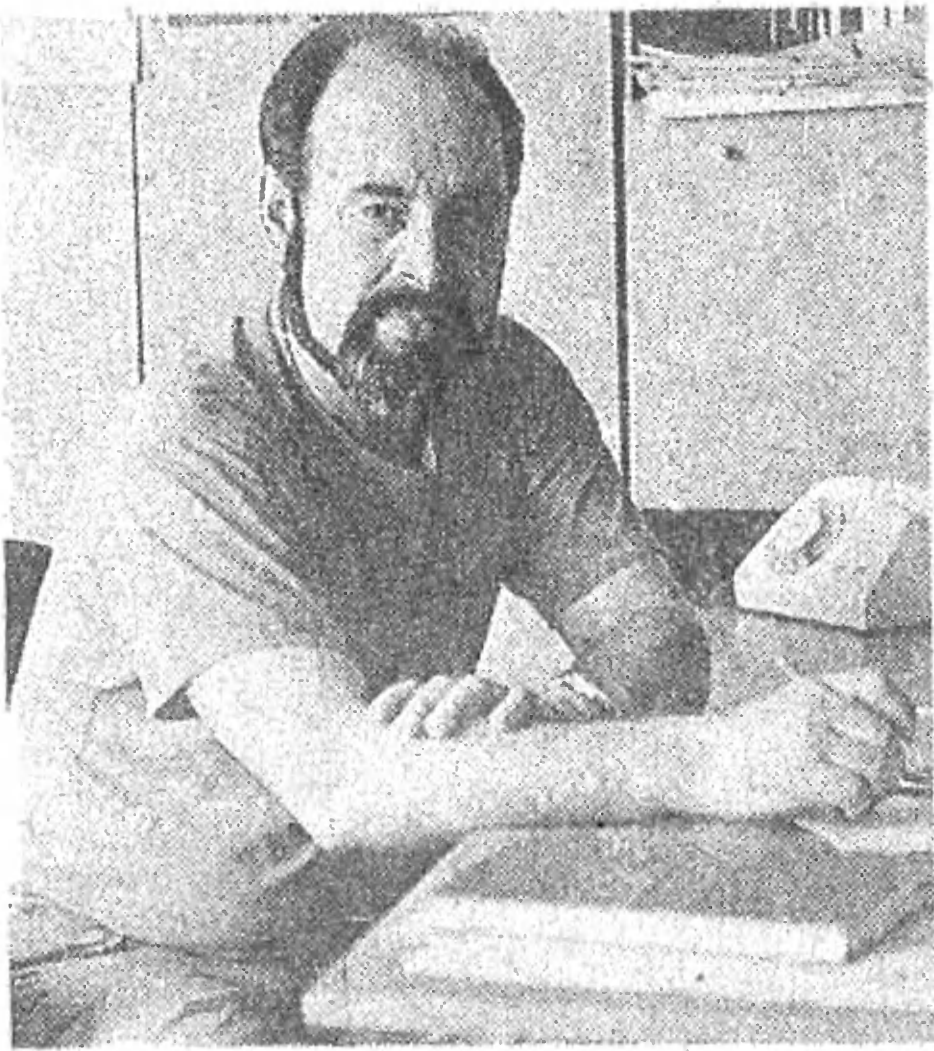
Однако сегодня «волкам» нет социального противодействия. Государство крайне пассивно и непоследовательно, оно продолжает во многом отражать номенклатурные, а не общественные интересы. А сами «овцы», по-прежнему отделенные от государственного имущества, насколько им не дорожат, не понимают своих интересов и не готовы их отстаивать. Сегодня особенно важно более активное внедрение аренды, других форм, реально расширяющих права трудового коллектива в использовании заработанных доходов и произведенной продукции. Нужно и можно еще в рамках государственной собственности укрепить и одновременно упростить взаимосвязь между доходом предприятия и зарплатой отдельного работника. Ведь только в таких условиях возможно появление устойчивых стимулов к эффективному труду, а значит, и возникновение чувства хозяина, интереса оберегать имущество, которое кормит, не давать его разбазаривать. Расширение самостоятельности трудовых коллективов выступает не столько результатом, сколько основой для нормально развивающегося процесса приватизации.

В нынешней ситуации нам

кажется важным всячески подчеркивать, что приватизация не есть одноактное мероприятие, скоротечная политическая кампания. По политическим, экономическим и организационным причинам приватизация займет весьма длительный промежуток времени. Понимание этого обстоятельства очень важно. В первую очередь чисто психологически. Оно дает повод всем чуть-чуть успокоиться. Одним перестать бояться, что их завтра уволят в связи с переходом предприятия в частные руки. Другим — перестать бояться опоздать к растаскиванию государственного имущества, прекратить суету вокруг передела имущества и задуматься о реальном производстве.

Кроме того, если мы согласны с тем, что приватизация — продолжительный процесс, то гораздо легче будет отказаться от взгляда на разгосударствление как на панацею, волшебную палочку-выручалочку. Значительная часть экономики еще какое-то время неизбежно останется в руках государства. Это означает, что в рамках государственной собственности нужно искать паллиативные способы роста эффективности работы предприятий. Именно это, подчеркивают известные специалисты Мирового банка Б. Ли и Дж. Неллис, является для нашей страны «центральной проблемой на обозримое будущее».

Виктор ЛИТОВКИН

«ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ»

Город Заслоново не сыскать в географическом атласе СССР. Да и не на каждой карте Белоруссии, где в Витебской области, среди болот, озер, редких сосновых лесов и березовых рощ раскинулись его жилые дома, магазины и казармы, можно найти отметку с именем легендарного партизанского командира. А между тем в этом городе проживает не так уж мало — почти три десятка тысяч человек.

Сняло завесу секретности с Заслоново, как и с полусотни других, похожих на него, как капли дождевой воды, закрытых городов-гарнизонов, «великое переселение народов» — стремительная передислокация Советских Вооруженных Сил, поток тысяч воинских эшелонов с Запада на Восток — возвращение наших полков, дивизий, бригад, мотострелковых, танковых, артиллерийских, авиационных, ракетных, — наших армий и групп войск из стран Восточной Европы на родную землю — в Белоруссию, на Украину, в Поволжье, Сибирь, Кузбасс, в Заполярье, на Северный Кавказ, в Туркестан...

И в словах «великое переселение», напоминающих об огромном движении людских масс в Европе и Азии на рубеже первого тысячелетия от Рождества Христова, нет ни грамма журналистского преувеличения. Ведь за четыре года, с марта 1990 по декабрь 1994, нам предстояло и сейчас еще предстоит перебросить из Германии, Польши, Чехословакии и Венгрии ни много ни мало, а почти миллион человек, не считая даже принадлежащих им, да и всем нам, десятков тысяч танков, боевых машин, артиллерийских орудий, ракет, самолетов, инженерных машин и автомобилей, не учитывая сотни миллионов тонн боеприпасов, горюче-смазочных материалов, запчастей, обмундирования, продовольствия, других материальных ценностей на миллиарды и миллиарды рублей. Для перевозки, возвращения которых тоже требуются эшелоны и эшелоны.

Вся эта наимоверно тяжелая работа, весь этот запутанный клубок проблем: политических, экономических, социальных, правовых, военных, любых других, порожденный таким великим переселением, или, как утверждают строгие военные документы, передислокацией, видны на примере Заслоново и прибывшей туда гвардейской Николаевско-Будапештской танковой дивизии, как под увеличительным стеклом.

— Если говорят, что наша армия бежала из Европы, — сказал мне начальник военно-политического отдела этой дивизии полковник Николай Гутор, — то мы были первыми. 10 марта

1990 года подписано межправительственное соглашение о выводе советских войск с территории Венгрии, а уже 12 марта того же года на железнодорожные платформы Хаймашкера погрузился наш первый мотострелковый батальон. За ним каждый день к государственной границе шли по эшелону — два. С 3 сентября дивизия «сидит» на новом месте.

Так уж получилось, что в изумительной красоты старинном венгерском городе Эстергоме, расположенном на крутой скале, нависшей над излучиной Дуная, где находились основные полки Николаевско-Будапештской танковой дивизии, мне доводилось бывать много раз в самые разные годы.

Впервые в 1971-м, когда солдаты-танкисты еще жили в старых, довоенной постройки хортистских казармах, оставшихся здесь после второй мировой войны, а семьи офицеров и прапорщиков в большинстве своем — в каменных домах барачного типа того же преклонного возраста, где на коридор с 20—25 семьями приходилась одна общая кухня, один общий умывальник, одна замызанная душевая, где колонку топили углем, и такой же единственный туалет...

Четырехэтажек хрущевского типа, с низенькими потолками, дощатыми полами, без балконов, но уже с отдельными квартирами, было тогда не больше пяти-шести на всю дивизию. И тем не менее они, как и бараки, отапливались углем. Его нужно было запастись на зиму по тонне-две на семью. Газ для кухонных плит и колонок в ваннах доставлялся только в баллонах...

А последний раз я побывал в Эстергоме, в гарнизоне танкистов, уже в конце марта 1990-го, когда дивизия собиралась уходить на Родину. Городок поразил меня своей красотой, благоустроенностью и уютом. Не буду вспоминать о стадионе, плавательном бассейне, магазинах, забитых самыми разнообразными товарами, — Венгрия есть Венгрия, она всегда славилась своим умением жить. Не буду говорить о западногерманских котельных, где оператор ходил в белом накрахмаленном халате, как хирург перед операцией.

Удивили и поразили меня новые, с иголки гарнизонные дома. Зелень парка, над которым они возвышались. Квартиры в многоэтажках, построенных по европейскому стандарту. Комнаты там были застелены паласами, в кухнях стояла встроенная мебель, разноцветные стеклянные ограждения балконов сияли на солнце чистотой. И только развешанное на них для просушки по русской традиции белье отличало наши дома от таких же венгерских...

Я смотрел на ту красоту, на тот уют, беседовал с людьми, покидающими все это навсегда, так быстро привыкшими к нормальной человеческой жизни, и не мог отделаться от мысли, что им будет очень и очень трудно возвращаться в нашу неразбериху, неуют, бесквартирие. Но, как ни странно, я тогда ни у кого на лице не увидел особого уныния.

— Все познается в сравнении, — объяснил ситуацию Гутор. — Ведь по предварительной прикидке дивизия должна была уйти в Карагандинскую область Казахстана, где летом иссушающий зной, а зимой сбивающий с ног ветер. В Белоруссию, где еще помнят войну, где к военным людям отношение очень доброе, все у нас едут с удовольствием. Там и жилье есть. Да и Витебская область не пострадала от Чернобыля. Так что зачем унывать?

Но действительность оказалась много суровее, чем представлялось это из Венгрии.

Жилье, на которое рассчитывали танкисты, принадлежало недавно сокращенной и расформированной части. Хорошая половина ее офицеров разъехалась к новому месту службы, но остались их семьи, которых некуда было забирать, остались в гарнизоне те, кто уволился в запас, кто уже давным-давно потерял всякую связь с армией и кому «переселение» из городка уже не грозило. Таких семей оказалось более двухсот. А с танкистами, мотострелками, артиллеристами, зенитчиками и другими специалистами гвардейской дивизии прибыло на новое место более полтысячи семей. Остальные временно разместились у родственников в других городах и поселках.

Тех, кому некуда было ехать, разместили в двух только что выстроенных домах, в старых, послевоенной постройки зданиях, в тех квартирах, чьи владельцы пока служат в других местах и сдали их новым жильцам по временному договору.

Остальные 311 семей — кто где. Причем 68 семей прямо в солдатских казармах.

На первом этаже в такой казарме — штаб части, тут же рядом — оружейные комнаты, умывальник, спальные помещения для солдат и сержантов. Второй этаж поделен пополам дощатой перегородкой: одна половина — семейное общежитие, другая — казарма. И третий этаж тоже казарма.

В палатках зимой осталось жить только 150 человек. Солдаты ремонтно-восстановительного батальона и медсанбата. Палатки эти обшиты внутри досками, в каждой — чугунная печка. Пока топить — тепло. А чтобы печки не тухли, есть специальная служба дневальных.

И все же. Главная проблема дивизии в те дни, когда я там был, — тепло. Морозы в Белоруссии выдались зимой, да и в начале весны на редкость суровые — до 30 градусов. И температура в квартирах, в модулях, казармах, где кроме женщин еще и маленькие дети, сразу стала головной болью для командиров.

— Я политработникам сказал, — говорил мне полковник Гутор, — караулы будем проверять пореже, надо следить за котельными. Как только передали по радио, что ожидается температура минус 37, я всю ночь не спал, да и остальные политработники чуть ли не сутки напролет провели в кочегарках. Вот если эта труба не будет дымить, — показал он в сторону

своего окна,— 130 семей замерзнут. А этого никто допустить не имеет права.

В гарнизоне, кроме той трубы, что виднеется из окна начальника политотдела, таких еще 25 штук. Столько же — котельных. Все они доисторические, работают на привозном угле. Поневоле вспомнишь Венгрию.

«НА ВАС РАСЧЕТА НЕ БЫЛО...»

Но жить воспоминаниями — только растравливать себя. Сейчас в городке строят еще две новые котельные для нынешних и будущих жилых домов. Но новые они только по названию. По конструкции — допотопные. Топиться будут тем же углем. Ни газовых, ни мазутных не поставить. У Белоруссии нет на них дополнительных фондов, да и объединить все разрозненные кочегарки в единую котельную на весь гарнизон тоже нет возможности. Нет ни строительных материалов, ни рабочих рук.

Накануне командировки в Белоруссию, в Заслоново, да и после нее я не раз встречался с начальником Главного квартирно-эксплуатационного управления Министерства обороны СССР генерал-полковником Н. Грязновым.

Речь шла о выполнении планов капитального строительства для выводимых из Восточной Европы войск. Николай Викторович называл гарнизоны, где полным ходом идет такое строительство, те города и поселки, где будут военным строить жилье западные фирмы, те, где работают советские военные строители, говорил об объемах таких работ и, конечно, о проблемах, которые встретились в этом деле.

Специалисты называли мне конкретные цифры.

— Ежегодно мы должны осваивать на строительно-монтажных работах свыше ста миллионов рублей, из них около двадцати миллионов — в Белорусском военном округе,— рассказывали они.— Здесь освоено 25 процентов выделенных средств. Но темпы работ пробуксовывают. В округе не начаты работы по строительству запланированной школы, магазинов, столовых и клубов. Отстаем мы с монтажом блочных котельных. Из тридцати начаты только пять. Не смогли заложить один из крупнопанельных домов в Заслоново. И только фундамент есть у пятиэтажек, которые должны ввести в Боровке, Марьиной Горке, Уречье... Не можем начать десять из одиннадцати жилых домов и общежитий — нет стройматериалов. Правительство, разработав и утвердив целевую Программу социального обеспечения военнослужащих и их семей, не располагает достаточными ресурсами для этой цели, а потому и не выделяет их нам в полном объеме.

Фонды. С первых же дней пребывания на родной земле это слово стало повторяться на всех совещаниях самого разного уровня. Когда население гарнизона в одночасье выросло более чем в два раза, в очередях за мясом, молоком, сахаром и

маслом «венгерцев», а в первую очередь офицерских жен, одетых не по-местному модно, ярко, в нарядные зимние пальто с финскими и французскими нашивками, в невиданные здесь шубы, сразу же стали обзывать последними словами, словно это они были виноваты, что неожиданно свалились на головы и так не вылезавшим из дефицита витебчанам.

— Привыкли у себя, в Венгрии, обжираться, приехали нас объедать, — кричали в очередях, — не пустим.

И не объяснишь разъяренным, измученным вечными нехватками людям, что Венгрия для этих женщин — вовсе не своя, что своей им всегда была и останется родная страна.

— Нам еще повезло, — рассказывает Елена Лаврова, жена начальника штаба, — командованию дивизии удалось быстро договориться с руководством области об увеличении фондов, ввели талоны на все виды продуктов, на сигареты и спички. Мебель, одежду стали распределять по спискам, и страсти слегка приутихли. Нормы отпуска продуктов оказались ничуть не выше, чем в окрестных селах и городках.

Конечно, проблем у офицерских семей, выводимых из-за рубежа, ничуть не меньше, чем у всего нашего общества, и выделять их в особый ряд сегодня не очень модно. Но... Это те люди, чьи судьбы в силу специфики службы, ее подчиненности интересам общества, страны, не могут принадлежать самим себе, и о них должны заботиться, как это принято во всем мире, те, кому они служат: государство, правительство, общество. Но у нас почему-то так никогда не получается. Ни с правовой, ни с социальной точек зрения.

Маленькая деталь для иллюстрации этой мысли.

Казалось бы очевидно, что жены офицеров, их дети нуждаются в медицинском обслуживании. В дивизии есть, разумеется, медицинская часть, но в ней нет специалистов для женщин и детей. По идее и те, и другие должны посещать городские поликлиники. Но в заслоновском гарнизоне поликлиники нет. Ближайшая — в сорока километрах, в районном центре, куда утром и вечером, но крайне нерегулярно, ходит автобус. А здесь — сельская амбулатория. Размещена в дощатом домике. Там две комнатки, разделенные занавеской. Если учесть, что в Заслоново почти шесть тысяч семей, то ясно: на лечение или даже беглый, более или менее квалифицированный осмотр надеяться не приходится.

А другая проблема — многодетные семьи. В гарнизоне нет ни детского мира, ни универмага, к которому можно было бы их прикрепить, где они могли бы получать мебель или одежду, игрушки. О последних, правда, говорить не приходится, как о том, чего просто нет. Даже для детских садов.

Многодетных семей в дивизии тринадцать. У всех похожие проблемы. От замполита части подполковника В. Григорьева, у которого трое, до командира ремонтного взвода прапорщика В. Макаревича, у которого столько же.

У некоторых офицеров и прапорщиков дети довольно взрослые, жены могут работать, помогать семье своим заработком, но большинство женщин, у которых даже по одному ребенку, сидят дома, получают только компенсацию за повышение цен, хотя в гарнизоне полно вакантных рабочих мест.

Работа не очень престижная, но все же работа. Требуются уборщицы, официантки, посудомойщицы... Офицерские жены, хотя у каждой высшее или среднее специальное образование, женщины без особых амбиций, пошли бы трудиться и на такие должности, — они говорили мне об этом сами, — но куда деть детей? Детсадов нет.

Всего в Белорусском военном округе, как явствует из официальной справки военно-политического управления, в военных городках проживает более пяти тысяч молодых и энергичных безработных женщин. О них знают и в Совете Министров республики, и в Министерстве легкой промышленности, и в Минрадиопроме... Готовы помочь, открыть филиалы швейных фабрик, цехов по производству интегральных схем, изготовлению детских игрушек, обещали поставить все необходимое оборудование, обучить новым профессиям, но... Загвоздка в одном — нет свободных площадей, нет зданий для таких цехов и фабрик, а для них — кирпича, бетона, арматуры, столярки... Нет фондов, нет строителей, которые могли бы построить эти здания. Крайне необходимое всем дело глохнет на полпути.

Мы говорили обо всех этих проблемах с народным депутатом РСФСР Героем Советского Союза вице-президентом России полковником Александром Руцким.

— Это безобразие, — говорил он, — что у нас в стране 292 тысячи военнослужащих, офицеров и прапорщиков нуждаются в жилье. А если понять, что у каждого из них — жена, один-два ребенка, то это миллион бесквартирных. И это только первая партия людей, прибывших из-за рубежа. Что будет, когда полностью закончится вывод войск из Венгрии и Чехословакии и начнется полномасштабное возвращение наших эшелонов из Польши и Германии?! В каком еще государстве возможно такое, чтобы люди, защищающие его с оружием в руках, и с каким грозным оружием, практически оказались без элементарных социальных гарантий своего благополучия. Неужели нужен новый взрыв негодования, новые смуты, чтобы функционеры от государства поняли невозможность такого существования?

Все, что делается сейчас, — утверждает Руцкой, — полумеры. Одному Министерству обороны, на которое свалена задача размещения этих людей, их благоустройства, не справиться с такой огромной задачей. Смотрите, что получается. Идет сокращение вооруженных сил, конверсия, распродажа военного имущества, техники, военных объектов, заводов, аэродромов,

ремонтных мастерских, находящихся в группах войск. Некоторые из них даже за валюту. А получает эти деньги Минфин. Потому что монополией на продажу военного имущества у нас владеют Министерство внешнеэкономических связей и Госплан СССР, а Минобороны, которому все это принадлежит, на средства которого и руками которого все возводилось, которому, кстати, сегодня позарез нужны вырученные средства, получает «дырку от бублика».

Нужно создавать кредитно-инвестиционный банк под эгидой различных ассоциаций, куда будут стекаться заработанные военными средства, а оттуда распределяться как для переподготовки возвращаемых офицеров, перепрофилирования их на новые «гражданские» специальности, так и на строительство жилья для офицерских семей, для других, внебюджетных задач.

Знаю, такие ассоциации, добровольные общества, общественные фонды, которые объединяют военнослужащих, воинов запаса, членов их семей, воинские части, малые и совместные предприятия, сейчас начинают создаваться. Они проходят регистрацию при Верховных Советах республик, Советах народных депутатов больших городов, в частности, при Моссовете. В условиях перехода к рыночной экономике, сокращения вооруженных сил они, став юридическими лицами, получив, что называется, право на гражданство, включаются в коммерческую деятельность, зарабатывают средства, готовят экономическую базу под объявленную цель — социальную защиту военнослужащих руками самих военнослужащих.

В их планах — реконструкция убыточных мощностей военной строительной индустрии, создание высокорентабельных малых предприятий на базе конвертируемых цехов военного производства. Есть предложения об организации транспортных предприятий на базе сокращаемых кадров и собственности Минобороны в Восточной Европе, что позволит формировать валютные фонды для закупок продовольствия, промышленных товаров и медикаментов, помочь в строительстве жилья.

Я знаком с некоторыми из руководителей таких ассоциаций и фондов. Это энергичные, знающие и умелые люди, офицеры и запасники. Но для того, чтобы по-настоящему развернуться, им нужно время и, конечно, соответствующие общественно-политические и правовые условия.

А пока все новое, как и всегда, рождается в муках и противоречиях. Пока окрепнут, встанут на ноги такие фонды и ассоциации, «дойдут» до гарнизонов, подобных Заслоново, пройдет время и немалое. А жить, обустриваться полкам и дивизиям, прибывающим из-за рубежа, нужно уже сегодня, сейчас. Не оставаться же им на месяцы и годы в эшелонах. И кто будет обустривать новое жилье, как не сами воины.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ РАЗЛОЖИТЬ АРМИЮ...

— Если хочешь разложить армию,— говорил мне командир гвардейской Николаевско-Будапештской танковой дивизии генерал-майор Вячеслав Сухарев,— есть один безошибочный путь — заставь ее вместо боевой подготовки заниматься хозяйственной работой.

Соединение почти год, с того самого дня, как стало грузиться в эшелоны, не занималось боевой подготовкой. Прибыли на новое место — надо было обустроиваться, размещаться в том жилом и казарменном фонде, что получили, строить новое жилье. Военные строители возводили несколько жилых домов, собирали модули, прокладывали коммуникации — им надо было помогать, чтобы успеть до холодов подать в помещения и тепло, и воду, проложить трубы канализации.

А еще требовалось приводить в порядок учебные поля для занятий по тактике, для вождения танков, боевых машин, танкодромы и автодромы, оборудовать стрельбище, огневые городки, танковые директрисы и артполигоны, поля для занятий инженерно-саперных подразделений связистов, разведчиков, для обучения солдат борьбе с оружием массового поражения. Материально-техническая база для полков тоже требует и финансовых средств, и фондов, и человеческих рук. Квалифицированных и не очень.

— Нам еще повезло,— поддерживает наш разговор полковник Николай Гутор,— что жилье в городке возводят наши военные строители, а не инофирмы.

Я удивился такому заявлению. Ведь и качество «иностраных» домов, и удобства в них много выше, чем в тех, что строят свои.

— Не до жиру,— объясняет полковник.— Во-первых, качество тех построек не намного выше, во-вторых, первые построенные дома пришлось бы отдать под общежития и гостиницы иностранцам, а самим, как и раньше, жить в модулях. В-третьих, самую грязную, тяжелую и дорогостоящую работу — прокладывать коммуникации, рыть фундаменты, создавать инфраструктуру — все равно пришлось бы нашим солдатам, как и охранять зарубежную строительную технику и инструмент. А где взять на это все людей?

С людьми у дивизии, действительно, проблема из проблем. Осенью прошлого года соединение, едва прибыв на место новой дислокации, стало помогать району и области в уборке урожая. Три тысячи солдат, забыв о боевой подготовке, об обустройстве казарм, жилья для офицеров и прапорщиков, в течение месяца мокли под дождем, по колено в грязи убирали картошку, свеклу, лен. Две тысячи машин вывозили все это с поля. Подсобили не только окрестным хозяйствам — себе на зиму запасы сделал. Этой осенью предстоит такая же работа. А поскольку складов для продовольственных запасов у

дивизии пока нет, то хранится военная картошка и морковка, капуста да свекла опять же в совхозных и колхозных закромах.

Одновременно пришлось танкистам переучиваться на новую технику. Свою эшелонам так и отправили за Урал, то ли на базы, то ли в переплавку. Получили ту, что осталась от расформированной в городке части. Надо было ею овладеть, как следует. А это невозможно без умения стрелять без промаха, без вождения танков, самоходных артиллерийских установок, автомобилей, боевых машин пехоты днем и ночью...

— С боевыми машинами пехоты у меня проблем нет,— сказал командир мотострелкового полка подполковник Михаил Дружинин,— потому что нет самих БМП. Мы их в соответствии с договором о сокращении обычных вооруженных сил и вооружений отправили за Урал, получили взамен КамАЗы. Да и те у меня должны летом отобрать, отправить на уборку урожая. Как воевать, не дай Бог что случится, как учить людей боевому мастерству — ума не приложу?!

Главная проблема, которая волнует подполковника, не только отсутствие необходимой боевой техники, но и недоукомплектованность полка личным составом. Не хватает 120 водителей. На десяток тех же КамАЗов только один шофер. Из командиров взводов, а это офицерские должности, нет каждого четвертого. (А всего в дивизии не хватает 196 офицеров.) Из 109 необходимых по штату прапорщиков есть только 35. (В дивизии недокомплект 545 прапорщиков.) Всего в полку 5 старшин рот из 22-х. А это основной человек в подразделении. Как говорили когда-то, родной отец солдата, его первый наставник, учитель, мастер.

Прапорщик — прообраз той профессиональной армии, о необходимости перехода к которой мы все время говорим, о чем спорят в высоких кабинетах не только Минобороны, но и Верховного Совета, в его комитетах. И уже признано, что профессионализм — это цель наших Вооруженных Сил, тем более что успех американских да и других профессионалов в Персидском заливе стал в поддержку такой цели самым весомым аргументом. Но почему же такой недокомплект прапорщиков, почему они не идут служить?

— Очень низкие оклады,— убежден командир полка.— Вторая проблема — жилье. Вы с ней уже знакомы. Прежде чем говорить о профессиональной армии, надо под нее солидную материальную базу иметь. Обещали нам оклады прибавить — прибавили, но их тут же «съело» повышение цен. Да если мы хотим иметь нормальную, надежную во всех отношениях армию, надо страну переделывать. Без этого военная реформа — одно название.

Оклады у офицеров, действительно, невелики. Мы уже говорили об этом и еще вернемся к такому аспекту проблемы. Но сначала о другой стороне недокомплекта с личным соста-

вом. В мотострелковом полку, вернувшемся из Венгрии, недостает 50 процентов солдат и сержантов. Прошлой осенью уволились в запас 317 человек, приняли присягу — 26. Нынешней весной увольняются еще двести солдат, а сколько придет им на смену, никто не знает. Идет война законов. Призывников из Грузии, Молдавии, республик Прибалтики ожидать не приходится. Из Армении — тоже. Одних россиян, украинцев да белорусов на все полки катастрофически не хватает.

А это не только боевая готовность, но и охрана боевой техники, оружия. Не приведи Господи, доберется до них чья-то недобрая рука. И так по стране гуляет масса незарегистрированного оружия, есть там и то, что похищено с воинских складов. И ведь программу боевой подготовки никто не сокращал, ее надо выполнять. Существует научнообоснованное количество часов, за которые человека очень средних способностей, такого же прилежания и уровня развития, можно научить водить танк, стрелять из пушки, автомата и при этом не нанести ущерба ни себе, ни товарищам.

Эта норма — восемь полноценных учебных дней в месяц. Половина тренировок и полевых выходов — ночью. И после каждого возвращения в казармы надо обслужить, почистить технику и оружие. Для этого тоже нужны люди. А еще для обеспечения жизнедеятельности полка, — нянек в армии нет. Готовить пищу, охранять военное имущество, топить котельные — ежедневно в наряде по полку 86 человек. Это больше, чем нынешний батальон. Из них — полтора десятка офицеров.

Нагрузка на офицеров — не каждому по плечу. В сочетании с теми проблемами, которые перед ними ставит неустроенность, сокращение войск, неопределенность судьбы, резкий вывод войск, политическая, экономическая и социальная нестабильность страны, психологический груз на плечах, на погонах очень тяжелый. Многие его не выдерживают. Особенно молодые. Те, что имеют дефицитные по нынешним временам специальности — инженеры по электронной технике, ЭВМ, компьютерам, технике связи, радио и телекоммуникациям, врачи, механики и даже строители...

За последние четыре года из Белорусского военного округа в запас уволилось 125 лейтенантов и старших лейтенантов. Только из дивизии, вернувшейся из Венгрии, уже пятнадцать.

Знакомясь с жизнью, проблемами военнослужащих, я старался понять, почему такое происходит в армии, которую и сегодня еще многие, не без основания, считают «цветом общества»? Почему покидают ее не самые худшие представители офицерской молодежи — будущее наших Вооруженных Сил? Ответов на этот вопрос слишком много.

Один — на поверхности. Неготовность армейских структур, их незащищенность от надвигающейся рыночной стихии, новых политических и экономических условий, хозрасчетных от-

ношений, резкого обогащения одних слоев общества и социального отставания других. Особенно ярко это проявляется там, куда прибывают из Восточной Европы воинские эшелоны.

Командир мотострелкового батальона подполковник Валерий Володин, в подчинении которого почти три сотни людей и на плечах которого ответственность за десятки единиц боевой техники, не говоря уж об оружии, рассказывает:

— Моя родная сестра, она моложе меня на три года, живет в Бишкеке, работает в кооперативе, получает в месяц столько, сколько я за три. У нее трехкомнатная квартира в центре города, автомобиль, японский телевизор, «видик», импортная мебель. У меня — ничего, кроме ящиков из-под артиллерийских снарядов, с которыми я сменил полдесятка гарнизонов. До двадцатилетней выслуги осталось два года. Вроде, можно и на пенсию. А чего я в жизни достиг? Квартиры нет. Разве что в Заслоново со временем ее мне построят. Специальности никакой. Правда, водопроводчиком смогу, если подучат. Но и на них завтра конкурс будет. Верховный Совет России обещает скоро миллион безработных...

Не подумайте, что плачусь в жилетку, — говорит подполковник, — не собираюсь убеждать, что бедный и сирый, хотя многие наши офицеры у порога бедности. О другом я. Целый день — в поле. А придешь домой, возьмешь в руки газету или включишь радио, особенно литовское, оно у нас тут рядышком, и слышишь: ты и убийца, и оккупант, и бездельник, и вообще реакционная, антидемократическая сила... Такая тоска за сердце берет. Где же наша народная власть? Где Верховный Совет? Где Президент? Почему не защищают свою армию от клеветы, грязи, от бесправия? Почему, как что-то происходит — Чернобыль, Ленинанкан, другая какая-то беда — армия тут как тут: спасает, выручает и спасибо не просит. Знаем, кроме нас, некому. Но когда на нас все ошибки политиков списывают, когда мы расплачиваемся своими судьбами за политическую близорукость или наивное желание одним махом решить копившиеся годами проблемы, тут у нас защитников нет.

Прервем монолог подполковника, хотя высказываниям людей в погонах, людей с оружием о нынешней обстановке в стране, о своем самочувствии можно посвятить не одну страницу. Суммирую главное, что я понял, что вынес от общения с офицерами, прапорщиками, их близкими, прибывшими с воинскими эшелонами из-за рубежа: эти люди в большой тревоге, в смятении. Их чувства, настроение, выдержка — на пределе. Конечно, наши офицеры, прапорщики — не шахтеры. Терпения, мудрости и воли им не занимать. И все же... Нельзя же бесконечно пользоваться этим. Нельзя быть столь равнодушными, столь беспечными. Нельзя...

Давайте думать об этом. Что-то решать и делать. ■

КРАЖА

● Наши специальные корреспонденты Александр ЧИЖЕВСКИЙ и Владимир ЗИМИН (фото) ведут репортаж с места преступления.

- Я три замка на дверь поставил. Один с секретом.
— У меня два с секретом. Пусть попробуют сунуться.
— А мою квартиру на днях милиция под охрану берет.
— Повезло...

(Из дворовых бесед соседей)

Квартирные кражи сегодня — словно эпидемия. Через каждые две минуты в стране грабят чей-нибудь дом. Через каждые пятнадцать минут преступники, нарываясь на хозяев, хватаются за оружие. И не всегда за холодное. Тогда уже не до драгоценностей и норковых шуб. Кража становится почти мелочью — в опасности жизнь.

— Честно говоря, нам подчас даже странно как-то задерживать грабителей, которые не вооружены. Ножи — это не в счет. Пистолеты, обрезы — вот нынешняя экипировка квартирного жулья.

Оперуполномоченные МУРа из отдела по борьбе с кражами личного имущества Александр Чиченев и Валентин Становов в подробности вдаваться поначалу не особенно желали. Ну да, наглет жулье, последнюю совесть теряет. В квартиру лезут, конечно же, рассчитывая на видео или иное богатство, а не найдется, так берут все что под руку попадет: хрусталь, ковры,

косметику, даже книги и продукты... Ну, да, бывают трудные задержания. Однажды такая пальба стояла, как в кино. Тогда брали с поличным. Другой раз накрыли группу, опять же с награбленным, в такси. С полчаса вели их машину по городу, ждали момента. Наконец у светофора подвернулся удобный случай. Воры и понять-то ничего не успели, одно бубнили:

— Начальник, все спокойно, не бей только.

— Ладно, все это для библиотеки приключений, — сыщики посерьезнели. — Проблема куда как серьезнее. Количество квартирных краж растет, раскрываемость остается низкой.

Уж куда серьезнее. За последние пять лет число краж удвоилось, а раскрываемость... Если по Союзу брать, то всего 30 процентов. В Москве чуть лучше — до 50.

Взять квартирного вора — полдела. Нередко доказать его вину в суде значительно сложнее. Показательный пример. Дво-

Начальник отдела по борьбе с кражами личного имущества
В. П. КАСЬЯНЕНКО

их ворюг вычислили заранее. Знали, кого и когда они будут грабить. Установили наблюдение. Дождались, когда оба зайдут в подъезд, блокировали выход и задержали уже с вещами. Вроде все прошло по плану, преступники арестованы с поличным. Да не учли, что откажется один из них (позже выяснилось — вор в законе) напроць от всего: и что в квартиру входил, и что вещи выносил, а вскоре и вовсе заявит, что понятия не имел о намерениях приятеля. Другой всю вину взял на себя.

Оперуполномоченный
А. ЧИЧЕНЕВ

Как ни пыталось следствие отыскать следы-зацепочку, ничего не вышло. И хотя все было очевидно, веских доказательств не нашли. В итоге за решеткой оказался лишь один из двоих. Преподали ворюги урок муровцам, навек запомнили.

Скупка краденого — есть такая статья в Уголовном кодексе любой республики. Положено, если применить ее, отсидеть человеку за такие «покупки» несколько лет. Однако вряд ли кто из сыщиков и даже следователей припомнит, когда в последний

раз статья эта оглашалась в суде.

— Работай она,— хмурятся сыщики,— не чувствовали бы себя наши подопечные так вольготно. Ведь вся затея любого ограбления только тогда и стоит чего-то, если есть кому товар сдать.

Уже давно милицейские спецы знают: большинство краденых вещей уходит, в первую очередь, через родственников, друзей, соседей. Потом идут ломбарды, комиссионные магазины. Последних развелось столько, что совершенно нереально хоть в какой-нибудь степени их контролировать.

Знают сыщики некоторых скупщиков в лицо. Знают и ничего сделать не могут. Потому что есть в статье УК одна фраза, о которую разбиваются в суде практически все обвинения. Наказанию подвергается тот, кто скупает краденые вещи и точно знает, что они краденые. Доказать же, что такой-то наверняка понимал, каково происхождение товара, архисложно. Для этого понадобились бы недели, а то и месяцы слежки, да еще с помощью нескольких сотрудников. Где взять время и людей, когда такой вал преступлений? Между прочим,

процветающая ныне спекуляция тоже практически ненаказуема по схожей причине. Привлечь за нее можно, только доказав, что товар продается с целью наживы. То есть куплен по одной цене, а предлагается по другой — дороже. Стоит прижать спекулянта, как тут же следует заявление: — За что купил, за то и продаю. Не нужно стало...

В отделе по борьбе с имущественными преступлениями МВД СССР мне показали интересный документ — динамика роста квартирных краж за последние несколько лет. Причем с комментариями специалистов по каждому году. Интересно вкратце познакомиться с ним.

Итак до 1983 года обстановка сохранялась более менее стабильной. И вдруг резкий скачок на 41 процент. Что произошло? Да по сути ничего страшного. Просто в МВД СССР сменился министр. Новое начальство потребовало навести порядок учетно-регистрационной дисциплины, и выяснилось, что квартирных краж на самом деле у нас почти в половину больше, чем проходило по старым отчетам.

В следующем, 1984 году зафиксировано преступлений на два процента меньше по сравнению с предыдущим годом. Объяснение формально нашлось: улучшилась профилактическая работа с населением, повысилась ответственность милицевских работников. Но реальнее предположить, что некоторый спад — скорее следствие естественного колебания числа преступлений за длинные промежутки времени.

1985 год. Число краж увеличилось на три процента. Комментарий: все из-за ту-неядцев. Их стало больше, поскольку теперь сложнее привлекать к ответственности за уклонение от, так сказать, общественно полезного труда. Среди квартирных воров нигде не работающие составили 38 процентов.

1986 год. Кривая на графике поползла резко вниз. На целых 18 процентов уменьшилось количество квартирных краж. Объяснение элементарное: в действие вошел закон об усилении борьбы с

пьянством. Однако если практически все иные виды преступлений, действительно, в то время пошли на спад, то квартирные кражи — сомнительно. Ведь на такие дела редко кто ходил и ходит навеселе. Многие специалисты не особо верят, что краж в том году на самом деле стало меньше.

1987 год. Рост почти на два процента. Скромно. Но причина и тут ясна. Прошла амнистия по поводу 70-летия Октябрьской революции. Вышедшие до срока и не успевшие позтому исправиться зеки дали стране 1057 квартирных краж. Если можно так сказать, лишних квартирных краж. В том же году, для сведения, число сотрудников уголовного розыска было сокращено недрогнувшей рукой всесоюзного кадровика из аппарата МВД СССР на более чем 1000 человек.

1988 год. Резкий скачок вверх — почти на тридцать процентов. Здесь и далее вплоть до сего дня рост непрерывный, и причина одна: растущий дефицит товаров, общее снижение уровня жизни. Последняя вспышка грабежей (рост на 50 процентов) пришлось на апрель-май нынешнего года: ответная реакция на повальное повышение цен.

В МУРе передо мной высыпали груды отмычек. Воры-профессионалы с их помощью легко откроют любой замок. Даже если

он с секретом. Но это профессионалы. Не могут же они при всем старании обеспечить несметное количество квартирных погромов по всей стране.

Нет, конечно, спокойно согласились со мной сыщики. Качество — на их совести, количество — на совести воровской шантапы. Наши замки — запор чаще всего чисто символический. Чтобы двери сквозняком не открывались. Почему же? А вот почему. Года два назад провели эксперимент. Взяли наугад 87 домов-новостроек, прихватили с собой десять случайно отобранных ключей и проверили ими 3100 замков. И вот результат. Не поверите, 70 процентов дверей в еще незаселенные квартиры открылись элементарно! Смешно это или грустно?

Любой воришка со связкой ключей может обойти квартиры какого-нибудь дома и непременно войдет в несколько из них, как к себе домой. И такое вовсе не редкость, утверждают сыщики. А отмычки? Они для серьезных ограблений. Почти всегда по наводке. Печально, но факт: если квартира попадает на заметку вору, они ее вскроют. Хоть решетки вешай,

хоть броней защищай. Тут только милицейская охрана может помочь (о ней мы поговорим чуть позже). Но дом на прицеле — все же редкость. Чаше преступники действуют наугад или по предположению.

И все же дрянные замки — не самое страшное. Есть кое-что похуже. Наша домостроительная промышленность словно нарочно создает ситуацию наибольшего благоприятствования разномастным бандитам. Двери, наши квартирные двери... Статистика утверждает: 75 процентов всех краж совершаются преступниками, которые не утруждают себя ковырянием в замках, а беспроблемно ударом ноги или плеча эти самые двери вышибают.

Любой опер из органов охотно расскажет любопытствующему, как в Московской области орудовала хрупкая женщина. На ее счету 150 квартирных краж, большинство из которых она совершила, выламывая двери. Самое примечательное в истории то, что собственный вес преступницы... 48 килограммов. Случай мог сойти за анекдот, если бы не происходило все это в действительности.

Как видно, есть резон поговорить о дверях подробнее. Может быть, даже не столько потому, что в них заключена основная проблема безопасности нашего жилища (кражи с использованием форточек, балконов, чердаков случаются, естественно, но их процент относительно невелик). Поговорить следует еще и потому, что, узнав в 1988 году, как воры проникают в квартиры (именно тогда подробные разъяснения по этому поводу в форме официальных милицейских запросов стали регулярно отправляться в Госстрой), наши конструкторы-архитекторы никак не могут решить одну незначитель-

ную проблему. Идея заключается в следующем — нужно, чтобы входные двери в квартиры открывались не во внутрь дома, а наружу. Вот и все. Такая, на первый взгляд, мелочь даст потрясающий эффект. Не совершится, по всем расчетам, более семидесяти процентов потенциальных краж!

Мы единственная страна среди хоть сколько-нибудь развитых, где такая вот дверная глупость распространена повсеместно. А распространение ее началось еще в хрущевские времена, со знаменитых пятиэтажек. Запроектированные миниатюрные пространства на лестничных площадках заставили строителей экономить площадь за счет удобства жильцов. Двери, которые всегда открывались наружу, из дома, и которые из-за этого практически было невозможно вышибить, теперь стали отворяться внутрь и соответственно стали легко вышибаться в том же направлении. Минувшее время, изменились проекты зданий, но с дверьми все осталось по-прежнему.

Более того, вначале хорошие, прочные, но дорогие древесные материалы, из которых делались две-

ри, заменили на плохие, но дешевые. А вскоре и вовсе решили изготавливать их полыми внутри. Чья только эта гениальная идея?

Теперь пожинаем плоды «замечательных усовершенствований».

Когда начался нынешний шквал квартирных краж, многие посчитали за благо врезать дополнительно один-два замка. Вору лишь порадовались факту. И продолжают радоваться сейчас. Дело в том, что чем больше замков в двери, тем хрупче она становится, тем легче, стало быть, ее сломать. Но даже если сама дверь выдержит мощный удар, то уж дверная основная коробка — ни за что. Расщеплется.

Шесть лет думают проектировщики, как дверь перевесить. И пока ничего не надумали. То кивают на пожарников; которые вроде бы запрещают переделку, поскольку затруднится эвакуация людей в случае пожара в доме. То просто ссылаются на производственные сложности. А пока заводы продолжают гнать старые варианты крепления дверей, вору не устают доказывать очевидную глупость этого, а мы с ва-

ми навешиваем новые замки и пытаемся укрепить вход в квартиру, прибегая к помощи расторопных кооператоров. Нужно заметить, и об этом свидетельствуют слова сыщиков, последняя мера не столь уж безнадежное занятие. Ворье, если только оно случайно вышло на квартиру, предпочитает спешно ретироваться, безрезультатно попытавшись выломать дверь.

Но самая надежная, пожалуй, на сегодня защита — это милицейская охрана. Провести сигнализацию хотели бы многие, но... Рассчитывать на контакт с милицией могут лишь счастливицы. Только около шести процентов квартиросъемщиков, причем от числа имеющих телефоны, пользуются такой услугой. И в ближайшие годы цифра вряд ли увеличится. Технические возможности исчерпаны. И хотя самой милиции такие отношения с жильцами выгодны — есть возможность зарабатывать деньги, расширить их она не в состоянии.

Возникают, правда, у людей некоторые сомнения при заключении контракта с милицией. Связаны они с требованием органов передавать им на хранение

вторые экземпляры ключей. Конечно, на то есть свои причины. Скажем, случайно сработала сигнализация, наряд выехал по тревоге и натывается на закрытую дверь. Что делать? Вот на этот случай и понадобятся ключи — проверить, все ли в порядке. Но можно понять и жильца: отдавать ключи неизвестному сержанту, который, бог его знает, честен ли?

Что же, поручиться за то, что все будет в порядке, вряд ли смогут в МВД или на Петровке, 38. Хотя в местном отделении милиции такую гарантию дают. Скажу лишь — случаи использования ключей, хранящихся в милиции, столь малочисленны, что всерьез говорить о них не имеет смысла. Но они все же есть. И это факт. Однако всех сомневающихся в добропорядочности неизвестных сержантов информирую — за ваше имущество милиция несет полную и безусловную ответственность. В случае кражи ущерб будет немедленно компенсирован за счет охраны. Своего рода страховка, почти такая же, как в любых страховых кампаниях.

Под занавес нашей дол-

гой беседы я решил на больной для оперативников из МУРа вопрос:

— Скажите, по технической оснащенности вы отличаетесь как-нибудь от знаменитого Жеглова из популярного фильма «Место встречи изменить нельзя»? Он ведь тоже воевал по большей части с ворьем...

— Да куда там... У него хоть машина всегда была под рукой. У нас и этого никто не гарантирует.

Да уж, много чего не достает сыщикам для нормальной работы. И не только сыщикам-криминалистам, следователям, группам захвата и всем другим, помимо чисто служебных задач, приходится попутно что-то доставать, выпрашивать, а чаще просто обходиться подручными средствами. Увы, такова наша жизнь.

— А знаете что,— посоветовали мне Чиченев и Становов,— напишите

специально для читателей некую памятку в статье. Всего несколько пунктов.

Первый — не оставляйте ключей под ковриком у двери (удивительно, но таких еще много).

Второй — старайтесь обходиться без рекламы своего домашнего телефона, когда надумаете продавать дорогую вещь (адрес вычислить, зная телефон, теперь не проблема).

Третий — по возможности все же укрепите дверь и дверные коробки (шансы уберечь квартиру здорово возрастут).

Ну, и четвертый — попытайтесь купить прибор типа автосторожа. Сирена у вора вызывает почти такой же страх, как человек в милицеских погонах.

От себя добавлю пункт пятый (вдруг пригодится?) — помните: по статистике число квартирных краж заметно увеличивается с девяти до часу дня и чаще всего по четвергам, пятницам и перед праздниками. Никто не знает, почему перед выходными у вора деловое настроение...

НА ПОДСТУПАХ К РЫНКУ ТРУДА

Большое значение Основами придается **регуливанию и организации** занятости населения (статьи 14—24).

Предусматривается создание государственной службы занятости, которая в отличие от бюро

по трудоустройству возьмет на себя не только функции по поиску рабочих мест, но и решение широкого комплекса проблем. Ее первичным звеном будет районный, городской (районный в городе) центр занятости.

* Окончание. Начало см. № 7—8 1991 г.

Следует особо подчеркнуть, что услуги, связанные с обеспечением занятости граждан, предоставляются государственной службой занятости бесплатно (пункт 2 статьи 18 Основ).

Местные Советы народных депутатов по предложению и при участии государственной службы занятости организуют проведение оплачиваемых общественных работ на предприятиях, в учреждениях, организациях, находящихся в их собственности, и по договорам — на других предприятиях, в учреждениях, организациях.

С лицами, желающими участвовать в общественных работах, заключается договор сроком до двух месяцев с правом его продления. Преимущественным правом заключения договоров пользуются граждане, зарегистрированные в качестве безработных.

Оплата труда производится по выполняемой работе, но не ниже увеличенного на 15 процентов пособия по безработице. Время выполнения общественных работ включается в общий и непрерывный трудовой стаж. На лиц, выполняющих общественные рабо-

ты, распространяются социальные гарантии, включая право на пенсионное обеспечение и выплату пособий по временной нетрудоспособности.

Важная роль в обеспечении занятости населения отводится профессиональной подготовке, повышению квалификации и переподготовке граждан.

Они осуществляются, когда невозможно подобрать подходящую работу из-за отсутствия у человека необходимой профессиональной квалификации, либо необходимо изменить квалификацию в связи с отсутствием работы, отвечающей имеющимся профессиональным навыкам, либо утрачена способность к выполнению работы по прежней профессии.

Профессиональная подготовка, повышение квалификации и переподготовка осуществляются по направлениям государственной службы занятости в учебных центрах этой службы или в иных учебных заведениях за счет средств, предусмотренных на эти цели в Государственном фонде содействия занятости.

Статьи 25—37 Основ посвящены социальным гарантиям при потере работы.

За работниками, высвобождаемыми при расторжении трудового договора в связи с реорганизацией и ликвидацией предприятий, учреждений, организаций или осуществлением мероприятий по сокращению численности (штатов), сохраняется на период поиска работы, но не более чем на три месяца, средняя заработная плата с учетом выходного пособия и непрерывный трудовой стаж при условии, если они в течение 10 календарных дней после увольнения зарегистрировались в службе занятости в качестве лиц, ищущих работу.

Выплата выходного пособия и сохраняемого среднего заработка производится по прежнему месту работы.

В этот период гражданин еще не считается безработным. Статус безработного уволенный приобретает, если по истечении трехмесячного периода ему не будет предоставлена подходящая работа, а также если в указанный период он откажется от двух предложений такой работы.

За трудящимися, высвобождаемыми с предприятий, из учреждений в связи с их ликвидацией,

реорганизацией, сокращением численности или штатов и проходящими профессиональное переобучение или повышение квалификации с отрывом от производства по новому месту работы, на весь период обучения сохраняется средняя заработная плата по предыдущему месту работы.

Если для трудоустройства высвобождаемого работника потребуется предварительное повышение квалификации или переобучение, то оно производится на аналогичных условиях за счет средств предприятия, учреждения, организации, с которого произошло высвобождение, в случае, когда в течение двух лет, предшествующих высвобождению, работник не имел возможности повысить на данном предприятии свою квалификацию или получить смежную профессию.

При необходимости государственная служба занятости может компенсировать предприятиям полностью или частично затраты на организацию обучения принятых на работу граждан, высвобождаемых с других предприятий, учреждений, организаций.

К высвобождаемым ра-

ботникам приравняются лица, потерявшие работу в результате несчастного случая на производстве или наступления профессионального заболевания по независящим от них причинам и нуждающиеся в трудоустройстве и профессиональной подготовке, повышении квалификации и переподготовке.

Гражданам, потерявшим работу и заработок (трудовой доход), зарегистрированным в службе занятости в качестве лиц, ищущих работу, в период профессиональной подготовки, повышения квалификации или переподготовки выплачивается стипендия:

— лицам, не имеющим детей и других иждивенцев, в размере не менее 50 процентов основной заработной платы по прежнему месту работы (основная заработная плата исчисляется применительно к рекомендуемым государством тарифным ставкам (окладам) с учетом сдельного приработка или доплат за выполнение нормированных заданий);

— лицам, имеющим детей и других иждивенцев, стипендия выплачивается в размере не менее 50 процентов средней заработной платы

по прежнему месту работы. Следует иметь в виду, что в среднюю заработную плату включаются рекомендуемые государством тарифные ставки (оклады), сдельный приработок или доплаты за выполнение нормированных заданий, доплаты за выполнение работы в вечернее и ночное время, за сверхурочные работы, надбавки, все виды премий, вознаграждение по итогам работы за год, а также выплаты за выслугу лет. Основная зарплата составляет примерно 70 процентов средней.

Размер стипендии должен быть не ниже минимальной заработной платы, установленной законодательством Союза ССР, и не более 70 процентов средней заработной платы, сложившейся в республике, крае, области.

Гражданам, впервые ищущим работу, уволенным за нарушение трудовой дисциплины, а также длительное время не работающим и нуждающимся в профессиональной подготовке, повышении квалификации и переподготовке, стипендия назначается в размере, установленном законодательством Союза ССР и

республик, но не ниже размера пособия по безработице, предусмотренного для этой категории населения, то есть 75 процентов минимальной заработной платы.

Установлены нормы, условия и сроки выплаты пособий по безработице.

Гражданам, признанным в установленном порядке безработными, выплачивается пособие по безработице.

Право на получение пособия по безработице наступает не позднее 11-го дня с момента обращения гражданина в государственную службу занятости вплоть до решения вопроса о трудоустройстве.

Сроки выплаты пособий определяются законодательством республик, но не могут быть менее 26 календарных недель в течение 12-месячного периода для лиц, потерявших работу и заработок (трудовой доход) или стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва, и 13 календарных недель — для лиц, ищущих работу впервые.

Для граждан, потерявших работу и заработок (трудовой доход), пособие по безработице вы-

плачивается в случае, если они в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы, имели оплачиваемую работу (трудовой доход) не менее 12 календарных недель на условиях полного рабочего дня (недели) или на условиях неполного рабочего дня (недели) с перерасчетом на 12 календарных недель с полным рабочим днем (неделей).

На 1991 год республикам рекомендовано установить в качестве условия выплаты пособия по безработице период работы не менее 36 календарных недель в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы.

Для граждан, общий трудовой стаж которых в соответствии с Законом СССР «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» дает право на пенсию (включая пенсию на льготных условиях), продолжительность выплаты пособия по безработице увеличивается на две календарные недели сверх установленных 26 календарных недель за каждый год работы, превышающий пенсионный стаж.

Безработные, общий трудовой стаж которых дает право на выплату

пособия по безработице в течение 52 календарных недель (то есть их стаж работы превышает на 13 лет стаж, необходимый для назначения пенсии), имеют право на досрочный (за один год до установленного законодательством) выход на пенсию.

Законодательством республик за счет собственных средств может предусматриваться увеличение периода досрочного выхода на пенсию указанных категорий граждан.

Размеры пособий по безработице определены в статьях 30—35 Основ.

Пособие по безработице для лиц, потерявших работу и заработок (трудовой доход), устанавливается в процентном отношении к основной заработной плате, исчисленной в среднем за год по прежнему месту работы.

В 1991 году для государственных предприятий, учреждений, организаций основная заработная плата для исчисления размера пособий по безработице определяется исходя из средней заработной платы, за исключением всех видов премий и единовременных вознаграждений.

Пособие по безработице во всех иных случаях, включая граждан, ищущих работу впервые, устанавливается в процентном отношении к минимальной заработной плате.

При определении размера пособия все безработные делятся на две категории в зависимости от того, имеют ли они иждивенцев. Безработным, имеющим детей в возрасте до 14 лет и иных иждивенцев, размер пособия повышается в соответствии с законодательством республик.

Лицам, проживающим в районах, где к заработной плате установлены коэффициенты, размеры пособий по безработице определяются на период их проживания в этих районах с применением коэффициента, установленного в данном районе для работников непроизводственных отраслей.

Размер пособия по безработице подлежит также индексации в установленном порядке.

Основами установлен минимальный размер пособий по безработице на всей территории страны. Республики могут повысить его с учетом имеющихся возможностей.

В случае потери работы и заработка (трудо-вого дохода) гражданам, имеющим право на получение пособия по безработице, гарантируется его выплата в размере не менее 50 процентов основной заработной платы по прежнему месту работы, но не ниже установленной законодательством Союза ССР минимальной заработной платы.

В период получения гражданами пособия по безработице их непрерывный трудовой стаж не прерывается.

Минимальный размер пособия по безработице для лиц, уволенных с военной службы из Вооруженных Сил, а также пограничных, внутренних, железнодорожных и других видов войск, органов внутренних дел и государственной безопасности, не может быть ниже установленной законодательством Союза ССР минимальной заработной платы.

Гражданам, впервые ищущим работу и имеющим право на получение пособия по безработице, гарантируется его выплата в размере не менее 75 процентов от установленной законодательством Союза ССР мини-

мальной заработной платы в случае непредоставления службой занятости возможностей для профессиональной подготовки или трудоустройства.

Если данная категория граждан проходит профессиональную подготовку, им за указанный период выплачивается стипендия, размер которой не может быть менее 75 процентов минимальной зарплаты.

Гражданам, стремящимся возобновить трудовую деятельность после длительного перерыва, пособие по безработице выплачивается в следующих размерах:

лицам, имеющим профессию (специальность), а также лицам, оплачиваемая занятость которых в течение 12 месяцев составляет менее 12 календарных недель, при наличии общего трудового стажа не менее одного года — не ниже 100 процентов в течение первых 13 календарных недель и 75 процентов — в последующие 13 календарных недель от установленной законодательством Союза ССР минимальной заработной платы при условии, что их трудоустройство не требует профессиональной

подготовки, повышения квалификации или переобучения;

в иных случаях, в том числе лицам, не имеющим профессии (специальности), не ниже 75 процентов от установленной законодательством Союза ССР минимальной заработной платы при непредоставлении службой занятости возможностей для профессиональной подготовки.

В случае, если после завершения профессиональной подготовки и переподготовки с отрывом от производства граждане не будут признаны безработными, они имеют право на получение пособия по безработице в размере не ниже минимальной заработной платы.

Статья 37 Основ предусматривает, что находящимся на иждивении членам семьи безработного, а также гражданам, потерявшим право на пособие по безработице в связи с истечением установленного срока его выплаты, может оказываться материальная и иная помощь, включая дотацию за пользование жильем, коммунальными услугами, общественным транспортом. Порядок и условия оказания материальной и иной помощи,

выделяемой из бюджета республики, местных Советов народных депутатов, определяются законодательством республик, решением местных Советов народных депутатов, а также коллективными договорами (соглашениями).

При установлении размеров пособий по безработице законодатель исходил из экономических возможностей страны и социальной целесообразности.

Цель пособий — оказать определенную материальную поддержку тем, кто временно лишился заработка, и одновременно стимулировать активный поиск работы, исключить возможность социального иждивенчества. Поэтому выплата пособия по безработице может быть приостановлена на срок до трех месяцев, или прекращена, или его размер сокращен в случаях отказа гражданина от двух предложений подходящей работы, как и от двух предложений такой работы после завершения профессионального обучения (переобучения) по направлению государственной службы занятости, а также при получении гражданином в установленном порядке выходно-

го пособия и других выплат при высвобождении с предприятий, из учреждений и организаций, обеспечивающих частичное и временное возмещение утраченного заработка.

Увольнение за нарушение трудовой дисциплины, увольнение с прежнего места работы по собственному желанию без уважительных причин, трудоустройство на временную работу на период получения пособия по безработице без уведомления государственной службы занятости может также служить основанием прекращения или приостановления на срок до трех месяцев выплаты пособия по безработице либо уменьшения его размера.

Кроме того, государственная служба занятости может приостановить или прекратить выплату пособия либо сократить его размер, если безработный не содействует трудоустройству в порядке и на условиях, определенных законодательством республики, в связи с отсутствием гражданина по постоянному месту жительства и при выявлении попытки получения пособия по безработице обманным путем.

Перечень оснований приостановления и прекращения выплаты пособия по безработице, приведенный в Основах, исчерпывающий, он не подлежит расширительному толкованию.

ЮРИДИЧЕСКИЙ

ПРАКТИКУМ

Задача 1

Юркин занял у Еременко две тысячи рублей и дал ему расписку. Срок возврата долга в расписке не был оговорен. Когда Юркин обязан вернуть деньги?

Задача 2

Игорь Широков, 17-летний студент, получив стипендию, купил у своего приятеля аквариум за 100 рублей. Родители Игоря покупку не одобрили и потребовали, чтобы приятель забрал назад аквариум и вернул деньги. Родители ссылались на то, что Игорь несовершеннолетний и не может без их согласия покупать такие дорогие вещи. Основательными ли доводы родителей?

Сегодня на приеме у судьи речь пойдет о делах, связанных с воспитанием детей. На вопросы нашего корреспондента отвечает народный судья Н. Н. СМЕРНОВА.

ОН — МОЙ!

— Надежда Николаевна, в прошлый раз мы, на мой взгляд, достаточно подробно рассказали нашим читателям о порядке обращения в суд по делам о расторжении брака. Но, облегчая себе задачу, взяли для примера довольно простую ситуацию: супруги разводятся, а все остальные вопросы, связанные с расторжением брака: имущественные, алиментные и т. д., они урегулировали мирным путем без вмешательства суда и вообще кого бы то ни было. Но в реальной жизни все намного сложнее. И в большинстве случаев, когда распадается семья, бывшим супругам не всегда удается спокойно, без скандалов и споров разделить совместно нажитое имущество, ре-

шить, с кем из них останутся дети и т. д. Поэтому давайте сегодня усложним нашу ситуацию. Итак, предположим, нас трое: мой супруг, я и наш сын. Мы с мужем разводимся. И каждый из нас настаивает на том, чтобы ребенок остался с ним. Классический вопрос: что делать!

— Может быть, это будет звучать банально, но чисто по-человечески я бы посоветовала и вам, и вашему супругу отбросить личные обиды и амбиции и подумать, так ли уж неизбежен разрыв, может быть, все же можно его избежать. Но уж если вы все-таки не передумаете разводиться, то хотя бы постарайтесь договориться между собой, с кем останется сын. Спокойно, без лишнего шума и скан-

далов, придите к взаимному согласию. К этому призывает вас и статья 55 Кодекса о браке и семье РСФСР. В частности, в ней установлено, что если родители вследствие расторжения брака или по другим причинам не проживают совместно, то от их согласия зависит, при ком должны проживать несовершеннолетние дети. Здесь всегда главное — помнить про ребенка. Ведь ваш разрыв для него, я бы сказала, тоже психологическая драма. Он любит и маму, и папу и сделать выбор между вами ему очень трудно, тем более что многого во взрослой жизни он не понимает. Поэтому я повторяю, что уж если так случилось и вы не можете больше жить в мире и согласии, то постарайтесь хотя бы, чтобы для ребенка все это прошло как можно безболезненнее.

— И все-таки, предположим, нам не удастся прийти к соглашению.

— Ну что же, тогда обращайтесь в суд, так как в соответствии с частью 2 статьи 55 КоБС при отсутствии согласия между родителями спор разрешается судом, исходя из интересов детей.

— И кому же из нас отдадут сына!

— Не торопитесь. Давайте по порядку. Прежде всего мне хотелось бы напомнить и вам, и читателям, что по советскому семейному праву отец и мать имеют равные права и обязанности в отношении своих детей. Родители пользуются равными правами и несут равные обязанности в отношении своих детей и в случаях, когда брак расторгнут. Из этого принципа и исходит суд, решая, с кем из супругов оставить детей при разводе.

— Но, насколько мне известно, чаще всего детей все-таки оставляют матери.

— Да, судебная практика показывает, что в большинстве случаев дела решаются в пользу матери. Но это не означает, что у матери есть какое-то преимущественное право в отношении ребенка. Нет. Подобные решения основываются на том, что изучение конкретных обстоятельств дела приводит суд к убеждению, что мать сумеет лучше обеспечить необходимые для воспитания ребенка условия. Предположим, решается вопрос о передаче

на воспитание совсем маленького ребенка — годик-два. Понятно, что он в большей степени нуждается в материнской ласке и заботе. А для суда главный критерий — это интересы ребенка. Ведь недаром, если вы обратили внимание, в законе, в частности в статье 55 КоБС, есть оговорка, что суд решает споры родителей, исходя из интересов детей. Для суда это главное.

И вообще, мне хотелось бы отметить, что споры о воспитании детей — очень сложная категория дел. Рассматривая их, суд должен выяснить: кто из родителей проявляет большую заботу и внимание о детях, возраст ребенка и его привязанность к каждому из родителей, его нуждаемость в материнской опеке или отцовском внимании, личные качества родителей, возможность родителя создать надлежащие условия для воспитания.

— Значит, если у меня есть квартира и высокая зарплата, ребенка оставят мне!

— Ничего подобного. Хорошая квартира и высокая зарплата еще ничего не значат. Поскольку имущество в материаль-

ном положении или жилищно-бытовых условиях одного из родителей само по себе не является решающим основанием для разрешения спора в его пользу. Эти условия учитываются в совокупности со всеми другими обстоятельствами дела.

— И как же суд выясняет и проверяет все эти обстоятельства?

— Как обычно. Истребует характеристики на обоих родителей, заслушивает свидетельские показания тех, кто может дать пояснения о взаимоотношениях родителя и ребенка. При рассмотрении подобных споров к участию в деле обычно привлекается орган опеки и попечительства, в частности районные отделы народного образования, которые по поручению суда проводят тщательное обследование жилищно-бытовых условий родителей, беседуют с педагогами школы или воспитателями детских дошкольных учреждений, после чего представляют суду свое заключение о целесообразности передачи на воспитание ребенка кому-либо из родителей.

— А вот среди прочих условий, которые учиты-

вает суд при разрешении спора, вы назвали привязанность ребенка к родителю. Предположим, мой сын заявит на суде, что он желает остаться со мной. Будет ли подобное заявление иметь решающее значение для разрешения спора в мою пользу?

— Нет. Желание детей проживать с тем или иным родителем не имеет решающего значения. Суд может принять во внимание желание ребенка, достигшего 10-летнего возраста. Что касается привязанности ребенка к родителям, то, как уже отмечалось, она выясняется во всех случаях, когда развитие ребенка это позволяет, независимо от его возраста. Вот вы сказали: «Мой сын в судебном заседании заявит...» Пожалейте же своего ребенка. Не уподобляйтесь тем родителям, которые в беспощадной борьбе друг с другом забывают об интересах своего собственного дитя, используют его как оружие, усугубляют и без того нанесенную ему психологическую травму. Ну будьте же людьми до конца!

Вообще вызов ребенка в суд для выяснения вопроса, к кому из родителей он больше привязан,

с кем хочет остаться, не допускается. Все эти вопросы должен выявлять орган опеки и попечительства при производстве обследования. И если все же у суда возникнет необходимость непосредственно опросить ребенка, то делается это не в судебном заседании, а в присутствии педагога и в обстановке, исключающей влияние на ребенка, ну назовем их так, заинтересованных лиц. Я еще раз повторюсь, уж если так случилось и вы с супругом решили расстаться, не забывая о своем ребенке, не настраивайте его друг против друга (ведь ему нужны и вы, и отец), оберегайте его от лишних разговоров и потрясений.

— Хорошо. Теперь давайте выясним чисто технические вопросы. Когда подается заявление о рассмотрении вопроса о передаче ребенка на воспитание? Вместе с заявлением о расторжении брака или после того, как развод будет оформлен? И можно ли объединить два этих требования в одном исковом заявлении?

— Естественно, вопрос о том, с кем из супругов должен остаться ребенок, встает в тех случаях,

когда родители вследствие развода не проживают совместно. И если они сами не решили этот вопрос, то суд разрешает его при рассмотрении дела о расторжении брака по просьбе одного или обоих супругов, а также в тех случаях, когда признает это необходимым в интересах защиты несовершеннолетних детей. Однако если родители проживают отдельно, то такое требование может быть рассмотрено судом и независимо от расторжения брака. Мало того, оно может возникнуть и после того, как будет вынесено решение о разводе супругов, если один из родителей считает необходимым пересмотреть вопрос о месте проживания ребенка, а другой не дает на это своего согласия. Такие споры могут возникнуть и в тех случаях, когда дело уже было предметом рассмотрения суда. В жизни всякое может случиться. Проходит определенный промежуток времени: ребенок становится старше, а это требует новых методов воспитания, могут измениться взаимоотношения ребенка и родителя, наконец, могут произойти изменения и в жизни самого

родителя. Поэтому суд не вправе отказать в приеме искового заявления от одного из родителей о передаче ему ребенка на том основании, что дело было уже однажды предметом судебного рассмотрения. Что касается заявления, то его можно составить отдельно, а можно и включить требования о передаче ребенка в иск о расторжении брака.

— Кстати, как правильно составить заявление о передаче ребенка на воспитание? Не могли бы вы дать образец такого иска.

— Я помню, что мы обещали читателям снабжать наши беседы образцами исковых заявлений по различным категориям дел. Но вот в данном случае давайте не будем этого делать. Так как споры этого рода настолько индивидуальны, не похожи друг на друга, что составить такое заявление, которое подошло бы, как говорится, на все случаи жизни, очень трудно. Здесь может быть масса самых различных оснований, нюансов, психологических моментов, отражение которых в исковом заявлении очень важно и может оказать огромное влияние на разрешение

дела в пользу истца. Поэтому именно в данном случае, то есть когда возникает спор о ребенке, лучше всего обратиться к адвокату, посоветоваться с ним о перспективах вашего дела и попросить, чтобы он составил вам это заявление. В данном случае я искренне советую поступить именно таким образом.

— В какой суд нужно обращаться с заявлением о передаче ребенка на воспитание от одного родителя к другому?

— Здесь действует общее правило: иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика, то есть того из родителей, при котором фактически проживает ребенок.

— Нужно ли уплачивать государственную пошлину при подаче заявления о передаче ребенка на воспитание?

— Да, в этих случаях взыскивается государственная пошлина в размере 10 рублей. Так что перед тем, как обратиться в суд, зайдите в сбербанк и заплатите 10 рублей.

— Какие документы необходимо приложить к заявлению?

— Свидетельство (или копию свидетельства) о

браке (или расторжении брака), свидетельства (копии свидетельства) о рождении детей, квитанцию (или марку) об уплате государственной пошлины и копию искового заявления. Это, как говорится, обязательный «набор» документов, без которых ваше заявление будет оставлено без движения до тех пор, пока вы их не донесете. Кроме перечисленных, истец может представить иные письменные доказательства, характеризующие поведение родителей (характеристики, копии решений народного суда, товарищеского суда, родительского комитета, постановлений общих собраний, комиссий по делам несовершеннолетних и т. п.).

— Предположим, суд оставил на воспитание сына мне, могу я запретить отцу видеться с ребенком?

— Нет, не можете. Ибо по закону (статья 56 КоБС) родитель, проживающий отдельно от детей, имеет право общаться с ними и обязан принимать участие в их воспитании. А другой родитель, то есть тот, с которым проживают дети, не вправе чинить ему в этом препятствия. Но в повседневной жизни сплошь

и рядом случается, что обиженная женщина ни о чем, кроме своей обиды, уже не помнит и в своем стремлении досадить бывшему супругу забывает о том, что для ребенка важно, чтобы в его воспитании участвовали оба родителя. В этом случае отец может обратиться в отдел народного образования по месту жительства, ну предположим, матери с просьбой установить порядок его общения с ребенком. Отдел народного образования обязан принять все меры к тому, чтобы урегулировать этот конфликт мирным путем. Мать приглашают на беседу, разъясняют ей положения закона, стараются убедить ее в том, что общение ребенка с отцом необходимо для правильного формирования личности ребенка. Что она ни в коем случае не должна настраивать ребенка против отца и т. д. Если же все эти увещевания не увенчаются успехом, то РОНО выносит постановление, в котором четко определяет порядок участия в воспитании ребенка отдельно проживающего родителя. Например, устанавливает дни и часы посещения ребенка либо в детском дошкольном уч-

реждении, либо в школе, либо дома. В постановлении может быть предусмотрено также, что отдельно проживающий родитель вместе с ребенком может проводить каникулы или выходные дни и так далее. Это постановление подлежит обязательному исполнению.

— И все же, если ему не подчиниться, что будет?

— Мой вам совет, не делайте этого. Так как, если вы не будете его выполнять, РОНО обратится в суд с иском о разрешении данного спора. Суд в судебном заседании проверит, соответствует ли порядок, установленный органом опеки и попечительства, интересам детей, не нарушаются ли им права родителей и обеспечивается ли в достаточной мере их участие в воспитании. Если суд придет к выводу о том, что решение РОНО соответствует интересам ребенка, он удовлетворит иск. Исполняется это решение судебным исполнителем. Вы можете представить себе ситуацию, когда ваш сын встречается с отцом в присутствии чужого человека? Вы не боитесь этим еще сильнее

травмировать ребенка? Мало того, за неисполнение решения суда на вас может быть наложен штраф в размере до 200 рублей. Если вы и дальше не будете выполнять решение суда, на вас опять наложат штраф. И так вплоть до 1000 рублей (то есть общая сумма штрафа не может превышать 1000 рублей). Однако уплата штрафов не освобождает должника от обязанности выполнить предусмотренные решением суда действия.

— И последний вопрос, Надежда Николаевна. Вот вы все время говорили: мать настраивает ребенка против отца, препятствует их свиданиям. А если во время таких встреч отец настраивает ребенка против матери, если, подавшись с отцом, ребенок становится нервным, раздражительным, агрессивным или, наоборот, молчаливым, расстроенным. Разве в таких случаях мать

не может запретить эти встречи.

— Если вследствие неправильного поведения отдельно проживающего родителя общение с ним может помешать нормальному воспитанию ребенка, органы опеки и попечительства могут на определенный срок лишить его права общаться с ребенком. Подчеркну, лишь органы опеки и попечительства и лишь на определенный срок. Лишить родителя вообще права на общение с ребенком и на участие в его воспитании возможно лишь по решению суда в случае лишения этого родителя родительских прав или изъятия у него ребенка без такого лишения.

— Спасибо, Надежда Николаевна. И до следующей встречи.

А нашим читателям мы сообщим, что в следующий раз наша беседа будет посвящена искам об алиментах на детей.

РАСХОДЫ БУДУТ ВОЗМЕЩЕНЫ

Как свидетеля по гражданскому делу об установлении отцовства и взыскании алиментов меня вызвали в народный суд, находящийся в другом городе. Естественно, пока была в дороге и присутствовала на судебном заседании, все те дни не работала. Администрация же фабрики, где я работаю, не выплачивает за это зарплату. Она объясняет это тем, что якобы по гражданским делам подобные выплаты законом не предусмотрены. Правы ли руководители?

Л. ЮДИНА
г. Омск

Нет, руководители фабрики поступают неправильно. Инструкцией о порядке и размерах возмещения расходов и выплат вознаграждения лицам в

связи с их вызовом в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру или в суд, утвержденной постановлением Совета Министров РСФСР от 14 июля 1990 года, установлено, что свидетели, потерпевшие, законные представители потерпевших, эксперты, специалисты, переводчики и понятые, вызываемые к лицу, производящему дознание, следователю, в прокуратуру или в суд для дачи показаний, заключенный по уголовным и гражданским делам, перевод, участия в производстве следственного действия и судебном разбирательстве, имеют право на возмещение понесенных ими расходов по явке. Кроме того, за ними также сохраняется средний

заработок по месту их работы за все время, затраченное ими в связи с вызовом.

В том случае, если указанные лица не являются рабочими, колхозниками или служащими, им выплачивается вознаграждение за отвлечение их от работы или обычных занятий.

Я врач. По распоряжению администрации больницы был откомандирован в следственный отдел прокуратуры для проведения экспертизы. Однако после ее окончания никакого вознаграждения за это не получил. Правильно ли это?

А. ИВАНОВ
г. Подольск

Да, правильно. Эксперт, специалист и переводчик не имеют права на вознаграждение, если обязанности в органах дознания, предварительного следствия, прокуратуре или в суде выполнялись ими в порядке служебного задания.

Чтобы не опоздать в суд, который находится в другом городе, пришлось прибегнуть к услугам аэрофлота. Однако когда я предъявила проездные документы, то мне сказали, что оплатят расходы,

но только исходя из стоимости железнодорожного билета. Расскажите, как оплачиваются такие расходы?

З. ИВАНОВА
г. Щербинка

Расходы, связанные с проездом к месту явки и обратно к месту постоянного жительства, оплачиваются свидетелям, потерпевшим, законным представителям потерпевших, экспертам, специалистам, переводчикам и понятым на основании предъявленных ими проездных документов. Однако размер этих выплат зависит от того, каким видом транспорта они пользовались. Так, при проезде по железной дороге возмещается стоимость проезда в плацкартном (купейном) вагоне. Если вызываемые лица пользовались водными путями, то расходы возмещаются, исходя из стоимости проезда в каютах, оплачиваемых по V—VIII группам тарифных ставок на судах морского флота и в каюте III категории на судах речного флота. При проезде по шоссейным и грунтовым дорогам выплачивается стоимость проезда транспортом общественного пользования (кроме такси). При пользовании воздушным

транспортом возмещается стоимость билета обычного (туристического) класса.

Вместе с тем, помимо расходов по проезду, возмещаются страховые платежи по государственному обязательному страхованию пассажиров на транспорте, стоимость предварительной продажи проездных документов, затраты на пользование в поездах постельными принадлежностями. Оплачиваются также расходы по проезду автотранспортом (кроме такси) к железнодорожной станции, пристани, аэродрому, если эти объекты находятся за чертой населенного пункта.

Приехала в город Рязань по вызову в суд. В гостиницу устроиться не смогла. Поселилась на частной квартире, за пользование которой платила 5 рублей в сутки. Когда же потребовала возместить расходы, то мне оплатили из расчета 4 рубля.

Правильно ли это?

Л. ОСИПОВА
г. Михайлов

Да, правильно. Свидетелям, потерпевшим, законным представителям потерпевших, экспертам, специалистам, переводчи-

кам, понятым расходы по найму жилого помещения возмещаются на основании представленных подтверждающих документов со дня прибытия по день выезда в размере не свыше 5 рублей в сутки в г. Москве, Ленинграде, в столицах союзных республик и 4 рубля в сутки в других городах, а также в районных центрах и 3 рубля в сутки в прочих населенных пунктах.

Кроме того, в пределах этих норм подлежат возмещению затраты на оплату дополнительных услуг, оказываемых в гостиницах, а за бронирование мест в гостиницах в размере 50 процентов от возмещаемой стоимости места за сутки. В таких же размерах этим лицам при предъявлении ими соответствующих документов производится оплата расходов по найму жилого помещения за время вынужденной остановки в пути.

Вызывали в качестве свидетеля в прокуратуру, находящуюся в другой области. Должны ли выплачиваться суточные?

А. ГОРШКОВ
г. Ливны

За дни вызова в правоохранительные органы свидетелям, потерпев-

шим, законным представителем потерпевших, экспертам, специалистам, переводчикам, понятым выплачиваются суточные в размере 3 руб. 50 коп., а в районах Крайнего Севера, а также в Хабаровском и Приморском краях и в Амурской области — 4 руб. 50 коп., включая выходные и праздничные дни, а также дни нахождения в пути, в том числе за время вынужденной остановки в пути. Однако следует подчеркнуть, что выплата суточных не производится, если эти лица имеют возможность ежедневно возвращаться к месту своего постоянного жительства.

Я инвалид III группы. Занимаюсь домашним хозяйством. Как свидетеля вызывали к следователю. Положено ли мне какое-либо вознаграждение?

И. ФЕДОРОВА
г. Задонск

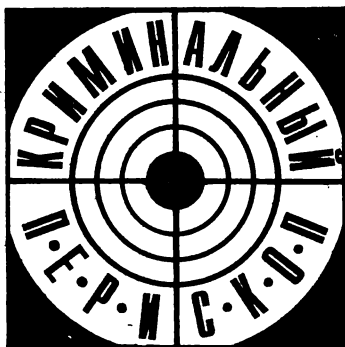
Свидетелям, потерпевшим, законным представителям потерпевших и понятым, не являющимся рабочими, колхозниками или служащими, за отвлечение их от работы или обычных занятий, помимо

расходов по явке (проезд, найм жилого помещения, суточные), выплачивается вознаграждение в размере 3 руб. 50 коп., в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, а также в Хабаровском и Приморском краях и в Амурской области — 4 руб. 50 коп. в день.

По специальности я инженер-строитель. Вызвали в прокуратуру и просили дать экспертное заключение по уголовному делу. Должны ли мне выплачивать за работу вознаграждение?

Ю. КИСТАНОВ
г. Павловский Посад

Да, такая выплата предусмотрена. Так, экспертам за проведение экспертиз, специалистам за участие в производстве следственных действий и в судебном разбирательстве устанавливается вознаграждение в размере от 80 копеек до 2 рублей в час. Конкретный размер подобного вознаграждения определяется органом, осуществившим вызов, в зависимости от квалификации эксперта (специалиста) и сложности работы.

Великое народное собрание Болгарии реабилитировало всех незаконно репрессированных граждан в период с 12 сентября 1944 года по 10 ноября 1989 года. Принятым законом парламент восстановил в политических и гражданских правах тех, кто подвергся репрессиям в связи со своим происхождением, политическими и религиозными убеждениями. Предусматривается выплата относящимся к этой категории лицам или их наследникам одноразовой денежной компенсации.

Число совершаемых в Соединенных Штатах Америки преступлений с применением насилия продолжает увеличиваться. Об этом свидетельствует доклад Федерального бюро расследований, согласно которому в прошлом году уровень преступности вырос в стране на 10 процентов. По данным ФБР, в 1990 году было офи-

циально зарегистрировано около 1 миллиона 810 тысяч насильственных преступлений, включая 23 600 убийств, 103 тысячи изнасилований, 642 тысячи краж и более миллиона разбойных нападений. Самым опасным местом для проживания по-прежнему остается Нью-Йорк, где в прошлом году было совершено 2245 убийств, или на 18 процентов больше, чем в предыдущем. В Лос-Анджелесе, занимающем вторую строчку в списке крупнейших «городов-убийц», зарегистрировано 983 смертельных случая (12-процентный прирост), в Чикаго — 850, или на 15 процентов больше, чем в 1989 году.

Ошеломляющие темпы роста преступности, зарегистрированные в Румынии в 1990 году, сохраняют свою стабильность и в настоящее время. Об этом заявил начальник судебного управления полицейского госдепартамента страны полковник Ион Питулеску.

В первый после декабрьской революции год почти в три раза по сравнению с 1989 годом возросло число преступлений, совершенных с применением насилия — убийств, изнасилований и разбойных нападений. На 188 процентов увеличились правонарушения, направленные против общественной и личной собственности. Румынских криминалистов осо-

бенно беспокоят рост бандитизма и организованной преступности, а также тот факт, что почти треть всех правонарушений совершена подростками — за 1990 год преступность среди несовершеннолетних возросла в четыре раза. И, наконец, тревогу вселяет достигший беспрецедентных масштабов социальный паразитизм. Если в предыдущие годы лица без определенных занятий составляли 10—15 процентов от общего числа правонарушителей, то в 1990 году этот показатель сразу подскочил до 42 процентов. На сегодня он составляет уже 45 процентов, то есть почти половина всех преступлений в стране совершается тунеядцами и безработными.

Более 50 заключенных тюрьмы особо строгого режима «Саутпорт», расположенной в районе города Элмайра (штат Нью-Йорк), подняли бунт и захватили в качестве заложников нескольких охранников. Заключенным удалось сломать разделяющие их на небольшие группы перегородки во дворе для прогулок. Оказавшись в явном меньшинстве, охранники не смогли оказать им сопротивления. Позже по меньшей мере двое заложников были отпущены и ныне находятся в больнице. Группа полицейских в снаряжении, предназначенном для подавления беспорядков, приняла попытку штурма

двора и одного из блоков тюрьмы, удерживаемых заключенными.

Мотивы их бунта до конца неизвестны. Вместе с тем специалисты напоминают, что за последние семь лет число заключенных в исправительных заведениях штата Нью-Йорк практически удвоилось и составляет ныне 55 тысяч человек. Одновременно правительство штата ввиду бюджетных трудностей предприняло шаги, направленные на сокращение штата охранников. Такие условия, по мнению многих, лишь способствуют росту опасных инцидентов в тюрьмах.

Несовершеннолетний житель американского штата Айова, уличенный в курении, может быть оштрафован на сумму до 100 долларов. Такое наказание предусмотрено новым законопроектом, подписанным губернатором штата Терри Бранстадом. Вступающий в силу закон запрещает употребление юношами и девушками в возрасте до 18 лет любых табачных изделий и вводит дополнительные ограничения на продажу сигарет через торговые автоматы. Ранее в Айове уже действовал закон, предусматривавший наказание продавцов, отпускающих табачные изделия несовершеннолетним.

Подготовил Г. ЧАРОДЕЕВ

МАФИЯ

Февраль девяносто первого. Кладбище в сугробах. Вагончик смотрителя на его краю. К нему одна за одной подкатывают новенькие легковые автомобили. Из них вываливаются крепкие парни, одетые по последнему писку моды. Некоторые проходят, в вагончик, остальные сбиваются в толпу у дороги.

Ровно в полдень, когда автомобилей выстроилось уже штук сорок, над кладбищем зависает вертолет. Толпа у дороги замирает. Вертолет начинает снижаться. Из него через мощный мегафон раздаются команды, приказывающие: «Не расходиться! Не оказывать сопротивления!» Но толпа приходит в движение. И тогда в вертолете нажимаются спусковые крючки десяти автоматов. Огонь ведется холостыми патронами, но толпа этого не знает, и, шарахаясь от автоматных очередей, она прытко сжимается и снова замирает.

Вертолет выкидывает лестницу. По ней в два счета спускаются солдаты ОМОНа в бронежилетах и касках. Одновременно с двух концов дороги к вагончику подступают десятка два милиционеров. Толпа отсекается от вагончика. Туда с автоматами врываются омовцы, и всех, «удостоившихся чести» заседать там, ставят у стенок с поднятыми вверх руками. На одного, кинувшегося в драку, надевают наручники.

Через несколько минут все сто с лишним человек: и совещавшиеся в вагончике, и толкавшиеся на улице, — будут выстроены в шеренгу вдоль дороги. Каждого из них заставят снять шапку и позировать перед видеокамерой. Кто же они и зачем съехались на кладбище?

Из сводки УВД Кемеровского облисполкома:

«09.02.91 года органы внутренних дел области стали располагать оперативными данными о том, что 12.02.91 г. на кооперативно-кладбище близ г. Прокопьевска намечается сходка уголовно-криминальных лиц Кузбасса.

Руководство УВД безотлагательно приняло решение о проведении розыскных мероприятий по проверке полученной информации. Осуществленный контроль ее подтвердил.

Для пресечения сходки были задействованы силы ОМОНа г. Прокопьевска, а также личный состав группы захвата и шесто-

ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ

го отдела УВД. В целях обеспечения операции им выделено в распоряжение 15 единиц автотранспорта и вертолет «МИ-8».

В ходе операции было задержано 125 человек. Все они дактилоскопированы, поставлены на видеоучет. Подавляющее большинство задержанных являются ранее судимыми.

Названная сходка замышлялась с двумя целями. Выработать линию поведения по противоборству с органами внутренних дел. Ослабить обострившуюся борьбу за сферы влияния в самой уголовно-криминальной среде, вследствие которой 6 февраля 1991 года в г. Новокузнецке в стычке между двумя преступными группировками было убито три боевика. Инициатором сходки являлся вор в законе Коростылев — по кличке Коростыль, житель г. Прокопьевска».

Захват сходки готовился в строгой конспирации, милиция угрохала за него уйму сил и средств. А стоила ли овчинка выделки? 122 задержанных отделались легким испугом. Их выпустили по домам сразу по установлению личностей: ни за кем ничего не числилось. Один находился в местном розыске — его направили куда следует. У двоих при досмотре изъяты наркотики, самодельный нарезной револьвер и пистолет системы Марголина. По этим фактам возбуждено два уголовных дела. В снегу у кладбища милицейскими металлоискателями найдены 19 ножей, 6 обрезов и боеприпасы к ним.

Все это, с какой стороны ни смотри, крепким ушибом уголовщины не признаешь. Но если бы руководители УВД заранее вычислили, что операция на кладбище не даст ни единого уголовного дела и не приведет ни к какому изъятию оружия, то и в таком случае они вряд ли бы отказались от ее проведения. Захват сходки хлестанул по престижу ее организаторов — первых воровских лидеров (собрали корешей, а безопасность не обеспечили) и внес на время панику в ряды уголовников. Но и это не все. Весь ход операции был записан на видеокассету, и многие ее фрагменты с комментариями работников УВД показало кемеровское телевидение. Кузбасс впервые мог убедиться: организованная уголовщина — не миф. Она существует и не собирается шутки шутить.

Из сводки УВД Кемеровского облисполкома:

«Показ фрагментов видеозаписи проведенной операции вызвал определенный резонанс у населения. С озабоченностью прошедшая сходка воспринята советскими органами области».

Нет-нет, после криминального телерепортажа с Прокопьевского кладбища все имущие власть и деньги не кинулись помогать нищенствующей милиции. Но надежды на помощь у нее чуть прибавилось. А пока она может лишь изредка попугивать всемогущую уголовщину своими автоматами.

ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ ВОРОВ

Преступники-профессионалы собираются на сходки.

Милиционеры проводят совещания.

Светлый зал с темными креслами. Большинство сидящих — люди в штатском. Раздается голос: «Товарищи офицеры!» Все встают. На сцену из-за кулис выходит группа генералов. Начинается совещание руководящего милицейского состава Западной Сибири.

Он собрался в Кемерово не держать отчет перед прибывшими туда же чинами из МВД РСФСР, а советоваться, обмениваться опытом. Все шло, как и было задумано: ораторы рассказывали о методах своей работы, приводили примеры, спорили друг с другом. Но едва ли не в каждом выступлении вскользь прорывалось: преступность расплозается, и ничего с ней не поделать!

За десять лет число преступлений в Кемеровской области удвоилось. А в первые месяцы 1991 года — подскочило на 20 процентов. В Новосибирской и Омской областях это число растет еще быстрее. Все больше преступлений совершается с применением оружия. 12 000 нарезных стволов, похищенных у армии и милиции, ходит сейчас по рукам. Все теснее становятся связи между бандитствующими группами. В минувшем году на территории РСФСР замечено три драки, в каждой из которых участвовало не менее 700 боевиков. Молодежь в банды идет широким потоком и прочно впитывает уголовно-воровские традиции и обычаи.

Второй съезд народных депутатов СССР постановил усилить борьбу с организованной преступностью. А она с тех пор значительно окрепла и напоминает ныне лернейскую Гидру из древнегреческого мифа, у которой на месте одной отрубленной головы вырастают две новые. Эдакое чудище в нашем Отечестве возросло не без покровительства политиков.

Истоки сегодняшнего процветания уголовщины надо искать в марте 1917 года. Свержение монархии порушило многовековой правопорядок и во всю дало ход идеям лжегуманизма. Жаждавшие популярности демократы из Временного правительства навязали стране абсурдное всепрощенчество. Плоды их повальной амнистии ожидать долго не пришлось. Уже через

месяц в Москве, например, было небывалое число краж — 7000.

Октябрьская революция свела на нет криминальную полицию. Новые карательные органы разномасштабное жульничество мало занимало. Вся их мощь обрушивалась главным образом на головы тех, кто отказывался ступить на тропу социализма. Так было в Гражданскую войну и после нее. И в 1923 году уголовная преступность в крупных городах превысила уровень 1913 года в семь—десять раз.

К концу двадцатых новая власть, порубав слегка крону уголовщины, заключила с ней долгосрочный мир. Преступники-профессионалы, жившие кражами, грабежом и разбоем, были объявлены прослойкой, социально близкой пролетариату: ей тоже нечего терять, кроме цепей, и, следовательно, ее надо не искоренять, а перевоспитывать. Если крестьянин, присвоивший мешок колхозной картошки, карался по сталинским законам десятью годами лишения свободы, то ловкий вор, обчистивший квартиру, получал не более одного года: первый был чужим, второй — своим.

В исправительных лагерях «социально близким» давались самые легкие работы. Наиболее «авторитетные» из них вообще бездельничали. Администрация лагерей в упор не видела то, что уголовники обирают прочих заключенных и измываются над ними.

За любовь уголовщина платила власти любовью. Когда ее лидеры — воры в законе принимали в свои ряды новые авторитеты, то брали с них клятву: не читать газет и не вмешиваться в политику. Правило это сохраняется, кстати, с тридцатых годов и по сей день.

Терзавший страну террор уголовщины миновал. Она не только благополучно выжила, но и расплодилось, отладила сеть притонов, явок, нелегальных касс. И после Отечественной войны стала орудовать с таким размахом, что власть оказалась неспособной удерживать над ней контроль. Сталину пришлось разорвать символический мирный договор первых пятилеток. В 1947 году появились два указа: Об охране социалистической собственности и об охране личного имущества граждан. По этим указам те кражи, за которые прежде воры расплачивались несколькими месяцами заключения, теперь наказывались 20 годами. Одновременно была дана команда усилить уголовный розыск и повысить с него спрос. А НКВД предпринял хитрый ход по расколу воровского подполья. С его помощью известные уголовники, напуганные длительными сроками в краях вечной мерзлоты, объявили и принялись насаждать новый воровской закон, разрешавший авторитетам не уклоняться от работы в лагерях и тем самым не подвергать себя репрессиям. Воры в законе немедленно провозгласили новозаконников «суками», то есть изменниками. Борьба между ними развернулась

не на жизнь, а на смерть. «Суки» убивали воров в законе, а те — «сук». Потери с обеих сторон исчислялись тысячами и тысячами.

Хрущевская оттепель восстановила мир власти с уголовщиной. Опыт потворства социально близким, который привел к указам сорок седьмого года, «наш Никита Сергеевич» с его окружением учсть не захотел. И черное было смешано с белым. Милость власти распространилась как на невинных жертв политического террора, так и на жуликов-ворюг. Кроме того, клика Хрущева дала вторую жизнь постулату сталинской клики: при социализме нет объективных причин преступности. В результате руки правоохранительных органов оказались полусвязанными — не на год-два, а на тридцать лет, ибо упомянутый постулат лег в основу уголовного законодательства 1958—1960 г. г., которое действует с незначительными изменениями и по сию пору.

Бойня позднесталинского времени не истребила институт воров в законе. Они зализали раны и, пользуясь миролюбием шагающей к коммунизму власти, успешно воссоздали организованное уголовное подполье. Оно разрабатывало и проводило преступные операции, обеспечивало прикрытие и поддержку его членам, регулировало отношения между ними и вершило суды, укреплявшие боеспособность рядов. А законы ничего этого видеть не разрешали: в стране с самым передовым строем нет и не может быть социальных условий для возникновения тайных криминальных организаций.

Все тридцать последних лет меч правосудия сек по отдельным уголовникам, но не уголовщине. Корни ее разрастались и набирали мощь. И в конце восьмидесятых повторилось то же самое, что и в 1947 году: воровское подполье вышло из-под контроля власти. Но если тогда ему это дорого стоило, то теперь оно может нагнать беспредельно. Для расправы с ним, похоже, у нынешних правительств нет ни воли, ни ума, ни силы, да и желания тоже. У воров наступило золотое время.

Вдоль и поперек Кемеровской области промышляют ныне 70 воровских групп численностью не менее 3000 человек. Среди них есть узкие специалисты, например по квартирным кражам или аферам с автомобилями, и есть специалисты многопрофильные. Все банды привязаны к одному из двух воров в законе, которые сами не воруют, не разбойничают, никого даже пальцем не трогают. Их роль: поддерживать порядок — устранять вражду между бандами, выносить приговоры нарушителям, печься о поступлениях в кассу-общак и справедливой трате денег. Все это они исполняют с помощью авторитетов при них. Авторитеты, как правило, тоже лично в преступлениях не участвуют. Они составляют своего рода штаб, проводящий указания вора. В городе Мыски порезали лидера местных бандитов: надо туда выехать, разобраться, кто и почему такое смел, и взгреть виновных. Это функция одного из авторитетов. Функция другого —

блюсти разграничение объектов наживы: если в городе Топки две банды жаждут брать дань с одного и того же кооператива, значит, надо туда прибыть и устранить разногласия. За третьим — организация конспиративных встреч, сходок и их охрана. Четвертый авторитет ведет обычно финансовые дела.

Каждая банда полностью самостоятельна. Она не обязана посвящать в свои замыслы ни вора, ни его штаб. Если кому-то из бандитов нужен совет или помощь деньгами, людьми, фальшивыми документами, обращайся к уважаемым сотоварищам, и всем, чем можно, тебе помогут. Разрешение же ни на какое дело спрашивать не надо: тебе очертили поле действий — город, район, улицу, квартал, и ты твори в ней, что пожелаешь. Перед правилами клана у банды и ее членов единственная прямая обязанность: отчислять в общак установленный процент дохода. И тут упаси боже словчить. Откроется обман, пиши пропало.

Монолитным единством кемеровское подполье не отличается. Между бандами не стихает конкурентная борьба. Все рвутся расширить сферы влияния. Договоры об их разделе часто нарушаются, и столь же часто вспыхивают кровавые стычки. И хотя они решительно пресекаются воровским штабом, заглушить их не удается. За три минувших года в междоусобицах было убито 11 бандитов. А вот при угрозе со стороны подполье всегда находит общий язык. Не так давно один из воров в законе для того, чтобы «поставить на место» стройбригады чеченцев, всего лишь за ночь собрал вместе 600 вооруженных боевиков. Полное взаимопонимание достигается бандитами и в почти любом случае противоборства с силами правопорядка.

Внутренние разногласия не умаляют, а поднимают роль уголовной власти — воров в законе и их окружения. Почтение к ней сближает всех — даже самых непримиримых конкурентов. Очередной юбилей вора — событие для всего клана. Имениннику отовсюду везут подарки и шлют красочно сделанные открытки с проникновенными словами:

«Вора Виктора поздравляем от души. Всего самого наилучшего в твоей жизни. Отличного здоровья, успехов и удачи в делах и помыслах. А также счастья и всех земных благ. С уважением бродяги Покровского центра».

«Витька! Поздравляем тебя с днем рождения! От всей нашей души желаем тебе радости и всех жизненных благ. С искренним уважением братва города Белово».

Воров и авторитетов милиция знает в лицо и по имени-отчеству. Известно ей и об их делах и помыслах. Но тайная режиссура всей жизнедеятельности подполья неподсудна, и воровская власть чувствует себя в полной безопасности. Это позволяет ей увеличивать имеющиеся банды и создавать новые в таком количестве, в каком она сочтет нужным.

Перестройка не только одарила уголовный мир массовой амнистией 1988 года, столь же бездумной, как и амнистия марта

1917 года, но и открыла перед ним столбовой путь к легкому, абсолютно безнаказанному и обильному пополнению его казны. Едва реформаторы-перестройщики впустили в легальную экономику богатых спекулянтов и взяточников, банды уголовников тут же обнесли их кооперативы и малые предприятия красными флажками: или делитесь наворованным, или выворачивайте перед судом подноготную происхождения своей мощны. Грабеж награбленного принес воровским лидерам крупные деньги: На них они закупили автомобили, оружие, радиосвязь, различные технические средства и, таким образом, основательно расширили возможности банд для традиционного грабежа. Средства, которые они ныне отнимают у граждан и государства, настолько велики, что даже рядовые их члены могут вести довольно роскошную, по советским меркам, жизнь.

Чтобы попасть в кемеровское подполье, надо выдержать конкурс. Туда берут самых достойных, прошедших все необходимые испытания. Лишенная идеалов, затюканная нищетой молодежь рвется в банды за благополучием, уголовный мир щедро платит и не оставляет в беде: сядешь ты в тюрьму, корешки помогут твоей семье, «подогреют» в зоне тебя самого — доставят деньги, водку, наркотики. В минувшем году только из одного воровского общака в Кемеровской области на разного рода вспомоществования было выделено полтора миллиона рублей.

Уголовщина, как и все общество, тоже перестраивается. До сих пор воровской закон категорически запрещал подпольной элите вступать в какие бы то ни было отношения с властями. Уличенный в том предстал перед карающим «судом чести». Ныне же авторитет, который для дела завел дружбу с депутатом, чиновником, милиционером, обыкновенно встречает не гнев, а одобрение своей братвы. Если прежде воровские лидеры безговали всеми доходами, кроме доходов от краж, разбоя, грабежа, вымогательства, то теперь немалая их часть не считает зазорным заводить собственный прибыльный бизнес. По сведениям кемеровской милиции, деньги уголовников уже вложены в десятки общепитовских и сервисных точек. Уголовщина сливается с торгово-предпринимательской мафией и так же, как и она, легализуется. И не исключено, что со временем мальчишки в школе будут писать в сочинениях: «Я мечтаю стать вором в законе, чтобы иметь собственный ресторан, ездить в шикарной машине, ходить повсюду с охраной, принимать у себя на роскошной даче народных депутатов...».

НИЧЬЯ В ПОЛЬЗУ КАПИТАЛА

Кемеровская область с ее знаменитым угольным бассейном — это край несметных богатств. Кузбасс — это треть всего добываемого в стране угля и пятая часть выплавляемого металла. Но этот край является и краем социальной нищеты. И потому

рабочее движение в области отличается особой организованностью и решительностью.

За политической забастовкой кузбасских шахтеров следили все. Еще бы: они впервые потребовали заменить политиков и политику, к которой каждый из нас, грешных, не безразличен.

Президент СССР не уступил шахтерам: не подал в отставку, не распустил союзные структуры власти.

Шахтеры не уступили Президенту: не сняли политических требований и не приостановили забастовку, пока не плюнули на Центр и не ушли под юрисдикцию республики.

Ничейный исход ударил по авторитету Президента, еще раз проявил его неспособность найти взаимопонимание с рабочими. Ничья вышла явно не в пользу Президента. А выиграли ли от нее шахтеры — что им принесла новая подчиненность? Прежде чем поразмыслить над этим, резонно вспомнить: чего вот уже почти два года добиваются шахтеры?

Видеозапись лета 1989 года. Междуреченск. На огромной, залитой солнцем площади плотно сидят люди — самый боевой отряд пролетариата, чью доблесть рекомендовалось прославлять в песнях: «Шахтерский труд — всегда сражение. Правдив и смел шахтерский взгляд. В своем рабочем снаряжении все горняки похожи на солдат».

Шахтеры на площади одеты в разноцветные рубашки, курточки и на солдат не похожи. Но смелости в их взглядах — без конца и края.

У трибуны лозунги: «Бастуем до победы!», «Товарищи руководители! Хватит слов!», «Просим посетить трущобы социализма!»

Когда к микрофону подходит какой-либо начальник — партийный ли секретарь, министр, площадь взрывается свистом и криками: «Долой! Надоело!». Когда кто-то из ораторов берется говорить «за большую политику» — против Горбачева и КПСС, его за шиворот оттаскивают от микрофона.

Требования на площади звучат самые разные: от «Верните детям сгущенку и шоколадные конфеты!» до «Горком и горисполком — в отставку!» Но главное, единое, всех объединяющее требование: «Дайте шахтам самостоятельность!»

Вслед за Междуреченском забастовал весь Кузбасс, а за ним и остальные угольные бассейны. И везде слышалось: даешь самостоятельность. Шахтеры не были оригинальны в этом своем требовании. Они хотели иметь то, что верховная власть уже дала некоторым гражданам.

Явление народу частного бизнеса задело самолюбие шахтеров. Да, они видели, что процветание многих кооперативов держится на спекуляции, опустошающей государственные магазины. Да, они догадывались, что за неведомыми прежде вывесками «отмываются» наворованные деньги. Но вместе с возмущением всем этим у шахтеров пробилось и желание поспорить с кооператорами.

Трудовой люд в забоях всегда занимал особое место среди советского пролетариата. Шахтеры пуше, нежели рабочие других профессий, гибли и калечились. Но зато больше всех зарабатывали и получали путевок в санатории, лучше снабжались товарами, чаще ездили за границу. Благодаря привилегированному положению они не утратили чувство собственной значимости, не растеряли веры в свои силы. И баснословные заработки кооператоров не толкнули их к мысли: новоявленный бизнес надо разогнать! Нет, надо шахтам добиться такой же свободы деятельности, какой уже обладают кооперативы.

Шахтерские головы в то время не были затуманены словами «приватизация» и «арендизация», и их видение самостоятельности не отличалось сложностью: скажи нам, Минуглепром, сколько угля тебе нужно, мы дадим по твердым ценам, сколько ты хочешь, возьмем взамен по таковым же ценам оборудование с материалами. И будь здоров. Всю продукцию сверх заказа коллектив шахты продает сам. Сам же ведет свои финансовые дела, каждому платит по труду его и отчитывается только за уплату налогов.

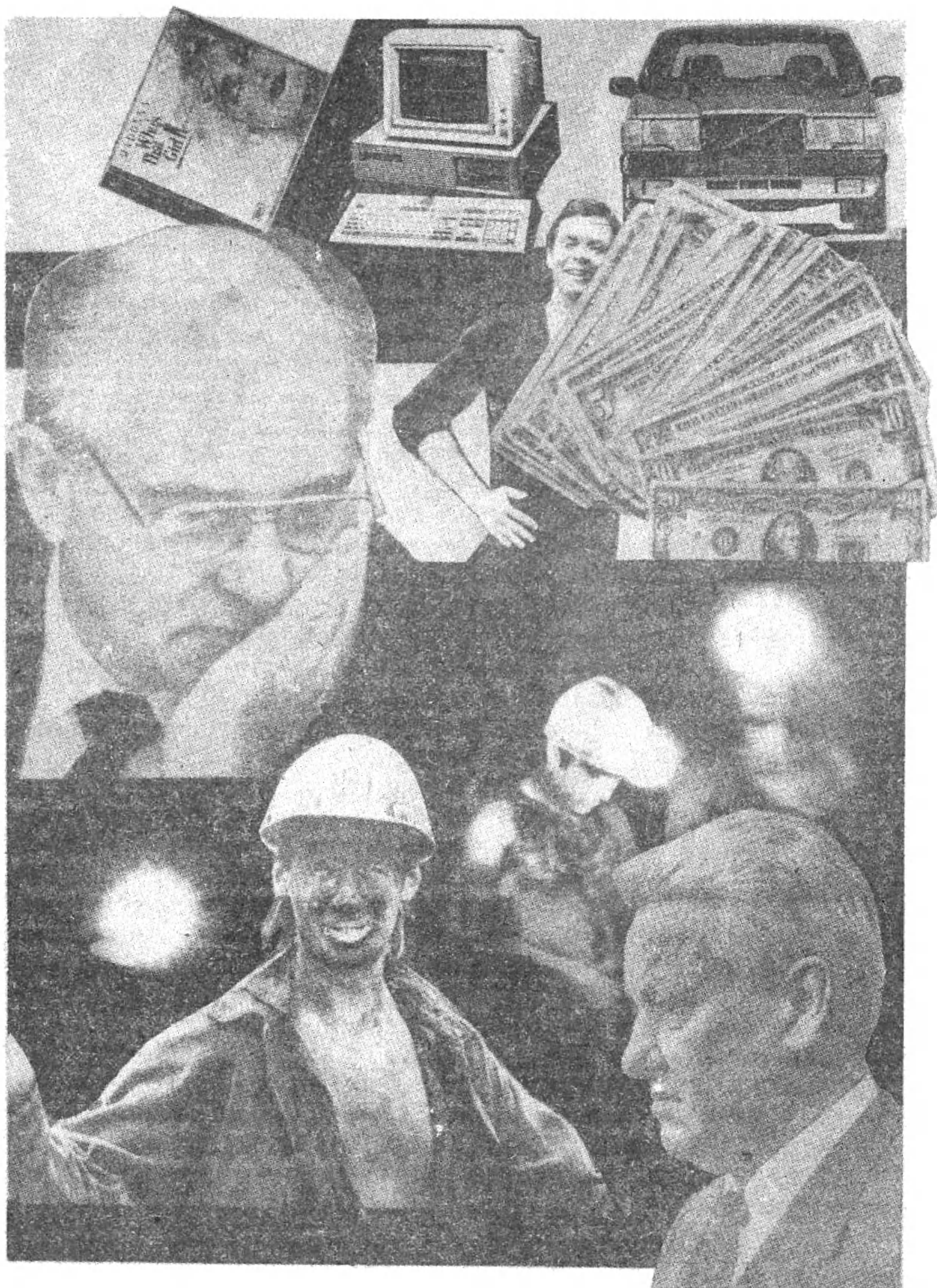
Действующую модель экономики эти требования шахтеров не разрушали. Они имели столь же нереволюционный характер, как и требования крестьян в 1921 году.

До Политбюро шахтеры не достучались. Грянул Первый съезд народных депутатов страны. Но ни один оратор-демократ не заговорил с его трибуны об экономической свободе рабочих и крестьян. Не услышал шахтеров и новый Верховный Совет. И тогда они отважились на забастовку.

Когда в июле восемьдесят девятого мимо бастующего Прокопьевска проследовал эшелон с военной техникой, город мгновенно оцепенел от слухов: готовится расправа! Подновленную власть Горбачева шахтеры не считали своей, народной властью, боялись ее. Но надеялись: Горбачев может перейти на их сторону. И потому гнали с трибун антикоммунистов, и потому, выплескивая гнев на местных руководителей, всячески демонстрировали симпатии к верховной власти.

Горбачев ступил к шахтерам не на шаг даже, на четверть шага. Знаменитое 608-е постановление Совмина кинуло им букет поблажек и липовую самостоятельность. Шахты получили права юридических лиц. Завели печати и расчетные счета в банках. Но остались опутанными Минуглепромом по рукам и ногам. Он по-прежнему устанавливал им штатное расписание и нормы оплаты труда, определял объемы свободной продажи угля и решал, кому можно, а кому нельзя торговать с заграницей.

На шахте «Северная» близ Кемерово я был свидетелем разговора Анатолия Тарасенко, первого секретаря рудничного райкома партии, с членами забастовочного комитета. Один из них —

Коллаж М. ПАНКОВОЙ

Евгений Косицин сказал секретарю: «Не надо вытворять из нас злоумышленников. Единственное, чего мы хотим, нормально работать и нормально зарабатывать. Дай нам это Горбачев раньше или сейчас, мы б не только не требовали его отставки, мы бы его портретами заставили свои божницы. А что он за шесть лет сделал нам для лучшей жизни? Что?» Ответом было молчание.

Если бы тем же вопросом где-то в ресторане или на загородной вилле задались матерые спекулянты, взяточники, грабители, то он бы не повис в воздухе...

Почти одновременно с Законом о кооперации наша печать обнародовала предложение: всем гражданам заполнить декларации о своем имущественном состоянии с указанием источников нажитого. Честному богачу отчет перед государством не страшен, а испросить его у ворюг-богатеев сам бог велел. Скажи тогда всесильный Генсек хоть слово за это предложение, Верховный Совет тут же бы отштамповал постановление, и подпольные миллионеры оказались бы перед выбором: либо засветить себя и проторить тропу в тюрьму, либо скрыть истинные размеры капитала и, стало быть, лишиться возможности приобретать на него недвижимость и пускать утаенные деньги в легальный оборот. Но Горбачев промолчал.

В середине 1988 года все еще всесильному Генсеку ничего не стоило похоронить решение, которое предусматривало: налоги с кооперации и индивидуально-трудоустроенности временно взимать лишь в размере трех процентов вне зависимости от прибыли. Но он его не похоронил. И в результате зажег зеленый свет для массовой «отмывки» преступных денег. Хозяин ста тысяч рублей брал теперь лицензию на шашлычное дело, зарабатывал на нем пару тысяч, а в бумагах для финорганов указывал все сто. Из них он уплачивал три тысячи налога, остальные 97 000 клал на свое имя в банк. Так ворованные деньги становились «честно» заработанными, а теневые жулики превращались в советских бизнесменов.

За последующие два с лишним года сфера вольной деятельности людей с капиталом расширилась капитально. Ныне они уже вправе не только заниматься шашлычно-пирожковым, швейным и туалетным промыслом, но и учреждать банки, торговые биржи, рекламные агентства и прочее, прочее, прочее.

Отставки Горбачева шахтеры потребовали в марте девяносто первого, после того, как к этому призвал в телеинтервью Ельцин. У него они взяли и остальные свои забастовочные требования. Когда же в апреле Ельцин подписал вместе с Горбачевым заявление десяти, а в канун Первомая направил ему поздравительную телеграмму, в бастующем Кузбассе припомнили: Борис Николаевич и раньше не раз клялся публике, что целиком и полностью разделяет стратегию Михаила Сергеевича.

Но выбора у шахтеров не оставалось. Они согласились с тем, что предложил Ельцин: уйти под его опеку. Покажется ли им хрен слаще редьки?

Перевод российских шахт в ведение Совмина РСФСР состоялся. Вот-вот они сделаются самостоятельными. Их коллективы, как заявил в Кузбассе Ельцин, могут хозяйствовать в любой желанной им форме. Пресса демократов не сегодня-завтра, вероятно, затрубит: два года шахтеры добивались свободы у Горбачева, а Ельцин предоставил им её в считанные дни. И с виду это будет действительно так. По сути же вольная от Ельцина является логическим развитием горбачевской стратегии, стратегии, которая ведет к рынку, где господствует криминальный частный капитал.

В 1989 году экономика страны представляла из себя целостную систему. Пусть плохую, но систему, в которой концы сходились с концами. Получи шахтеры тогда самостоятельность, рост их достатка зависел бы только от них самих: выдали на-гора больше, больше заработали, ибо проблем со снабжением и сбытом не возникало. Теперь же, когда единое экономическое пространство в стране разрушено, когда невыполнение договоров — явление заурядное, свобода для шахты оборачивается полнейшей зависимостью от буйства хозяйственной стихии. Перед ней вольный рабочий коллектив беспомощен. Чтоб подороже продать и подешевле купить, да и просто чтобы выбить плату за поставленную им же продукцию, он должен будет искать тех сильных людей, для которых не страшен развал экономических связей. А таких людей у нас в достатке. Их мафиозные кланы раскиданы по всей стране. Внутри этих кланов нет ни политических, ни национальных противоречий. И они придут к шахтерам и, взяв на себя роль посредников, поведут их дела. Но плату за услуги сдерут не меньше, чем брал Минуглепром, ибо аппетит у нашего молодого частного бизнеса превосходный.

Цена на уголь за рубежом падает. В прошлом году тонна стоила сорок долларов, в нынешнем — тридцать. Но при нашей нищете это тоже деньги немалые. Шахтеры всегда рвались на внешний рынок и теперь, получив самостоятельность, наверное, раскрутят луда поставки. Поток импорта в Кузбасс приумножится. Но на много ли больше достанется его самим производителям угля?

хищение грузов на Кемеровской железной дороге возросло за последний год на 80 процентов. Тащат все. Но импорт — в первую очередь. Тащат через взломанные двери вагонов. Тащат через их стены, разрезанные автогеном. Часто составы с дефицитом приходят недогруженными. В накладной указывается положенное количество товаров, в вагон кладется всего ничего. А по пути срывается пломба, и отправитель с легкой душой присваивает разницу. 135 милиционеров на Кемеровской дороге едва

успевают заносить разбой в протоколы. Прибавки шахтерского импорта вседержавная мафия ждет с нетерпением.

Арендное производственно-коммерческое объединение (АПКО) — скромное по кузбасским показателям предприятие давно и неведомо по какому праву экспортирует треть своего угля. Минувшим летом оно закупило в Японии легковые автомобили. 282 из них аппарат АПКО распределил на 10 000 рабочих, а себе — на 100 человек оставил 13. Еще один автомобиль достался начальнику областной ГАИ. Председателю теркома профсоюза и директору отраслевого НИИ перепало от объединения по японскому телевизору. Не слабо отоварились на складах АПКО писатель-сатирик Михаил Жванецкий, певец Валерий Леонтьев, психотерапевт Кашпировский. Последний увез с собой автомашину «Нисан», телевизоры, плееры, духи — всего на 40 тысяч рублей. Раскопавший и обнародовавший эти факты следователь заявил на днях в местной печати, что разматывание дела встало костью в горле могучих сил и ему придется искать другую работу. У делителей товаров — везде свои люди.

С построением торбачевско-ельцинского рынка главной властью в стране станет власть вершителей натурального обмена и кредиторов. Она будет несменяемой и незримой, ибо реальные бразды правления перейдут от занимающих посты к имеющим деньги. И если эта власть из-за неумелого хозяйствования вчерашних спекулянтов начнет закрывать многие шахты, то жаловаться тысячам безработных будет некому: капитал сам себе начальник. А вздумается ей творить беспредел и обирать шахтеров до нитки, то защититься забастовками они вряд ли сразу сумеют. Мафиозная власть легко может заткнуть рты правдоискателям индивидуальным террором. Боевые отряды у нее уже есть под рукой — это банды уголовников, с которыми криминальный капитал давно делится доходами, а с недавних пор и совместно ведет бизнес. Ему не составит труда бросить их в политический террор: тому спалить огнем квартиру, этому запустить в лицо газом или всадить пулю. Уголовщина это умеет и за хорошие деньги на все согласна.

БОЙ С ТЕНЬЮ

Если количество преступлений за десятилетие увеличилось в Кузбассе в два раза, то численность милиции — всего на семь процентов. Похожая картина и в других областях страны. Сопоставляя названные выше цифры, трудно отделаться от мысли: наши перестроечные правители в Москве, верховодящие штатами местных УВД, специально облегчают жизнь уголовщины.

По амнистии восемьдесят восьмого года из кемеровских исправительно-трудовых учреждений освобонилось почти разом

34 тысячи человек. 90 процентов из них остались в области. Даруя осужденным свободу, союзная власть вовсе не подумала ни о том, как их трудоустроить, ни о том, чтобы обеспечить жильем. Заботу об отпетых уголовниках взяли на себя успешные подразнить банды, остальные устраивались, кто как мог. Многие не устраивались никак. И наряду с профессиональной в Кузбассе резко подскочила и преступность неквалифицированная — преступность людей отчаявшихся и озлобленных. Работать в милиции стало трудней и опасней. А условия труда к лучшему не менялись. И за 1989 год кемеровские отделы внутренних дел потеряли двадцать процентов своего состава. Уходили не самые неумелые. Уходят таковые и сейчас, хотя зарплату недавно чуть прибавили. Замена им находится. Но милиции нужно гораздо больше специалистов, чем она может принять: нет ставок.

Просчеты высших властей тужатся исправить власти низшие. На деньги, выделенные местными Советами, в милицию принято 184 оперуполномоченных. Но она по-прежнему изнемогает от перегрузки. На каждого следователя в год приходится 68 уголовных дел, на каждого оперативного работника — 43. Чтобы они могли работать, не задыхаясь, численность органов дознания необходимо увеличить в три раза. Само собой разумеется, что денег милиции остро не хватает и на техническое вооружение. Но при всем том работает она теперь, как ни странно, результативнее.

За нынешние январь — март ею раскрыто на 400 преступлений больше, чем за эти же месяцы прошлого года. И не случайно, что воровская сходка, о которой рассказывалось в начале заметок, замышляла обмозговать меры по защите от милиции.

Сумятица в воровском подполье вызвана достаточно простым обстоятельством. Милиция стала работать умнее. Она перегруппировала скромные свои силы и пошла копать вглубь: не только от преступлений к лицу, его совершившему, но и к тем, кто стоит рядом с ним и за ним. Такая направленность особенно присуща одному новому подразделению УВД. С момента создания оно называлось отделом по борьбе с организованной преступностью, а недавно переименовано в оперативно-розыскное бюро по борьбе с организованной преступностью и коррупцией (ОРБ).

При длинном названии у бюро невелик штат. Сначала было 8 человек, потом 14, а теперь 28. Его не освобождают от текущей работы, но и не загружают ею под завязку. Главная задача, что ставится перед ним, вникать во внутреннюю жизнь преступного мира — бандитского и спекулятивного, выявлять его планы и возможности. Такая работа ОРБ начата, и ему уже есть чем похвастаться. Но о том, что оно представляет или может вскоре представлять из себя силу, дей-

ствительно опасную для организованной преступности, говорить пока, увы, нельзя. Причин тому несколько.

У начальника ОРБ Владимира Ачкасова я спросил: «Если бы сейчас перед вами сидел не журналист Николай, а всемогущий Божий угодник Николай, готовый дать все, что попросишь, то что бы вы у него попросили прежде всего?» Владимир Алексеевич долго не раздумывал: толковые законы. Можно вызвать всю изнанку преступного мира. Можно обеспечить контроль за его действиями. Можно арестовать тому исполнителей уголовных дел. Но преступность от того не ослабнет. На место арестованных быстро встанут новые люди, и все вернется на круги своя. Серьезный урок преступности немыслим до тех пор, пока те, кто обеспечивает безопасность бандитов и спекулянтов, кто помогает им выживать, кто способствует их сплочению и координации усилий, останутся неподсудны по закону. Но законов против режиссеров оргпреступности не принимают ни союзный, ни республиканский парламенты.

Не так давно был ограблен житель Кемеровской области Чесноков. Бандитов задержали. Среди них оказался один из набирающих вес авторитетов. Едва на него завели уголовное дело, как к Чеснокову пожаловали мускулистые молодцы: заberi заявление. Он послал их ко всем чертям с матерями. Следующей же ночью те же молодцы разбили окна комнаты, где Чесноков спал, и шуганули туда из огнемета. Он обгорел, но спасся. И заявление назад не взял, хотя все десятеро его детей умоляли об этом.

Столь мужественные люди, как Чесноков, среди потерпевших — редкость. Обычно после первой же серьезной угрозы они отзывают свои заявления, и уголовные дела рассыпаются. Не много героев и среди судей. Они тоже сплошь и рядом подвергаются шантажу, а рисковать своей жизнью или жизнью близких никто не хочет. Дело Чеснокова, кстати, до сих пор не рассмотрено: не удается найти судью.

Охранять потерпевших, судей, заседателей некому. Даже если в ОРБ Ачкасова добавят, как обещано, еще 50 человек, то сил его на семнадцать густонаселенных городов все равно не хватит. Лидеры преступного мира могут спать спокойно: отмазка в случае чего гарантируется.

Известный всему свету начальник парижской полиции Видок завербовал в свое время 30 хорошо осведомленных агентов и за 7 лет арестовал 4000 матерых преступников-профессионалов, которых прежде никогда разоблачить не удавалось. Угрозыск без агентов, в том числе и хорошо оплачиваемых, беспомощен. Официальные лица из кемеровской милиции на мой вопрос: благополучно ли у них с агентурой? — отвечали туманно и невразумительно. А от лиц неофициальных я слышал: инфляция никак не учитывается при выплатах агентам, полу-

чают они гроши, в командировки ездить отказываются из-за малых суточных, вербовка новой агентуры идет с трудом, ибо влияние милиции, как и других государственных структур, в обществе падает и от сотрудничества с ней ничего не поимеешь. Преступный же мир из кожи вон лезет, чтобы завязать контакты с правоохранительными органами и подкупить как можно больше их работников. Так кто же при всем том способен выиграть незримый бой?

Лернейскую гидру из упомянутого ранее мифа — чудовище с телом змеи и девятью головами дракона — Геракл пытался уничтожить единственным оружием: тяжелой палицей. Но на месте сбиваемых ею голов отрастали две новые. И тогда Геракл призвал на помощь Иолая, который запаливал деревья и прижигал гидре шею. Новые головы перестали вырастать, и могучая Гидра рухнула на землю мертвой.

Организованная преступность столь же живуча, как и мифическое чудовище. И если милиция не получит иных, нетрадиционных средств борьбы с ней, меч правосудия будет и впредь рубить лишь по ее тени.

Кемерово — Москва

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «4 и 3»

«...НЕ ГУБИТЕ СГОРЯЧА!»

Приезжающие в Крым туристы и отпускники часто стараются собрать коллекцию насекомых. От этого сильно страдают флора и фауна полуострова. Особенно достается красивым бабочкам и жукам. В первую очередь крупным жу-желищам и бражникам.

Хотелось бы напомнить горе-коллекционерам, что олеандровый бражник — редкий вид ночных бабо-

чек и занесен в «Красную книгу СССР» и «Красную книгу УССР». Умышленное уничтожение бабочек этого вида карается согласно Закону СССР «Об охране и использовании животного мира» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 17, ст. 530). В соответствии с Указом Президиума Вер-

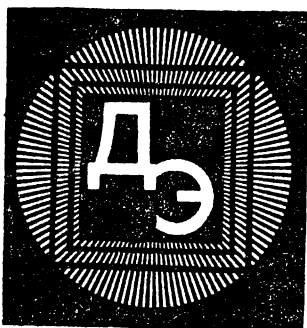
ховного Совета СССР от 14 августа 1985 года «Об административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании животного мира» виновные в истреблении видов животных, занесенных в «Красную книгу СССР», подвергаются административным взысканиям. Граждане — предупреждению или штрафу в размере до 50 рублей, а должностные лица — предупреждению или штрафу в размере до 100 рублей с конфискацией находящихся в личной собственности предметов, явившихся орудием уничтожения животных.

Кроме этого, согласно таксам для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный незаконным добыванием или уничтожением животных, относящихся к видам, включенным в «Красную книгу СССР», утвержденным союзными Министерством сельского хозяйства, Министерством рыбного хозяйства и Госкомитетом лесного хозяйства 25 октября 1985 года, за каждый уничтоженный экземпляр животного взимается штраф,

зависящий от конкретного вида — от 3 до 50 рублей.

Скажем, за каждый уничтоженный экземпляр гусеницы, куколки или бабочки олеандрового бражника взимается штраф в размере 10 рублей. Такой же штраф предусмотрен и за истребление крымской жужелицы. Эта сумма приплюсовывается к штрафу за нарушение Закона об охране и использовании животного мира — 50 плюс 10 рублей. Кроме того, за незаконное добывание или уничтожение животных, занесенных в «Красную книгу СССР», на территории заповедника взыскание производится в трехкратном размере, а на территории заказника, памятника природы, природного парка — в двукратном. То есть в Ялте уничтоженные бабочка или жук могут стоить до 80 рублей штрафа. Об этом нужно помнить всем «любителям» природы.

С. ШАРЫГИН,
кандидат биологических наук,
заведующий научным музеем
Никитского ботанического сада

АРЕСТ (от лат. *arrestum* — судебное постановление). В уголовно-процессуальном праве закреплено понятие ареста как заключение под стражу подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Но личность у нас, по Конституции, неприкосновенна, и никто не вправе ограничить ее свободу. Никто, подчеркнем, кроме суда и прокурора. Так вот, именно по их решению человека можно упереть в тюрьму на время расследования, если за преступление, совершенное им, полагается наказание в виде лишения свободы на срок свыше года. И только в исключительных случаях содержать под стражей можно не обвиняемого в совершении преступления, а подозреваемого. Не сумел следователь предъявить подозреваемому обвинение — отпускай на волю.

С обвиняемым сложнее. По закону содержать под стражей обвиняемого нельзя более двух месяцев. Но (ох, уж это но!) прокуроры различного ранга — от районного до Генерального — могут продлять этот срок. Генеральному прокурору СССР предоставлено право продлить срок содержания человека под стражей без суда (в ходе предварительного расследования преступления) до полутора лет. Правда, после года пребывания в следственном изоляторе дальнейшее продление еще на полгода возможно лишь после предварительного рассмотрения вопроса на коллегии Прокуратуры СССР. Заметим: раньше было круче, хотя по закону и легче. Генеральный прокурор мог продлять срок содержания под стражей лишь до 9 месяцев. Но закон нарушал... Президиум Верховного Совета СССР. Люди без суда томились за решеткой, с его согласия, годами. И было так до 1 декабря 1989 года.

Тех, кого обвиняют в совершении преступления и в отношении кого избрана мера пресечения — содержание под стражей, помещают в следственный

изолятор. Но тюрьма она и есть тюрьма. Тем более что арестованного могут поместить в одиночную камеру. По закону обвиняемых по одному делу не могут содержать в одной камере. На практике этот порядок в угоду следователям сплошь и рядом нарушается. Мало того, обвиняемых впервые нельзя содержать в одной камере с ранее судимыми. И на это, если нужно следователю, администрация изоляторов закрывает глаза. Вот когда из обвиняемых выбивают показания, причем руками уголовников.

Обвиняемых арестовывают для того, чтобы они не могли продолжать свою преступную деятельность, мешать установлению истины по делу, скрыться от следствия и суда, уклониться от исполнения приговора.

Выходят на волю из следственных изоляторов в случае, если прокурор решит, что в этом больше нет надобности (изменит меру пресечения, например на подписку о невыезде, либо снимет обвинение в преступлении), или истечет срок содержания под стражей.

Что надо знать обви-

няемым, их родственникам, друзьям об аресте по уголовному делу? При решении вопроса, давать или нет санкцию на арест, прокурор обязан ознакомиться со всеми материалами дела и в необходимых случаях, а если обвиняется несовершеннолетний — во всех случаях, лично допросить подозреваемого или обвиняемого. Законность и обоснованность ареста проверяются судом при принятии дела к своему производству.

Чтобы незаконных арестов было меньше, Уголовным кодексом РСФСР в статье 178 (аналогичные статьи есть в уголовных кодексах других союзных республик) предусмотрено наказание за заведомо незаконный арест. Это преступление может быть совершено лишь с прямым умыслом. Никакой халатности или неосторожности в данной ситуации и быть не может! А мотивы — самые разные и грязные: месть, корысть, карьеризм, так называемые «интересы дела», когда кто-то стремится раскрыть преступление, не считаясь с требованиями закона, и тем самым сам становится преступником.

В недавно принятом

Законе СССР «О советской милиции» во втором разделе, посвященном ее компетенции, есть статья 11 «Обязанности милиции». В пункте 24 этой статьи говорится, что милиция обязана «охранять и конвоировать заключенных под стражу лиц». А в пункте 25 сказано, что милиция обязана «обеспечивать права и законные интересы лиц, доставленных в милицию, задержанных и арестованных лиц, принимать меры к немедленному оказанию им в случае необходимости медицинской и иной помощи, а также разъяснять гражданину основания и поводы ограничения его прав и свобод». Так это будет или нет, проживем, как говорится, увидим...

Все, что говорилось ранее, касается в ос-

новном дел уголовных. Но иной не очень законопослушный наш читатель может вспомнить факт из собственной биографии и рассказать, что он не привлекался к уголовной ответственности, но все равно арестовывался. Правильно! Только в этом случае арест не мера пресечения, а взыскание за административное правонарушение. Оно назначается районным или городским народным судом или судьей на срок до 15 суток. Это решение судьи окончательно и обжалованию не подлежит. Оно приводится в исполнение немедленно. Послабления сделаны лишь беременным, женщинам, имеющим детей в возрасте до 12 лет, лицам, не достигшим 18 лет, инвалидам I и II групп. Закон к ним оказался

милостлив. Их нельзя подвергать административному аресту.

Административный арест может быть применен лишь за проступки, которые по своей опасности приближаются к преступлениям. Черта, разделяющая их, весьма тонкая. По Кодексу РСФСР об административных правонарушениях административный арест может быть применен за незаконное приобретение и применение наркотических средств в небольших размерах либо потребление наркотических средств без назначения врача; за мелкое хулиганство и злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции, или народного дружинника, или военнослужащего при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка; за нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций; за распитие спиртных напитков в общественных местах, появление в общественных местах в пьяном виде.

Административному аресту можно подвергнуть лицо за неуважение к суду. Такое может произойти, если вы

будете злостно уклоняться от явки в суд как свидетель, истец, ответчик, потерпевший. Можно получить «пятнадцать суток» и за неподчинение распоряжениям председательствующего или нарушение порядка во время судебного заседания. И вообще, присутствуя вы в зале и совершив действия, свидетельствующие о явном пренебрежении к суду или установленным в суде правилам, вас могут подвергнуть аресту на 15 суток. Стоит ли рисковать? Хотя применение административного ареста не влечет судимости и не является основанием для увольнения с работы (но зарплату, сами понимаете, «пятнадцатисуточнику» никто платить не будет), однако работать скорее всего придется.

Работник милиции, после вынесения судом постановления об административном аресте, доставит правонарушителя в спецприемник, изолятор временного содержания или следственный изолятор. Там перед помещением в камеру арестованного подвергнут личному допросу. (Он может проводиться уполномоченным на то лицом одного пола с досматриваем-

мым и в присутствии двух понятых того же пола в помещении, исключающем доступ посторонних лиц и отвечающем требованиям санитарии и гигиены. Трогательная забота, не правда ли?). При производстве личного досмотра должны быть обеспечены безопасность и здоровье досматриваемого, его личное достоинство, сохранность сведений, компрометирующих досматриваемого, полученных при производстве досмотра.

Затем — в камеру. Постельные принадлежности не выдаются. Курить — нельзя. Питание — по норме, установленной для осужденных, содержащихся на общем режиме в тюрьмах: горячая пища через день, в день лишения — хлеб, соль и кипяток.

А теперь на физические работы — убирать улицы, дворы, места общего пользования...

Если вы человек добросовестный и трудитесь от души, горячее питание во время ареста вам должно быть обеспечено каждый день. Это называется «смягчение правоограничений для арестованных».

Вот, пожалуй, и все про административный

арест. Но есть еще арест дисциплинарный. Что это такое, хорошо знают те, кто служил в армии. Если нарушил устав — до 10 суток ареста солдатам, матросам, сержантам, старшинам, прапорщикам, до 5 суток — офицерам — наложит командир. И вперед, на гауптвахту, военнослужащие армии, внутренних войск, КГБ, милиции.

В отличие от штатских, предусмотрено смягчение для слабого пола. Женщин-военнослужащих арестовывать нельзя.

По Кодексу торгового мореплавания СССР капитан судна может подвергнуть аресту тех, кто угрожает безопасности судна или находящимся на нем людям и имуществу. Отбывать этот арест придется до тех пор, пока корабль не придет в первый попавшийся на его пути советский порт. Дальше разберутся на берегу.

И в заключение. Арестовывать можно не только людей, но и вещи. Но об этом — в следующей заметке нашей энциклопедии.

Тема ареста — лишь сама по себе увлекательная. Сколько разного об этом можно почитать в детективах. Но энциклопедическая

форма изложения предполагает краткость. Тем, кто захочет узнать про аресты подробнее, рекомендуем познакомиться, а лучше основательно изучить Основы уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальный кодекс республики, Основы гражданского законодательства, гражданский и гражданский процессуальный кодексы республики, кодекс республики об административных правонарушениях, кодекс торгового мореплавания, законы СССР о прокуратуре, о советской милиции, об ответственности за неуважение к суду. В любом случае, даже если считаете себя основательно подкованным по этой теме, если придется всерьез размышлять об аресте, постарайтесь посоветоваться с адвокатом. Это никогда не помешает. А еще лучше, если у вас будет под рукой свой постоянный или семейный адвокат. Береженного Бог бережет.

АФФЕКТ (от латинского *affektus* — душевное волнение, страсть) — кратковременное, резко выраженное, стремительно развивающееся состояние человека, которое

характеризуется сильным и глубоким переживанием, ярким внешним проявлением, сужением сознания и снижением контроля за своими действиями.

Еще в XIX веке Александр Сергеевич Пушкин советовал: «Учитесь властвовать собою...» К сожалению, сегодня мы очень редко вспоминаем эти мудрые строки великого поэта. Еще реже следуем им. А между тем было бы совсем неплохо, если бы каждый из нас взял их себе за правило и в любой жизненной ситуации сохранял бы самообладание, вел бы себя сдержанно, как говорится, не теряя головы. Ибо, если перефразировать того же Александра Сергеевича (да простит меня гений), «к беде несдержанность ведет».

Хотя, не спорим, иногда держать себя в руках бывает, ох, как нелегко. Ну, представьте себе: едете вы в конце рабочего дня в переполненном автобусе, и некий гражданин наступает вам на ногу. На ваше шипящее «Ой-й-й!» он молча «сходит» с «вашей любимой мозоли». Ну а ваши действия в таких случаях? Конечно же, лучше всего в та-

кой ситуации посчитать до ста либо перемножить в уме четырехзначные числа. Если же со счетом и арифметикой нелады, можно отнестись к этому происшествию с юмором и мысленно (подчеркиваю, именно мысленно) поблагодарить спутника за то, что он избавил вас от дальнейших мучений. Ведь мог же он и не понять вашего тонкого намека. Если же и с юмором «напряженка» (всякое бывает, то ли день с утра не задался, то ли настроение вам начальник испортил, то ли вообще вы по натуре человек угрюмый), ну что же, тогда можно сказать этому неуклюжему пассажиру все, что вы о нем думаете, но только опять же мысленно, как говорится, про себя. Наверное, именно так ведет себя человек, следующий совету Александра Сергеевича. Однако, как показывают наблюдения автора этих заметок, который ежедневно проводит в общественном транспорте не менее 3 часов, редко кто из наших сограждан молча «сносит» подобную «обиду». Да и обмен любезностями по типу: «Извиняться надо» — «Ишь чего захотел, чай, в автобусе едешь, не в

такси», — в большинстве случаев является прилюдной и довольно-таки продолжительной перебранкой со взаимными оскорблениями и угрозами. И все это только из-за того, что кто-то кого-то нечаянно толкнул, задел, наступил на ногу и т. д.

А представляете, каково сдержаться человеку, если его самого либо близкого ему человека избили, унизили заведомой клеветой или тягчайшим оскорблением. Здесь уже не до шуток, так как в подобных случаях дело порой кончается не скандалом, а убийством мучителя (клеветника) либо причинением ему, как говорят юристы, телесных повреждений различной степени тяжести. Вот ставший уже хрестоматийным пример.

У восьмиклассника Алексея отец сильно пил. И каждый раз, когда напивался, устраивал дома скандалы. Вот и в тот вечер отец, как всегда, явился домой сильно «навеселе» и еще с порога начал за что-то выговаривать жене. Алеша в своей комнате учил уроки и на крики отца не обращал внимания. Но когда на кухне зазвенела разбиваемая посуда и истош-

но закричала мать, Алексей в два прыжка оказался там. Его взору предстала картина: отец наносил матери удары разделочной доской, а мать беспомощно закрывалась от них руками. Раньше отец никогда не позволял себе подобного. «Не трогай маму!» — закричал мальчик и попытался оттащить отца в сторону, но силенок не хватило. От обиды и страха за маму у Алеши «потемнело в глазах». Он схватил со стола кухонный нож и с криком «Убью, сволочь!» два раза ударил отца в живот.

Вот такое внезапно возникшее душевное волнение — ярость, гнев, страх — и называется физиологическим аффектом, представляющим собой кратковременную интенсивную эмоцию, которая занимает господствующее положение в сознании человека и значительно затрудняет самоконтроль, критическую оценку принимаемых решений. Казалось бы, в такой ситуации «властвовать собой» невозможно. Но психиатры утверждают, что даже в таком состоянии человек способен отдавать себе отчет в своих действиях и руково-

дить ими, то есть может и контролировать свое поведение, и быть ответственным за него (хотя, повторим, сделать это очень трудно). Именно поэтому, если человек совершает в состоянии физиологического аффекта преступление, он не освобождается от уголовной ответственности, хотя при определенных условиях она может быть смягчена.

Так, если вы заглянете в статью 38 УК РСФСР (соответствующие статьи, естественно, есть в УК других союзных республик), то узнаете, что при назначении наказания обстоятельством, смягчающим ответственность, среди прочих, признается совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противоправными действиями потерпевшего. А если же вы изучите статьи 104 и 110 УК, которые соответственно называются «Умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения» и «Умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения», и коммен-

тении к ним, то поймете, что «душевное волнение» (или, другими словами, физиологический аффект) признается смягчающим обстоятельством не само по себе, а лишь в случаях, когда оно было сильным и вызывалось неправомерным поведением (например, насилием, тяжким оскорблением) или иными противозаконными действиями потерпевшего, если они повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких.

Так что, как видите, к словам А. С. Пушкина стоит все-таки прислушаться, так как умение владеть собой поможет вам избежать многих (мы не берем смелость утверждать, всех) неприятностей в жизни.

Правда, есть ситуация, когда управлять своими действиями человек не может. Это состояние патологического аффекта, которое представляет собой временное расстройство психической деятельности человека.

Под влиянием психической травмы (тяжелой обиды, неожиданного оскорбления, глубокого потрясающего известия и т. д.)

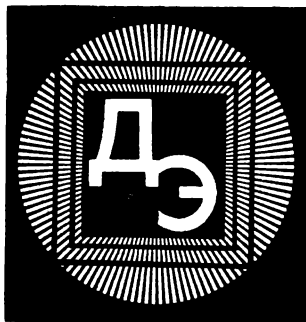
оно начинается внезапно, длится недолго: минуты, редко часы. В течение этого времени у человека происходит глубокое помрачение сознания, он совершает бесцельные, автоматические иногда достаточно агрессивные и опасные действия (например, нападение). После чего у него наблюдается резкое истощение психических и физических сил, что влечет за собой либо сон, либо состояние, близкое к прострации, с безучастностью и безразличием к окружающему и содеянному. Воспоминания о происшедшем носят отрывочный характер, но чаще не сохраняются.

Обычно такое состояние возникает у людей, не страдающих психическими заболеваниями, и, как правило, оно является единственным эпизодом в течение всей их жизни. Основным различием между патологическим и физиологическим аффектом является отсутствие при последнем состояний помрачения сознания, которое, по словам В. П. Сербского, определяет границу между этими двумя видами аффекта.

Поэтому, если судеб-

но-психиатрической экспертизой будет установлено, что общественно опасное деяние человек совершил в состоянии патологического аффекта, его не будут привлекать к уголовной ответственности, поскольку в тот момент он был невменяем.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЛЬГОТ БЫВШИМ УЧАСТНИКАМ АНТИФАШИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В целях улучшения материально-бытовых условий бывших участников антифашистского движения Сопротивления Кабинет Министров СССР постановляет:

1. Распространить на советских граждан, принимавших участие в боевых действиях против фашистской Германии и ее союзников в годы второй мировой войны на территории зарубежных стран в составе партизанских отрядов, подпольных групп и других антифашистских формирований, льготы, установленные законодательством для участников Великой Отечественной войны из числа военнослужащих, проходивших службу в составе действующей армии, и партизан.

2. Поручить Министерству обороны СССР совместно с Министерством труда и социальных вопросов СССР определить порядок предоставления льгот лицам, указанным в пункте 1 настоящего постановления.

Постановление Кабинета Министров СССР от 5 августа 1991 года № 567 «О предоставлении льгот бывшим участникам антифашистского движения Сопротивления».

Все течет, все изменяется. Причем в последнее время почти с космической скоростью. Помните? Еще совсем недавно: «Выборы директора» — собрания трудового коллектива с такой повесткой дня сначала были для нас в диковинку. «Ну, надо же! Вот что значит демократия!» — восхищались мы (может быть,

ствие данного Закона предусматривается, что он вступает в силу с 1 января 1991 года, а раздел IV, регулирующий вопросы назначения и освобождения руководителей и должностных лиц предприятия, — с момента опубликования Закона.

Что это «шаг назад»? Ограничение демократии на предприятиях? На наш

ДИРЕКТОРА ПРИГЛАШАЛИ?

не все, но многие). Затем эти собрания стали чем-то обыденным, и выбирали мы почти всегда на альтернативной основе бригадиров, мастеров участков, начальников цехов и смен, директоров заводов, фабрик, институтов. Но вот 4 июня 1990 года Верховный Совет СССР принимает Закон СССР «О предприятиях в СССР». В постановлении о порядке введения в дей-

взгляд, нет. Возможно, некоторые с этим не согласятся. Попробуем обосновать нашу точку зрения. Для этого давайте выясним, что изменилось в решении данных вопросов по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Оправданы ли эти изменения?

Наверное, мы не очень погрешим против истины, если заметим, что у всех у нас — и вместе и по

отдельности — среди прочих, самых разнообразных желаний есть одно общее. Все мы мечтаем об изобилии (всего). Об этом же радуют и Верховный Совет, и правительство. Естественно, стремление повысить эффективность работы предприятий не могло не отразиться на решении вопросов, связанных с управлением производством.

Так, в статье 6 Закона о государственном предприятии (объединении) указывалось, что управление предприятием осуществляется на основе принципа демократического централизма, сочетания централизованного руководства и социалистического самоуправления трудового коллектива.

В статье 14 «Общие принципы организации управления предприятием и самоуправления» Закона СССР «О предприятиях в СССР» подчеркивается, что управление предприятием осуществляется в соответствии с его уставом на основе сочетания принципов самоуправления трудового коллектива и прав собственника по хозяйственному использованию своего имуще-

ва. Предприятие самостоятельно определяет структуру управления, устанавливает штаты. Таким образом, в Законе «О предприятиях в СССР» уже не упоминается принцип демократического централизма и централизованного руководства. Приоритет отдается уставу, самоуправлению трудового коллектива и осуществлению прав собственника. Это, в свою очередь, оказывает влияние на решение многих других вопросов.

Например, собственник осуществляет свои права по управлению предприятием непосредственно либо через уполномоченные им органы. При этом собственник (или уполномоченные им органы) могут делегировать эти права Совету предприятия (правлению) или другому органу, предусмотренному уставом предприятия и представляющему интересы собственника и трудового коллектива.

В связи с этим по-новому теперь решаются и вопросы подбора и расстановки кадров. Так, по ранее действовавшему законодательству руководитель предприятия избирался общим собранием (конференцией) трудового коллектива,

после чего утверждался вышестоящим органом. Это ставило руководителя в непосредственную зависимость от трудового коллектива. Однако, если кандидатура, избранная трудовым коллективом, не утверждалась вышестоящим органом, проводились новые выборы. При этом вышестоящий орган обязан был объяснить трудовому коллективу причины отказа в утверждении результатов выборов. Руководители подразделений также выбирались на собраниях (конференциях) и утверждались руководителем предприятия.

В соответствии же с Законом «О предприятии в СССР» найм (назначение, избрание) руководителя предприятия является правом собственника имущества предприятия и реализуется им непосредственно, а также через уполномоченные им органы либо через Советы предприятия, правления или другие органы, которым делегированы права по управлению предприятием. Таким образом, найм руководителя предприятия, который может осуществляться на основании назначения либо избрания, является исключительным

правом собственника имущества предприятия. И на наш взгляд, это вполне резонно и справедливо.

Предположим, я собственник завода. И вполне естественно, что во главе этого предприятия желаю видеть человека, устраивающего меня во всех отношениях. Так почему же вопрос, может или нет данный человек возглавить мой завод, должен решать кто-то другой, будь это даже трудовой коллектив. В конце концов убытки-то понесу я — собственник.

Вероятно, нашим читателям небезынтересно будет узнать, изменилось ли в связи со всеми новыми веяниями положение руководителя предприятия, каковы условия его найма и особенности освобождения от должности. А вдруг вам предложат такую должность, как быть: соглашаться или нет?

Руководитель предприятия по-прежнему обладает широкими полномочиями. Он самостоятельно решает все вопросы деятельности предприятия, за исключением отнесенных законом к компетенции общего собрания (конференции) трудового коллектива и Совета предприятия.

Руководитель без доверенности действует от имени предприятия, представляет его интересы на всех отечественных и иностранных предприятиях, в фирмах и организациях, распоряжается имуществом предприятия, заключает договоры, в том числе трудовые, выдает доверенности, открывает в банках расчетный и другие счета, пользуется правом распоряжения средствами, утверждает штаты исполнительного аппарата дирекции, издает приказы и дает указания, обязательные для всех работников предприятия.

Условия найма руководителя предприятия предусматриваются статьей 19 Закона «О предприятиях в СССР». При найме (назначении, избрании) руководителя предприятия на должность с ним заключается контракт (договор, соглашение), в котором определяются права, обязанности и ответственность руководителя предприятия, условия его материального обеспечения и освобождения от занимаемой должности с учетом гарантий, предусмотренных действующим законодательством.

Исходя из особенностей

найма руководителя, по-инному, чем раньше, решается вопрос о его досрочном освобождении. Руководитель предприятия может быть освобожден от занимаемой должности до истечения срока контракта по основаниям, предусмотренным в контракте или в действующем законодательстве.

Учитывая особенности регулирования труда руководителей предприятия, Совет Министров СССР 23 октября 1990 года принял постановление № 1073 «О порядке найма и освобождения руководителя государственного союзного предприятия». 20 декабря 1990 года Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам утвердил Рекомендации о порядке применения контрактной формы заключения трудового договора с руководителем государственного союзного предприятия, а также примерную форму контракта.

Нам кажется, независимо от того, на каком предприятии вы работаете — союзном, республиканском, государственном, арендном и т. п., полезно-познакомиться с содержанием этих норма-

тивных актов. Ведь то, что вам в них понравится, вполне можно использовать в своей практике, не изобретая, как говорится, велосипед.

Итак, постановлением Совета Министров СССР «О порядке найма и освобождения руководителя государственного союзного предприятия» установлено, что найм руководителя государственного союзного предприятия, действующего на основе Закона СССР «О предприятиях в СССР», осуществляется соответствующим министерством, ведомством СССР или другим органом, которому делегированы права собственника по управлению этим предприятием. С кандидатом в руководители подписывается контракт, и он назначается на должность.

Понятие «контракт» совсем недавно вошло в наш обиход, и, наверное, не все еще знают, что это такое.

По нашему мнению, контракт — это разновидность срочного трудового договора, который отличается от договора, заключенного на неопределенный срок: а) возможностью министерства, ведомства СССР и т. п. прекратить трудовые

отношения с руководителем по истечении срока договора без указания каких-либо дополнительных причин; б) добровольным отказом руководителя от права на увольнение по собственному желанию в течение всего срока договора. Кроме того, можно добавить, что такая форма трудового договора повышает взаимную ответственность сторон, правовую и социальную защищенность руководителя предприятия.

По требованию руководителя контракт можно досрочно расторгнуть, во-первых, в случае болезни или инвалидности, препятствующих выполнению работы по договору, во-вторых, если министерство, ведомство нарушают законодательство о труде, контракт, и, в-третьих, по другим уважительным причинам.

На руководителей, с которыми заключен контракт, распространяется законодательство о труде, регулирующее отношения по трудовому договору, заключенному на неопределенный срок, за исключением случаев, когда законодательством предусмотрены особенности регулирования отношений по контракту.

Заключение контракта на выполнение работы, которая носит постоянный характер, недопустимо, если это ухудшает положение работника по сравнению с действующим законодательством.

В рекомендациях Госкомтруда СССР, утвержденных 20 декабря 1990 года, предусмотрен порядок заключения и содержание контракта. Следует особо подчеркнуть, что условия, предусмотренные в Рекомендациях, а также содержащиеся в Примерной форме контракта, носят рекомендательный характер. На практике они определяются сторонами с учетом специфики, отраслевых особенностей производства, конкретных задач, стоящих перед данным производством, а также материально - финансовых возможностей предприятия.

Контракт заключается в письменной форме и подписывается руководителем министерства, ведомства или другого органа, которому делегированы права собственника по управлению этим предприятием, и лицом, назначенным на должность руководителя государственного союзного предприятия.

При подготовке контракта и подборе кандидатов на должность руководителя государственного союзного предприятия рассматриваются предложения Совета этого предприятия, а по вопросам, относящимся к компетенции Совета предприятия, с ним согласовываются условия контракта.

Контракт оформляется в двух экземплярах и хранится у каждой из сторон.

Контракт является основанием для издания приказа (распоряжения) о назначении на должность со дня, установленного соглашением сторон. В силу контракта вступает с момента его подписания и может быть изменен только по соглашению сторон.

Контракт может быть заключен на срок до 5 лет. Конкретные сроки опять же определяются соглашением сторон.

В контракте рекомендуется отражать: права, обязанности и ответственность сторон; условия оплаты и организации труда; основания прекращения и расторжения контракта; социально-бытовые и другие условия, необходимые для выполнения принятых сторонами обязательств с учетом спе-

цифики производства, отраслевых особенностей и финансовых возможностей предприятия.

Вероятно, в контракте необходимо обязательно оговорить, каких конкретных результатов производственно-хозяйственной и коммерческой деятельности предприятия должен добиться руководитель, что конкретно он обязан обеспечить.

Условия оплаты труда, определяемые в контракте, устанавливаются в прямой зависимости от результатов производственно-хозяйственной и коммерческой деятельности предприятия, прибыли. При этом размер должностного оклада руководителя не может быть ниже размера минимального должностного оклада, предусмотренного по данной должности решениями Правительства СССР или уполномоченного им органа.

Система материального поощрения руководителя должна быть ориентирована на достижение долговременных результатов хозяйственной деятельности; установление зависимости между размерами оплаты труда и показателями, характеризующими выполнение обязательств по контракту.

В контракте могут быть оговорены условия повышения или понижения обусловленного размера оплаты труда, в том числе установление надбавок, премий за 100-процентное выполнение договорных обязательств, а также условия увеличения или понижения размеров премий, надбавок; предусмотрено вознаграждение по результатам работы за год. При этом на каждом предприятии целесообразно разработать конкретный порядок стимулирования и показатели, по которым устанавливается и изменяется размер вознаграждения, выплачиваемого с определенной периодичностью руководителю, например: за выполнение госзаказа, за выполнение внутриотраслевых кооперированных поставок, за увеличение объемов производства товаров народного потребления и услуг населению, за выполнение поставок на экспорт и других показателей, индивидуальных для каждого предприятия.

Следует подчеркнуть, что условия, предусмотренные контрактом, не могут ухудшать положение руководителя по сравнению с действующим

законодательством, то есть условия, предусмотренные действующим законодательством, при заключении контракта с руководителем рассматриваются как минимальные.

При заключении контракта стороны могут предусмотреть и дополнительные льготы, не установленные законодательством, например, выплату дополнительного вознаграждения или оказание материальной помощи за счет хозрасчетного дохода предприятия, предоставление дополнительного оплачиваемого отпуска и др.

В случае прекращения контракта по уважительным причинам — в связи с уходом на пенсию по возрасту, получением трудового увечья, установлением группы инвалидности — наряду с выплатами, предусмотренными действующим законодательством, руководителю могут предоставляться денежные компенсации сверх установленных пенсий и выплат в возмещение ущерба. Данное правило вытекает из статьи 5 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, в соответствии с которой администрация пред-

приятия, учреждения, организации совместно с Советом трудового коллектива и профсоюзным комитетом вправе устанавливать за счет собственных средств дополнительные по сравнению с законодательством трудовые и социально-бытовые льготы для работников коллектива или отдельных категорий рабочих и служащих.

Продолжительность отпуска руководителя не может быть меньше установленной законодательством продолжительности отпуска для данной категории работников.

Контрактом может быть предусмотрен переезд на работу в другую местность. В этом случае стороны определяют гарантии и компенсации, выплачиваемые в размерах, не ниже установленных постановлением Совета Министров СССР от 15 июля 1981 года № 677 «О гарантиях и компенсациях при переезде на работу в другую местность». При этом по соглашению сторон в контракте могут быть отражены условия обеспечения руководителя и членов его семьи жилой площадью либо оплаты расходов за пользование гостиницей.

В контракте может определяться режим рабочего времени и времени отдыха руководителя.

Если для служебных поездок руководитель будет использовать личный автомобиль, стороны могут предусмотреть условия выплаты соответствующих компенсаций. И в данном случае соглашение о компенсации не может ухудшать положение руководителя по сравнению с действующим законодательством.

Порядок и условия компенсации расходов за использование личного автотранспорта в служебных целях предусмотрены постановлением Совета Министров СССР от 23 января 1988 года № 96 «Об упорядочении использования служебных легковых автомобилей» и письмом Министерства финансов СССР и Госплана СССР от 22 апреля 1988 года № 73 «О порядке выплаты и размерах компенсации за использование личных легковых автомобилей для служебных поездок». Размер компенсации определяется в зависимости от марки автомобиля в пределах от 89 до 152 рублей в месяц. Он может быть повышен до десяти процентов в

зависимости от условий эксплуатации машины в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним.

По соглашению сторон могут быть определены иные условия организации труда, необходимые руководителю для выполнения принятых обязательств. Так, немаловажное значение для успешной работы руководителя имеет создание необходимых социально-бытовых условий. В этих целях в контракте могут оговариваться, например, выделение садового участка, автомобиля, улучшение жилищных условий, обеспечение ребенка местом в детском дошкольном учреждении, погашение банковской ссуды или задолженности в связи с вступлением в ЖСК, защита от инфляционных процессов и др. При этом, если действующим законодательством предусмотрено, что эти вопросы решаются общественными организациями или органами самоуправления трудового коллектива либо с их участием, включить в контракт подобные условия возможно, только предварительно согласовав их с соответствующими организациями или органами.

Порядок расторжения контракта, установленный законодательством, несколько отличается от общего порядка расторжения трудового договора. Так, контракт может быть прекращен или расторгнут не только по основаниям, установленным действующим законодательством, но и по основаниям, предусмотренным соглашением сторон в самом контракте. Например, основанием для досрочного расторжения сторонами контракта может быть невыполнение государственного заказа по производству продукции. Действующим законодательством такое основание расторжения трудового договора не предусмотрено. А стороны могут включить его в контракт. При этом, если расторжение контракта производится по основаниям, предусмотренным в контракте, но не установленным законодательством, увольнение производится применительно к пункту 1 статьи 15 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (соглашение сторон), о чем делается соответствующая запись в трудовой книжке руководителя.

На руководителя, за-

ключившего контракт, как на члена трудового коллектива должны полностью распространяться льготы и гарантии, установленные законодательством для работников данного предприятия, отраслевыми нормативными актами, коллективным договором и другими нормативными актами предприятия.

По окончании срока действия контракта он по соглашению сторон может быть продлен или заключен на новый срок.

Найм руководителей государственных союзных предприятий, входящих в отраслевые или вневедомственные объединения, может осуществляться с согласия соответствующего органа государственного управления генеральным директором этого объединения с соблюдением вышеизложенного порядка.

Следует подчеркнуть, что с руководителями государственных союзных предприятий, избранных или назначенных на должность до принятия Закона СССР «О предприятиях в СССР», также заключается контракт. При этом, если руководитель отказывается заключить контракт, трудовой договор с ним прекра-

щается по пункту 6 статьи 15 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (отказ от продолжения работы в связи с изменением существенных условий труда) с выплатой выходного пособия в размере двухнедельного заработка.

А можно ли руководителю, который был избран или назначен на должность до принятия Закона СССР «О предприятиях в СССР», отказать в заключении контракта, и по какому основанию с ним в этом случае прекращается трудовой договор? Представляется, что причинами отказа могут быть достижение руководителем пенсионного возраста при наличии права на полную пенсию по старости, обнаружившееся несоответствие занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации либо состояния здоровья, препятствующих продолжению данной работы, систематическое неисполнение возложенных на него обязанностей, однократное грубое нарушение трудовых обязанностей, другие причины, предусмотренные законодательством. В этом случае расторже-

ние трудового договора производится по основаниям, предусмотренным законодательством.

Для заместителей руководителя предприятия, руководителей его структурных подразделений предусмотрен иной порядок назначения и освобождения. Заместители руководителя предприятия, руководители подразделений аппарата управления и структурных подразделений (производств, цехов, отделов, отделений, участков, ферм, других аналогичных подразделений предприятия, структурной единицы объединения), а также старшие мастера, мастера назначаются на должность и освобождаются от должности руководителем предприятия (статья 20 Закона).

Бригадиры избираются на собраниях коллективом бригад (тайным или открытым голосованием) и утверждаются руководителем подразделения, в состав которого входят эти бригады.

В отдельных случаях, связанных со спецификой предприятия, уставом предприятия может предусматриваться иной порядок назначения.

ПЕРВЫЕ РЕФЕРЕНДУМЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И РЕАЛЬНОСТЬ

Вячеслав КОВАЛЕВ

Политическая весна 1991 года оказалась бурной. Прямое народовластие, о котором десятилетиями говорили с высоких трибун, начало приобретать права гражданства. Так, 17 марта впервые был проведен союзный референдум по вопросу о сохранении СССР. Одновременно граждане РСФСР высказались за введение поста президента в республике.

В некоторых республиках (в Литве, Латвии, Эстонии) несколько ранее состоялись республиканские опросы о восстановлении государственности. И уж совсем разнообразными были проблемы, решаемые путем местных опросов: от введения поста мэра (в Москве) до выражения недоверия некоторым народным депутатам.

Итак, союзный и россий-

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

ский референдумы состоялись, подведены их итоги. Постепенно улеглись политические страсти, бушевавшие в стенах парламентов, в прессе, на улицах и площадях. Референдумы стали фактом истории. Самое время профессиональным аналитикам сменить политиков и журналистов, чтобы разобраться в проблемах, которые выявила практика их проведения. Важно понять, в какой мере возникшие трудности и противоречия порождены несовершенством действующих законов о референдумах.

Бурные споры вызвал вопрос о правовой обоснованности союзного референдума. Известно, что шесть республик (Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдова, Эстония) отказались от его проведения на своей территории. Некоторые политические деятели и журналисты, комментируя этот факт, утверждали, что союзный референдум представляет собой вторжение в компетенцию республик, которые сами обладают суверенным правом решать, состоять ли им в составе Союза или нет. Этот вопрос неоднократно вызывал полемику и в союзном парламенте. Так, председатель Центральной комиссии референдума СССР В. П. Орлов на одном из заседаний Верховного Совета СССР (25 февраля 1991 года) отмечал, что решение о проведении союзного референдума не противоречит декларациям о государст-

венном суверенитете республик, республиканскому законодательству. По его мнению, высший орган государственной власти не имеет оснований препятствовать гражданам высказаться по вопросу, затрагивающему судьбу государства. Лишение республиканскими органами граждан возможности участвовать в референдуме не только противоречит Конституции СССР, но и является нарушением прав человека на участие в управлении своей страной, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека и другими международно-правовыми документами. В целом эта позиция разделялась союзным парламентом и легла в основу его решений.

Казалось бы, все ясно. Однако вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Думается, что споры в немалой степени были вызваны недостаточно четким законодательным определением самого понятия «референдум».

Законодательство выделяет два вида референдума: императивный и консультативный. В ходе императивного референдума выявляется (и формируется) общенародная воля. В ходе консультативного — общественное мнение. Если последствия императивного референдума, путем которого принимаются законы и иные окончательные решения, достаточно подробно урегулированы союзным законом о референдуме, то правовые по-

следствия консультативного референдума не однозначны.

Обратимся к постановлению Верховного Совета СССР от 16 января 1991 года «Об организации и мерах по обеспечению проведения референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик». В пункте 10 этого документа сказано, что решение, принятое путем референдума СССР, является окончательным, имеет обязательную силу на всей территории СССР и может быть отменено или изменено только путем нового референдума СССР. Такая трактовка последствий референдума сразу же порождает ряд вопросов и сомнений. Например, может ли союзная республика воспользоваться своим суверенным правом и провести республиканский референдум о выходе из СССР? Видимо нет, так как, согласно приведенной формулировке, решение союзного референдума окончательно и изменению республиканским референдумом не подлежит. Неясно и другое — запускается ли механизм выхода союзной республики из СССР, если в ходе референдума СССР большая часть избирателей республики не поддержит идею сохранения Союза? Если проанализировать стенографические отчеты заседаний Верховного Совета СССР, то можно увидеть, что одни и те же официальные лица в разное время давали прямо противоположные ответы на

этот вопрос, то есть позиция вырабатывалась уже в процессе обсуждения.

Таким образом, основания для определенных опасений в республиках имелись. И порождено это в известной степени смешением двух видов референдумов. Проведенный союзный референдум носил консультативный характер. Он подпадает под регулирующее воздействие пункта 3 статьи 4 Закона СССР «О всенародном голосовании (референдуме СССР)», в котором сказано, что предметом референдума может быть принятие решения, предопределяющего основное содержание законов СССР и других актов. Другими словами, после выявления общественного мнения окончательные решения принимают все же государственные органы в пределах своей компетенции. «Окончательным» в этом случае может быть только одно — позиция общественного мнения. Она не должна искажаться. Попытка же придать результатам общесоюзного референдума императивный характер (как в названном выше постановлении) юридически некорректна.

Не избежали серьезных осложнений и организаторы российского референдума. 14 из 16 автономных республик, входящих в состав РСФСР, отказались от его проведения. Такого рода «уклонения» вряд ли можно считать нормальным явлением. Думается, они сигналами

лизируют об отсутствии надежных законодательных механизмов, обеспечивающих влияние автономий на процесс назначения и проведения общероссийских референдумов.

Так, Съезд народных депутатов или Верховный Совет РСФСР обязаны назначить референдум по требованию не менее одного миллиона граждан РСФСР, имеющих право на участие в референдуме, а также по требованию не менее 1/3 от общего числа народных депутатов РСФСР. Из Закона следует, что «право требования» порождает автоматическое назначение референдума либо принятие закона или иного решения, предлагаемого в требовании о проведении референдума. Требование может быть отклонено лишь в случае нарушения инициаторами Закона РСФСР о референдуме. По мотивам нецелесообразности требование отклоняться не может.

Остальным субъектам предоставлено лишь «право инициативы» проведения референдума. К их числу законом отнесены государственные и общественные органы, коллективы предприятий, учреждений и организаций, отдельные граждане РСФСР (ст. 10 Закона РСФСР о референдуме). Как видим, автономии не упомянуты вообще. В принципе, парламенты автономных республик и Советы народных депутатов других автономий, будучи государственными органами, могут проявлять инициативу.

Однако строго юридически автономия и ее парламент — субъекты разные. Кроме того, инициатива парламента автономной республики по своему юридическому статусу приравнена к инициативе, например, сельского Совета, который также на сегодняшний день является органом государственной власти. Вряд ли это корректно.

Право инициативы автономий недостаточно гарантировано. Российский закон не предусматривает обязательного обсуждения инициативы в парламенте. Более того, множественность субъектов права инициативы позволяет говорить о том, что законом предполагается определенная фильтрация поступающих предложений. Поскольку трудно себе представить, чтобы Верховный Совет РСФСР смог обсуждать все многочисленные предложения о проведении референдумов. Значит, инициативы будут отбираться, и лишь некоторые из них станут предметом полноценного обсуждения. Такая ситуация может привести к конфликтам между российским парламентом и парламентами автономных республик. Внесенные автономиями предложения о проведении референдума могут не достигнуть даже стадии обсуждения.

Один миллион граждан РСФСР, не проживающих в автономиях, способен запустить в действие механизм проведения референдума, и затем большинство проголосует за решение, нару-

шающее интересы конкретной автономной республики. В принципе, такая ситуация вероятна. И наиболее реальным средством защиты на сегодняшний день является отказ автономий от проведения референдума. Отмечая неурегулированность в данном вопросе, не следует все же поспешно предъявлять претензии парламенту РСФСР. Указанная ситуация производна от несовершенства национально-государственного устройства РСФСР, а решение этого вопроса требует времени.

На Внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР в марте-апреле 1991 года мы наблюдали последствия еще одной правовой недоработки. Принятое российским референдумом решение о введении в республике поста президента несколько дней подряд было под вопросом. Съезд неоднократно отклонял предложения о включении вопроса о президентстве в повестку дня. По сути дела можно констатировать конфликт между Съездом и Верховным Советом РСФСР.

Источник такого конфликта — предоставление Верховному Совету РСФСР права назначения референдума в промежутках между Съездами народных депутатов. Тем самым был нарушен общепризнанный принцип — назначение референдума высшим органом государственной власти (таковым в РСФСР является Съезд народных депутатов РСФСР). В союзном законе о ре-

ферендуме закреплено аналогичное право Верховного Совета СССР. Однако сделана существенная оговорка — по вопросам компетенции Съезда народных депутатов СССР референдум назначает лишь сам Съезд. Эта оговорка снижает вероятность конфликтов между органами государственной власти. Можно предлагать различные средства для снижения конфликтности, однако оптимальный выход — устранение двоевластия в верхах.

Важнейшим элементом подготовки референдума является формулирование вопроса, выносимого на голосование. Поэтому неудивительна острота полемики вокруг, например, формулировки вопроса, выносимого на союзный референдум. Целесообразно проанализировать некоторые аргументы.

Во-первых, формулировка менялась. Так, в постановлении Четвертого Съезда народных депутатов СССР предлагалось провести референдум «для решения вопроса о сохранении обновленного Союза как федерации равноправных суверенных Советских Социалистических Республик». А в конечном итоге к формулировке вопроса добавился пункт о гарантиях прав и свобод человека любой национальности, внесенный Верховным Советом СССР. Таким образом, по мнению критиков, Верховный Совет СССР превысил свои полномочия. Однако союзный за-

кон не определяет четко, какой орган окончательно формулирует вопрос референдума. Это можно считать недоработкой законодателя.

Во-вторых, нарекания вызвало включение в формулировку термина «СССР». Критики указывали, что некоторые республики уже отказались от упоминания в их названиях слова «социалистическая». На это можно ответить лишь одно — отказ был провозглашен Верховными Советами соответствующих республик. А союзный референдум был обращен непосредственно к народам. Юридического нарушения здесь нет.

В-третьих, критики указывали на логическое противоречие в формулировке «сохранение СССР как обновленной федерации». По их мнению, нельзя одновременно сохранять и обновлять. Думается, критика и в данном случае неубедительна.

Наконец, нельзя согласиться с критикой той части формулировки референдума, где говорится о гарантиях в полной мере прав и свобод человека любой национальности. «Что такое — в полной мере? — спрашивали оппоненты. — И почему речь идет лишь о гарантиях прав в зависимости от национальности?» Ответ прост — мера гарантированности прав и свобод человека определена международными пактами, под которыми стоит подпись СССР. В них же определен объем прав и свобод каж-

дого человека независимо от национальности, возраста, пола и т. д. Выделение же именно национальности в формулировке вопроса союзного референдума продиктовано конкретными условиями развития страны, остротой межнациональных конфликтов.

В то же время следует отметить как недостаток чрезмерную громоздкость вопроса референдума, его многозначность. В законодательстве нужно дать определенные критерии, в соответствии с которыми должны формулироваться вопросы.

Острейшим моментом как для Союза, так и для РСФСР стало обеспечение референдума на их территориях. Как было сказано выше, часть республик не приняла участия в референдуме. Союзный парламент лишь частично сумел нейтрализовать это негативное обстоятельство, предоставив право проведения голосования трудовым коллективам. Строгие предупреждения Президиума Верховного Совета РСФСР также не дали желаемого результата. Конечно, можно ввести в законодательство строгие меры к нарушителям, вплоть до роспуска Советов народных депутатов и отстранения руководителей от должностей. Однако этот путь сам по себе вряд ли перспективен. Выход — в скорейшем заключении союзного и федеративного договоров и разграничении компетенции субъектов федераций.

Мария АНТОКОЛЬСКАЯ,
кандидат юридических наук

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР?

А почему бы и нет!

О чем говорят двое решивших пожениться? (Ну, разумеется, после выяснения вечного вопроса «ты меня любишь?»). О том, где будут жить (острейшая проблема, для

многих, увы, почти неразрешимая). На что будут жить, нередко предполагая помощь родителей. Ну и о всяких других «мелочах»: ты привезешь шкаф, а я диван, ты телевизор,

а я постельное белье (если, конечно, есть свое жилье). Впрочем, молодых все эти проблемы волнуют не очень, ими больше обеспокоены уже познавшие жизнь их родители. Когда в брак вступают люди не очень молодые, порой уже имеющие опыт развода, к бытовым вопросам они более внимательны, но все равно обговаривают их не слишком детально. Неудобно как-то... А главное, все равно, если жизнь не сложится, всем этим предварительным соглашениям — грош цена. И, если не удастся разойтись по-доброму, впереди унижительные споры о разделе имущества. А почему, собственно, так? Давайте попробуем разобраться.

Наше семейное законодательство устанавливает режим общей совместной собственности супругов, который не может быть изменен по их соглашению. Общей совместной собственностью становит-

ся все имущество, приобретенное супругами в период брака. При этом не имеет значения, кто заработал деньги, кто купил ту или иную вещь, на чье имя она оформлена. При разделе имущества (а он возможен как при разводе, так и в период совместной жизни) супруги имеют право на равные доли. Исключение из этого правила допускается, только если будет доказано, что один из супругов в период брака уклонялся от общественно полезного труда или расходовал имущество в ущерб интересам семьи. Во всех остальных случаях, даже если один из супругов не работал, занимаясь ведением домашнего хозяйства и уходом за детьми, учился, болел или не имел заработка по иным уважительным причинам, он получит половину имущества. Но разделить возможно только то, что уже имеется в наличии. Раздел имущества на будущее

время, то есть заключение соглашения о том, что оно будет собственностью того из супругов, который его приобрел, недействителен.

Общая совместная собственность супругов была впервые введена в РСФСР в 1926 году. В дореволюционной России имущество супругов признавалось раздельным. В первом советском семейном кодексе, принятом в 1918 году, также указывалось, что брак не создает общности имущества. Но разница заключалась в том, что российское законодательство закрепляло принцип раздельности имущества при практической недоступности развода. Он был в то время исключительным явлением из-за крайне сложной бракоразводной процедуры. Советское законодательство, существенно упростившее развод, тем не менее не сделало его более доступным для женщины. Ведь при раздельном имуществе супругов каждому из них принадлежали ценности, которые он приобрел на свои доходы, а подавляющее большинство женщин в то время еще не работало вне дома. И после развода такая женщина не получала ничего

из имущества семьи, так как все вещи приобретались на деньги мужа, а её труд в домашнем хозяйстве не учитывался. Поэтому в 1926 году и было решено перейти к режиму общности имущества супругов, который в случае прекращения брака обеспечивал женщине, занятой ведением домашнего хозяйства, долю в общем имуществе. Следует отметить, что в то время такой режим семейного имущества рассматривался как временное явление, вводимое до тех пор, пока каждая женщина не будет работать наравне с мужчиной.

Если в те годы стопроцентная занятость женщин в общественном производстве казалась желательной, то в настоящее время наметилась противоположная тенденция. Многие женщины стремятся заниматься детьми и домом, не работая совсем или работая неполный день (неделю).

Но все-таки и сегодня большинство женщин, имея одинаковую с мужчинами загруженность на работе, одновременно «отрабатывают второй рабочий день» в очередях и у плиты. А при разделе имущества доли мужа и жены признаются равны-

ми, что явно несправедливо. В качестве выхода предлагалось, например, увеличивать доли таких женщин в общем супружеском имуществе. Однако на практике сделать это очень сложно. Представьте себе, во что может превратиться судебный процесс, если в нем будет устанавливаться, кто мыл посуду, стирал белье, гулял с детьми и т. д.

Не следует забывать и о том, что материнство и нагрузки по дому не дают большинству женщин, несмотря на формальное равенство с мужчинами, возможности полностью реализовать себя в общественном производстве. Статистика свидетельствует, что число женщин, занятых на тяжелых малоквалифицированных и низкооплачиваемых работах, во много раз превышает число мужчин. Денежные вклады таких женщин в бюджет семьи меньше, чем у мужей, и режим раздельного имущества их явно не устроит.

Однако есть женщины, достигшие значительных успехов в своей профессиональной деятельности и имеющие значительные заработки, существенно превышающие доходы их супругов. Для них (но не

для их мужей) раздельность супружеского имущества была бы наиболее подходящим вариантом.

Короче, ни общность, ни раздельность супружеского имущества не могут удовлетворить все семьи.

Единственным выходом из сложившейся ситуации представляется разрешение заключать брачные договоры, которые давно известны всему миру. Между тем недопустимость брачных договоров по советскому законодательству, на мой взгляд, противоречит природе семейных отношений. Супруги — взрослые самостоятельные люди, которые вполне способны сами определить, что отвечает их интересам, а что нет. Навязывание им, под видом защиты их прав, режима общности имущества лишь существенно ограничивает их свободу.

С помощью брачного договора можно было бы еще до свадьбы урегулировать имущественные отношения будущих супругов, определить, общим или отдельным будет их имущество, установить обязательства по содержанию супругов во время брака и в случае его расторжения, урегулировать отношения, связан-

ные с жилой площадью (например, заключить соглашение об отказе одного из супругов от притязаний на жилую площадь другого в случае развода). Брачные договоры стали бы препятствием для заключения корыстных и фиктивных браков. По крайней мере, подлинные намерения каждого из супругов перестали бы быть тайной для другого. Кроме того, с развитием кооперативных и частных предприятий в семейной собственности может оказаться весьма значительное состояние, и супруги с помощью брачных договоров могли бы решить его судьбу.

Возможность заключать брачный договор должна быть предоставлена супругам как до свадьбы, так и на любом этапе семейной жизни. Делать это необходимо в нотариальной форме, используя типовые формы (для наиболее типичных случаев, например, если супруги хотят установить для себя раздельность имущества) или прибегая к помощи профессиональных юристов (например, когда необходимо определить участие супругов в доходах от общего предприятия). Расторжение догово-

ра по обоюдному согласию супругов целесообразно разрешить в любое время. Одностороннее же расторжение или изменение договора возможно только в судебном порядке и при наличии для этого веских оснований. Отношения тех супругов, которые не пожелают заключать брачный договор, могли бы, как и в настоящее время, регулироваться семейными кодексами.

Противники введения брачных договоров ссылаются на их моральную неприемлемость. Брак, по их мнению, это область сугубо личных отношений, и бухгалтерские подсчеты здесь недопустимы.

Однако таким образом мы только отходим от проблемы. Споры о разделе супружеского имущества прочно занимают одно из ведущих мест среди гражданских дел, рассматриваемых судами. Неужели унизительные разделы ложек, вилок, стульев и табуреток более нравственны, чем договорные отношения между супругами по поводу имущества? Если реально смотреть на вещи, очевидно, что духовные потребности, реализуемые в семье, отнюдь не

всегда безусловно преобладают над материальными. Поэтому необходимо дать возможность супругам урегулировать свои отношения таким образом, чтобы и они сами, и общество в целом понесли наименьшие духовные и материальные издержки.

Существующий режим общности супружеского имущества нередко вызывает недоверие между супругами, связанное со страхом перед разделом имущества. А это, в свою очередь, порождает массу фиктивных договоров дарения с родителями и

другими родственниками (ведь подаренные и полученные по наследству вещи являются личной собственностью каждого из супругов). Возможность урегулировать свои имущественные отношения путем брачного договора позволила бы избежать эти негативные моменты и способствовала бы установлению между супругами более открытых, доверительных отношений, поскольку они знали бы, что при любом изменении их личных отношений никаких неожиданных имущественных последствий не будет.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

28 декабря 1990 года на Новогодний выпуск денежно-вещевой лотереи, тираж которой состоялся в г. Красногорске Московской области, я выиграла цветной телевизор стоимостью 755 руб. После обращения в сбербанк меня направили в Самойловское райпо для

деньги за телевизор, но, конечно, по старой стоимости, а при получении товара оплатить его по новой цене, хотя выигрыш был в декабре и были старые цены. Правильно ли это?

Л. Васильева
Саратовская область

ЛОТЕРЕЯ, ЛОТЕРЕЯ...

получения товара к заместителю председателя райпо тов. Фоменко В. И., который пообещал при поступлении товара, то есть телевизора, выдать выигрыш. И вот в течение 2 месяцев я не могу получить его. Мне говорят в райпо: нет в наличии. А за это время произошло повышение цен на данный товар. И, как мне объяснили, придется заплатить разницу в стоимости телевизора.

Мне предлагают другой вариант: получить

В августе 1990 года по денежно-вещевой лотерее СССР мне выпал выигрыш — мотоцикл ИЖ-Юпитер-5 стоимостью 1420 руб. Сдал билет в сбербанк в октябре. При оформлении документов на получение мотоцикла в марте торгующая организация с меня потребовала доплату 450 руб., объяснив мне это повышением цен. Правильно ли поступила торгующая организация.

А. Бередихин
Запорожье

По лотерейному билету за 16 ноября я выиграла видеоманитофон стоимостью 1200 рублей. Его нужно получить в г. Куйбышеве в салоне «Электроника». Мне из этого магазина пришло письмо, чтобы я доплатила за видеоманитофон 1430, так как он стоит 2630. Пишут, что с 3 января было повышение. Как мне быть? Это же выигрыш? Где же правда?

*Т. Морозова
Лениногорск*

За последние месяцы редакция получила не один десяток писем с подобными вопросами. Мы обратились к начальнику отдела денежного обращения Министерства финансов СССР В. Д. КОЗЛОВУ с просьбой прокомментировать их. И вот какой ответ получили.

Денежно-вещевые лотереи являются одной из форм мобилизации свободных денежных средств населения и использования их в дальнейшем на цели, предусмотренные условиями лотерей.

Наряду с традиционными денежно-вещевыми лотереями союзных республик, прибыль от которых полностью поступает в доход республикан-

ских и местных бюджетов, в нашей стране проводятся также лотереи ЦК ДОСААФ СССР, спортивно-числовые Госкомспорта СССР «Спортлото» и «Спортпрогноз», денежно-вещевая лотерея «Спринт», Международная лотерея, а также лотереи, выпускаемые различными ведомствами и организациями.

Все отношения между гражданами, купившими лотерейные билеты, и организацией — учредителем лотереи регламентируются условиями проведения лотереи.

Следует иметь в виду, что до момента реализации лотерейных билетов населению организация-учредитель обязательно должна получить разрешение на проведение лотереи соответствующего органа власти на союзном либо республиканском уровне. Предварительно условия проведения лотереи согласовываются с финансовыми органами.

В них обязательно указывается цель проведения, количество выпускаемых билетов, их общая стоимость, в том числе размер выигрышного фонда, стоимость одного билета, количество вещевых и денежных выигрышей, стоимость каждого

вещевого выигрыша, а также предельный срок получения выигрышей.

При этом, как правило, владельцу вещевого выигрыша должно предоставляться право получения стоимости вещевого выигрыша деньгами.

Таким образом, если граждане приобрели лотерейные билеты в соответствии с разработанными условиями, то владелец вещевого выигрыша должен получить его по цене, указанной в

условиях лотереи, независимо от того, что к моменту получения вещевого выигрыша его стоимость изменилась, как, например, в нашем случае в результате изменения розничных цен.

В этом случае дополнительные расходы по переоценке вещевых выигрышей, за исключением случаев, специально оговоренных в условиях выпуска лотереи, должна нести организация, проводившая лотерею. ■

**из памятников
• права •**

Арт. 94. Которые стоя перед неприятелем или в акции уйдут, и зная свое или штандарт¹ до последней капли крови оборонять не будут, оные имеют шельмованы² быть; а когда поймаются, убиты будут; или ежели возможно в роту или полк отданы, и тамо без процесса на первом древе, которое прилучится, повешаны быть.

Артикул воинский
с кратким толкованием.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ.
30 марта 1716 г.

¹ Зная кавалерийской части.
² Лишены по суду всех прав.

ОРУЖИЕ ВСЕГДА С ВАМИ

Однажды услышал я рассказ товарища, которого только что на улице избил хулиган:

—...В одной руке «дипломат», в другой — зонтик... Что делать? А он мне ногой в живот, потом кулаком в лицо.

Конечно, мне было жаль его. Оказаться жертвой распоясавшегося хама унижительно и горько.

Но кроме жалости было и недоумение. Ведь вооруженный был избит безоружным. Именно так. Я не ошибся. Потерпевший был вооружен, причем неплохо. «Дипломат» и зонтик почти гарантировали победу. Но вышло наоборот.

Крайне редко человек оказывается действительно безоружным. Пожалуй, лишь в бане, да и то не совсем.

О каком оружии я веду речь? О тех предметах нашего обихода, которые можно с успехом использовать для самозащиты. «Дипломат» и зонт, булава и шпилька, острый каблук, ремень и даже часы — все это в чрезвычайной ситуации в руках умелого, смекалистого человека превращается в грозное оружие.

Примеров тому предостаточно. В судебной практике не раз встречались случаи, когда хрупкая слабая женщина... убивала насильника, или обычный, не занимавшийся даже физкультурой человек делал инвалидом тренированного бандита. И чаще всего в этих случаях фигурируют обычные предметы. Туфелька на каблучке — «шпилька», удар которой буквально «прошивает» череп. Пластик «дипломата», о который легко ломается голень нападавшего. Куртка, намотанная на руку, в которой застрял нож, и т. д.

Я знал одну старушку, которая уложила в больницу известного громилу, решившего пожить на пенсионными рублями. В руках у старушки была всего лишь авоська с банкой баклажанной икры. Когда бандит схватил ее за рукав, она попыталась вырваться. Махнула авоськой и попала в голову. Результат: сотрясение мозга, глубокие порезы лица.

Оглянитесь по сторонам. Почти все вокруг к вашим услугам: любая палка, камень у ног. **Используйте ситуацию, не теряйтесь!**

У вас слабая рука? Часы

или связка ключей, зажатые в кулаке, усиливают удар почти вдвое! Нападающий высок? Пряжка ремня, намотанного на руку, легко сократит дистанцию.

Условно предметы обихода можно разделить на две категории: защиты и нападения. Понятно, что портфель, «дипломат» или сумку лучше использовать для защиты от ударов, а зонт, шпилька, длинный ключ и т. п. более удобны для нанесения ударов.

В связи с этим один совет — не показывайте вида нападающему, что вы собираетесь оказать сопротивление. Внезапность и неожиданность — это непременное условие. Выбирайте точное место нанесения удара, так как бессмысленное размахивание портфелем, зонтиком, руками ни к чему не приведет.

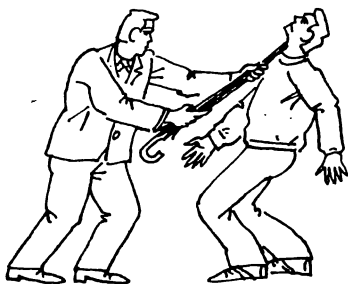
Помните, что уколы зонтиком, «шпилькой», ключом и т. п. наиболее эффективны в область лица и шеи нападающего.

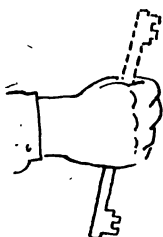
Удары же «дипломатом», портфелем эффективны в область ног. Особенно чувствительны к ним надкостница голени, коленный сустав.

Сейчас многие стараются приобрести импортные баллончики со слезоточивым или нервно-паралитическим газом. Платят за них огромные деньги, не подозревая, что буквально под руками есть не менее грозное оружие такого же класса.

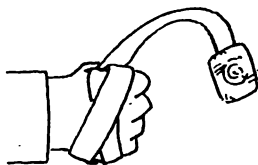
Знаменитая «Кайенская смесь» — измельченные в пудру красный, жгучий перец и определенный сорт табака. В наших условиях табак с успехом заменяет обычная махорка, перетертая в кофемолке. Смешивают махорку и перец в пропорции два к одному.

Пакетик с такой смесью легко уместится в дамской сумочке или кармане. Достаточно небольшой ее горсточкой, распыленной перед лицом противника, чтобы надолго вывести его из строя. Эту же смесь можно использовать и как средство от моли.

Рисунки Н. МАЛОВА

А теперь перейдем к практической части нашего занятия. На рисунках показаны некоторые удары, запомнить которые не составляет тру-

да, и наиболее распространенные ситуации их применения.

До следующей встречи!

Владислав ШУРЫГИН

*Факты и вымыслы в моих книгах
так перемешаны, что сейчас,
оглядываясь назад, я не всегда
могу отличить одно от другого.*

Сомерсет МОЭМ

ОТ АВТОРА

Скорее всего эта история покажется абсолютно неправдоподобной, выдуманной с начала до конца. Но взрыв ядерной бомбы, разверзнувший предутреннее небо австралийской пустыни и унесший тысячи человеческих жизней, прозвучал наяву. Дав большинству героев вымышленные имена, здесь намеренно сохранены истинные фамилии политических деятелей, несущих всю полноту ответственности за события, происшедшие

в границах Австралийского Союза много лет тому назад. Случайно увиденная маленькая заметка, опубликованная в нашей прессе (текст ее приведен в конце повествования), честно говоря, поначалу показалась неправдоподобной — слишком уж невероятен описанный в ней эпизод. Однако позже, при скрупулезном сборе фактического материала, можно было достоверно убедиться, что тот эпизод — не выдумка...

БЕШЕНОЙ ЯРКОСТИ тугой свет полоснул просыпающуюся от ночной дремы пустыню, на какое-то мгновение отчетливо обозначив контуры нескольких зданий. Потом мягко зашелестел ветерок, но прежде чем он набрал адскую силу, сшибающую все на своем пути, из окон домов раздался душераздирающий вопль. Долгий, свободно льющийся, леденящий душу, похожий на крик огромной стаи обезьян. Когда промчался ураган, смявший каменные здания, словно яичную скорлупу, крик стих, а над пустыней величаво, неторопливо, как в замедленной киносъемке, поднялся огромный, розовато-пепельный, с сиреневыми кружавчиками по краям гриб ядерного взрыва.

Холодная ночь австралийской пустыни закончилась.

ЕГО ЗВАЛИ Тэдди Бронкс. Ему было семнадцать лет. Он был в меру красив, самонадеян, жизнерадостен и, как всякий молокосос его возраста, полон радужных надежд на будущее. Средний достаток семьи был значительно ниже среднеарифметического. Элизабет, так звали мать, считала, что ребенок должен окрепнуть в семейном гнезде перед тем, как столкнется с жестоким миром один на один. Старший Бронкс думал иначе, но, любя жену, старался с ней не спорить. Однако, когда в 1960 году они оба потеряли работу, а, учитывая возраст, также и надежду обрести ее в ближайшее время, Бронкс-младший был спущен с семейного стапеля.

Первые же удары житейских волн достаточно быстро отрезвили самонадеянного парня, притормозили его на быстром бегу к мелькавшим где-то вдали «блестящим горизонтам», заставили жаться в комок, оглядеться и призадуматься перед очередным прыжком.

Тэдди был высок, ладно сложен. В школе его считали лучшим игроком в регби. Он неплохо стрелял, неплохо знал бокс. В первые несколько месяцев он перепробовал с десяток работ: убирал мусор, развозил продукты по домам, сторожил склад, подавал шары в кегельбане, работал зазывалой, а потом вышибалой в ночном баре.

Там-то он и познакомился с главарем довольно большой банды, охранявшей игорные дома в Лас-Вегасе.

Новая работа вначале понравилась ему. Бесшабашные, на первый взгляд, друзья, для которых не существовало никаких преград. Веселые, смелые, без лишних моральных комплексов. Проблема карманных денег, казалось, была решена раз и навсегда. Главарь банды, уже не молодой, но в прошлом сильный

профессиональный боксер по кличке Конь, приводил Гэдди в восхищение. Тэдди копировал походку шефа, манеру говорить очень медленно и тихо, чуть наклоняя при этом голову вправо.

Банда находилась на балансе местной мафии, и Конь, по существу, был мелкой сошкой, спицей в колесе. Но молодому и наивному Бронксу шеф казался чуть ли не «Крестным отцом», и его слово весило больше, чем закон.

Пока не было «настоящего дела» банда жила тихо. Тэдди с двумя-тремя парнями дежурил у «одноруких бандитов» — так они называли кастовые игровые автоматы с рулеткой. Ежедневно рано утром, чуть-чуть навеселе возвращаясь домой якобы с ночного дежурства на дровяном складе, он как подкошенный валился в постель и спал до вечера.

Первое «дело» случилось через полгода. Компания пьяных головорезов из Кентукки попыталась уйти не расплатившись. При этом она профессионально расставила своих ребят в удобных ключевых постах: у выходных дверей, стойки бара и запасного выхода, и, устроив бешеную стрельбу по зеркалам, бутылкам и лампочкам, ушла невредимой, оставив на полу бара три труп и четырех раненых. Конь, который находился в тот момент на другой точке, чуть не взбесился от злости. Это ЧП сулило крах его долгой и безупречной карьеры. Он выследил одного из тех молодчиков, привез его в наручниках в бар, закрытый на «санобработку», подвесил за ногу на балку и, собрав оставшихся в живых членов банды, с наслаждением пытал, подстелив на полу под висящим телом непромокаемые моющиеся обои. Сначала он укоротил кусачками на две фаланги указательные и средние пальцы на обеих руках — «чтоб не стрелял в кого не надо, сука!». Парень был крепок и молчал, но заговорил после того, как Конь сунул его лицом в клетку с голодной крысой. Он назвал всех, кто был тогда с ним.

С того момента слепое обожание вожака сменилось у Тэдди отвращением. Однажды во время драки Конь пустил в ход разбитую о чью-то голову бутылку. Тэдди не мог забыть два страшных лица: перекошенное в дикой ярости Коня и развороченное зубцами бутылки кровавое месиво его противника.

Тэдди закалялся и грубел. Одно он усвоил прочно: без ловкости и силы не выжить. И он тренировался, как фанатик. Он в падении пять раз из пяти разбивал из дамского кольца стакан на стойке бара в двадцати шагах. Спирохета — болезненный юноша, наркоман-кокаинист — научил его бросать ножи. Заноза — тихий шизоид с вечно тоскливым выражением на лице — боевым приемам японского карате. Он водил все марки машин, легко открывал любые автомобильные замки, влезал по вертикальной стене в окно четвертого этажа и умел, ни о чем не задумываясь, выполнять любой приказ. К двадцати годам он мог бы служить идеальной моделью профессионального гангстера на съемках очередного голливудского боевика.

Тэдди нравилась его жизнь. Ему было хорошо. Хорошо — и

все! А остальное его не касалось. Женщины плавной рекой протекали по его жизни, и ни единого омута, способного властно затянуть в неведомые пучины любви, к двадцати годам ему не встретилось.

Однако вскоре...

Ее звали Иреной Гертель — светлая блондинка, огромные глаза. Она была удивительно нежна и деликатна. Тэдди познакомился с ней в парке, не в силах оторвать глаз от ее просветленного лица.

Любовь захлестнула обоих внезапно. Тэдди перестал ощущать мир. Он подолгу мог тихо сидеть на корточках в углу комнаты и смотреть, как Ирена читает. Ночью, приподнявшись на локте, он до онемения в руке рассматривал в тусклом свете ночника ее удивительное лицо.

Ирена никогда еще серьезно не влюблялась. В ней была резко выражена любовь к изысканным формам жизни, к цветам, платьям, картинам, книгам. Ирене нравились красиво одетые, тонкие, остроумные, воспитанные люди. Тэдди был бесконечно далек от этого. Он был красивым спортивным шалопаем, не прочитавшим с шестнадцати лет ни одной книги.

Родителям Тэдди Ирена понравилась сразу и навсегда. Родители же Ирены даже не хотели слышать его имени.

Друзья по мафии вначале посмеивались над пылким влюбленным, и многим из них эти глупые улыбочки стоили крепких синяков. Но чем дальше и глубже развивался роман, тем все большую тревогу он начал вызывать у главаря банды Коня. Тэдди уходил в какую-то непонятную его трезвому уму глупость — уходил быстро, неподвластно и, похоже, надолго. Он начисто бросил пить, почти не курил, дежурства отбывал как неприятную трудовую повинность. Конь начал замечать, что на «уроках честности и добродетели» — так назывались крутые расправы с людьми, недовольными законами мафии — Тэдди начал вести себя слишком интеллигентно: не бил в лицо и солечное сплетение, не ломал конечностей без нужды. И вообще, если мог, отстранялся от «активного ведения урока». Конь наметнул ему об этом разок-другой, но безрезультатно. Конечно, можно было бы и подождать, пока парень сам придет в себя. Ведь что в конце концов может сделать с настоящим мужиком какая-то баба? Однако ждать и догонять было не в правилах могучего Коня.

Конь решил сделать все просто и, как ему казалось, «доходчиво». Он попросил Тэдди привезти Ирену на «смотрины» в один «миленький» ночной бар. Тэдди очень не хотелось делать этого, но приказ Коня был приказом Коня! И в душный августовский вечер машину Тэдди радостно встретили у бара четверо друзей-бандитов во главе с шефом. Вначале все было очень мило — Конь пил сухое мартины, расточал Ирене комплименты и дважды пригласил ее на танго, которое танцевал несколько старомодно, но мастерски. Потом он предложил ей зайти с ним в «кабинет»,

чтобы раскрыть несколько несущественных, но интересных тайн будущего мужа: «Знание этих тайн может пригодиться в предстоящей супружеской жизни...» Не подозревавшая ничего дурного Ирена спокойно согласилась, и дверь кабинета захлопнулась перед носом ошавевшего от наглости Коня Тэдди. Через какое-то время за дверью раздался женский крик, тут же покрытый хохотом членов банды. В мгновение ока Тэдди вышиб дверь...

На следующий день хроникеры сжато изложили это событие так: «Вчера в баре в результате потасовки был зверски убит главарь банды по кличке Конь. Врач-эксперт насчитал тридцать две ножевые раны, из которых двадцать семь были смертельными, установил перелом основания черепа, обеих рук и правой ноги. Убитый был выброшен с третьего этажа во двор без брюк. В помещении бара, где произошло происшествие, под столом лежали накрытые скатертью четыре трупа членов этой же банды, каждый из которых погиб от выстрела в сердце. Бармен, швейцар и три служащих заведения, также сильно пострадавшие в процессе скандала, никаких сколь-либо вразумительных ответов на вопросы полиции дать не смогли. Если верить их словам, нападающей стороной был один человек, который скрылся после побоища на красном автомобиле с женщиной на руках. Женщина, по всей вероятности, была мертва. Номер машины марки «форд» установить не удалось. Полиция занимается выяснением обстоятельств преступления и розыском предполагаемого преступника».

Даже много лет спустя Тэдди не мог объяснить себе, что же произошло в тот страшный вечер в баре. Страшная боль в плече говорила о том, что выбить старинную дверь было делом не простым. Как он убил Коня и всех остальных, как выбросил труп главаря в окно, как и зачем сложил под столом трупы дружков, да еще накрыл их скатертью, он решительно не помнил. В сознании лишь урывками всплывало спокойное, мертвенно-бледное, без всяких признаков жизни лицо Ирены, разорванное сверху до низу платье, кровавые ссадины на руках и ногах.

Он очнулся к утру на берегу водоема, в 150 километрах от города. Ирена лежала у воды на заднем сиденье, вынудом из машины. Глаза ее были широко открыты, дыхание ровным. Щеки немного порозовели, на губах блуждала слабая, загадочная улыбка. Он наклонился и поцеловал ее в теплый лоб. Она немного отстранила его от себя и, мягко улыбнувшись глазами, прошептала: «Милый... милый... мне так хорошо с тобой ... так хорошо ... как никогда ... милый мой ... милый». Он отвернулся, сжал кулаки и заплакал, впервые в жизни.

Итак, возврат в город невозможен. Да и отсюда надо сматываться поскорее. Старенький «фордик», несмотря на преклонные годы, был машиной надежной. На нем можно было спокойно пересечь континент и в крайнем случае выбраться в Канаду или Мексику.

Служа в банде, Тэдди не боялся полиции. Там кругом свои ребята, получавшие две зарплаты: одну небольшую — от правительства, и вторую — настоящую — от мафии. До участка, при свидетелях, они были воинственны и грубы с гангстерами, в участке смягчались, а затем помогали бежать и «не могли догнать беглеца». Но сейчас положение было несколько иным. Сейчас они будут искать его, как собаки, и если найдут... Тэдди страшно было подумать, что будет, если их найдут.

Он бережно поднял Ирену и отнес в машину. Она спокойно села и казалась полной сил. Румянец все ярче разгорался на бледно-восковых щеках, глаза глядели добро и, пожалуй, даже весело. «Мы опять поедem в этот бар?» — кокетливо спросила она. «Нет, милая, не поедem, — ответил он, — бар закрылся на ремонт. Ведь, как ты помнишь, мы там немного пошумели». «Да-да! Там было очень весело!» — сказала Ирена и сказала это весьма задорно.

Что-то в ее голосе было не то, и Тэдди внимательно посмотрел на нее. Глаза у нее, кажется, тоже изменились...

Тэдди знал об Ирене далеко не все.

Первые признаки психоза начались у Ирены давно, еще в школе. Была болезненная подозрительность, были буйные взрывы, были периоды враждебного холода, когда с ней могла общаться только мать.

К семнадцати годам эти симптомы покинули ее, и матери начало казаться, что все опасения канули в лету. Такого же мнения был и домашний врач. Может быть, так оно и было бы, но страшное потрясение в баре мгновенно опрокинуло длительное лечение, и болезнь вернулась десятикратно усиленной.

На остатки денег, дважды угоня машины, Тэдди через Питтсбург, Луисвилл, Мемфис, Батон-Румс добрался до Хьюстона. Весь путь в 3000 километров он проделал за двое суток. Ночью они уже были в маленьком прибрежном городке Порт-Лавока. С большим трудом Тэдди удалось отыскать старого полуслеплого рыбака, который за 300 долларов согласился переправить беглецов на баркасе в Матоморос — ближайший от границы мексиканский город. Оттуда они перебрались в Монтеррей — большой промышленный город, и Тэдди быстро поправил свой пошатнувшийся бюджет. Однако языковой барьер давал себя знать, и он подался в Мехико, поселившись в скромном отеле, недалеко от бульвара Пасо-де-ля-Реформ. Сильнейшее землетрясение 1961 года основательно разрушило отель, и Тэдди с Иреной едва спаслись, выбираясь из разваливающегося здания. После этого Тэдди покинул понравившийся ему город и перебрался в Монтевидео, столицу Уругвая. Красивый, ультрасовременный город Южной Америки очень подошел бы для Тэдди, но опять языковой барьер... Испанцы, португальцы и итальянцы составляли подавляющее большинство населения, и со своим американским Тэдди был беспомощен. Та же история повторил-

лась в Буэнос-Айресе, и молодые на остатки средств переправились в столицу Новой Зеландии — Веллингтон.

Небольшой, расположенный амфитеатром на окрестных холмах город с мягким морским климатом и деревянными виллами очаровал Ирен. Ее настроение значительно поднялось. Она стала менее раздражительна и временами казалась Тэдди вполне нормальной.

Здесь, в тихой заводи Веллингтона, он нанялся вышибалой в матросский бар-клуб. Работа мало чем отличалась от его прежней работы в Лас-Вегасе. Те же пьяные драки, те же высокомерные сосунки — дети богатых родителей с карманами, полными денег, при полном отсутствии сдерживающих центров. А также старые морские волки, бичи, гомосексуалисты, сутенеры и просто бандиты. Нормальный человек практически не мог попасть в такого рода портовый вертеп, и поэтому работенка Тэдди была не просто сложной, а сильно смахивала на каждодневный и ежeminутно смертельный аттракцион. В Лас-Вегасе у автоматов всегда дежурило одновременно не менее трех парней, здесь же Тэдди всегда был один. Как истинный, высокого класса профессионал, он прекрасно знал, что такое «случайность» в его ремесле. Он хорошо помнил, как на его глазах шестнадцатилетний пацан спокойно уложил чемпиона Америки по боксу в полутяжелом весе, двинув его трубой по голове из-за двери парадной. На его глазах тихо лег на землю его друг, каратист мирового класса, получив в живот метко брошенный остро заточенный трехгранный напильник с деревянной ручкой. Он знал из своего богатого опыта, что редко кто из драчунов, пуская в ход разбитую бутылку, наносит удар в лицо. Обычно бьют в живот или грудь, поэтому он никогда не выходил на службу без тонкого бронированного жилета, защищавшего тело, без пластиковых со свинцом, под цвет кожи, кастетов и тонкой стальной пластинки, наклеенной на воздушную подушечку под прокладкой кепки. Портовая шпана по старой традиции решила проверить новичка, чтобы поставить его на место. Тэдди устроил такой спектакль! Даже видавшие виды старики-докеры целую неделю за обеденными кружками пива говорили только об этом. По городу поползли легенды, начались дружеские расспросы — кто такой да откуда... Тэдди оказался слишком на виду, и этот нежелательный для него факт заставил его сбежать в Канберру, столицу Австралийского Союза.

Вместе с Иреной он пробрался на угольную пристань, а затем — на отходивший барк. Ирена плохо понимала, что происходит. Да практически ее и не интересовали никакие события, происходящие в мире. Ее миром был Тэдди. После потрясения ее любовь к нему вспыхнула с необычайной силой. Она совершенно не помнила, что произошло тогда, она только часто вспоминала, что в том баре ей с Тэдди было необычайно хорошо.

Через час после отхода из порта угольного барка Тэдди, вый-

дя из укрытия, представился капитану, уплатил деньги за проезд и обман таможенной веллингтонской полиции, бросил прощальный взгляд на пролив Кука и величественный конус вулкана Раупеху. Глубоко вздохнув, он начал новую жизнь.

Через двое суток яркие ночные огни Канберры осветили его сердце, и он решил, что долго не покинет пятый материк.

Канберра, расположенная на зеленой равнине и окруженная невысокими лесистыми холмами, произвела на молодых умиротворяющее впечатление. Тэдди впервые за многие годы потянуло к оседлой, спокойной жизни. Они сняли две комнаты с маленькой кухонькой в саду в одноэтажном коттедже почти в центре города, недалеко от военного музея. Он устроился работать на ипподром — охранял кассу в момент выдачи денежных ставок, чистил лошадей, дружил с худенькими жокеями, казавшимися рядом с ним лилипутами, постигал секреты бегов. Сам пока не играл, возвращался домой рано и любил повторять одну и ту же шутку, казавшуюся ему очень остроумной: «Раньше ляжешь — меньше проиграешь».

С момента их бегства из Америки прошло пять месяцев, и Тэдди начало казаться, что Ирена беременна. Говорить с ней на эту тему было бессмысленно, она просто не понимала, о чем идет речь, и ему стоило большого труда вытащить ее к врачу. Врач подтвердил подозрения Тэдди, сказав, что роды могут сильно усугубить состояние больной. Однако прерывать беременность было уже поздно, и молодым нужно было готовиться к приему потомства.

Рождение дочери Ирена перенесла сравнительно легко, однако вскоре после родов на нее напала сильнейшая апатия. Она целиком ушла в себя и не обращала на ребенка никакого внимания. Пришлось взять кормилицу. Вначале она приходила к ним, затем начала брать девочку, которую называли Элизабет, к себе домой, а вскоре и вовсе оставила ее у себя. Тэдди, видя состояние жены, не противился этому, и, по немоу договору, девочка как бы перешла в новую семью. Деньги за дочку Тэдди платил аккуратно и навещал ее каждый день.

Для Ирены Тэдди отыскал частного психиатра. Доктор внимательно обследовал больную и, грустно покачав козлиной бородкой, сказал Тэдди, что, с его точки зрения, процесс, начавшийся в юности и усугубленный шоком в зрелом возрасте, необратим или, во всяком случае, требует многолетнего стационарного лечения в специальной клинике. Он посоветовал дальнюю, но надежную лечебницу — в полутора тысячах километров от Канберры, на стыке Большой пустыни Виктории и Песчаной пустыни Гибсона, в предгорье хребтов Масгрейв и Макдонелл, у озера Маккай. Именно там находится частная психиатрическая клиника доктора Гауптмана.

Хотя местность была пустынная, но глубокие водяные скважины и пересыхающее только на два летних месяца не-

большое озеро в достатке снабжали клинику водой. Подвоз медикаментов и продуктов осуществлялся с помощью небольшого аэродрома, построенного в пятистах метрах от главного корпуса больницы, и достаточно сносной грунтовой дороги, связывающей больницу с поселком Докер-Ривер, откуда шло нормальное шоссе в Аделаиду на востоке и в Порт на западе. Таким образом связь с цивилизацией оставалась неразрывной, а удаленность от нее Гауптман считал главным козырем своей клиники, ибо подбор больных осуществлялся им весьма своеобразным образом. Одну треть пациентов клиники составляли душевнобольные убийцы, насильники и маньяки, садисты и мазохисты.

Значительная удаленность от населенных пунктов и тяжелые климатические условия пустыни делали побег больных малоэффективными. Больные преступники, прибывавшие в клинику из тюремных больниц, поступали в полное распоряжение доктора Гауптмана. На аналогичных условиях он брал в клинику больных с повышенной агрессивностью и от частных лиц. Подобный подбор клиентов, казавшийся на первый взгляд достаточно зловещим и привлекавший на первых порах пристальное внимание медицинской общественности, как выяснилось вскоре, носил самый что ни на есть гуманный характер. Гауптман был хорошим врачом, одаренным ученым и прекрасным человеком. Больные содержались в отличных условиях, и те из них, кто был способен что-то соображать, а таких из четырех сотен пациентов было немало, обожали его и чтили как родного отца. Он был мягок и добр, вежлив и предупредителен в общении с больными и персоналом. Будучи врачом «милостью божьей», он к тому же обладал прекрасными организаторскими способностями и, когда нужно, достаточно властным характером.

Основной темой его работы, определившей подбор пациентов, было подтверждение идеи о врожденных качествах, которыми наделен природой каждый сознательно и несознательно действующий преступник, потенциальный убийца или маньяк.

Опираясь на достижения генетики, Гауптман на основании обследования многих сотен подобного рода пациентов пришел к выводу, что почти каждый мужчина, имеющий от рождения сдвоенную у (игрек)-хромосому, является субъектом с потенциальной повышенной агрессивностью или носителем какого-нибудь антиобщественного наследственного порока. Он написал на эту тему массу статей, предлагая, в частности, обязательно делать генетический анализ каждого новорожденного мужского пола с последующим внимательным наблюдением за субъектом, имеющим сдвоенный игрек, с целью своевременного медикаментозного подавления избыточной агрессивности в его поведении, если надобность в таком подавлении возникнет.

Ирена по диагнозу своей болезни совсем не подходила к профилю клиники, но уговоры и физические данные Тэдди,

столь необходимые в клинике при досмотре за пациентами, сделали свое дело. Больная получила отдельную светлую чистую палату в тысяче километров от цивилизованного мира и в личные санитары любящего мужа.

Добротно построенный больничный комплекс, состоящий из главного корпуса с прогулочным двором, корпуса для «особых больных», технического здания, кухонного блока и легких котеджей для обслуживающего персонала, обладал завидной автономностью. Мощные подземные хранилища для продуктов, электрические ветряки и солнечная гелиоустановка для подогрева воды в сочетании с двумя дизельными электростанциями давали комплексу прочную энергетическую базу. Тщательно подобранный, прекрасно оплачиваемый персонал медиков и работников остальных служб довершал картину прекрасной клиники.

Шли месяцы. Тэдди старался вовсю и был на хорошем счету. Сильное, непроходящее чувство к Ирене очень обогородило его. Правда ему, а особенно Ирене, было необходимо общество. Среди дюжих санитаров подыскать себе дружков было достаточно трудно. Врачи же составляли свой особый, замкнутый клан, в который им не было входа. Оставались больные, жившие на свободном режиме. Одним из них был молодой француз Жерар Ботье. Из интеллигентной семьи учителей, он пятнадцать лет страдал тяжелой медлительностью. Если его не торопили, он мог потратить 2—3 часа на обычный утренний туалет. Это бы еще ничего, но однажды он заявил, чтобы к нему не прикасались, потому что он сделан из стекла...

Кроме Жерара они дружили с молодым художником-бельгийцем Францем Блау. Полная противоположность Жерару, Франц внешне производил неприятное впечатление: пустая усмешка, напыщенная вежливость, за нею напряженное, почти враждебное недоверие. Тон резкий, покровительственный. Тем не менее временами, когда с него словно спадала пелена, он становился милым, скромным, беззащитным, обаятельным человеком. В обществе Ирены, которая ему, так же как и Жерару, очень нравилась, это замечательное превращение происходило с ним достаточно часто, и супруги принимали его, прощая больной, бредовый мусор.

ПОЛКОВНИК Сомс Бредли не спал ночь. Не помогли ни успокоительные капли, ни снотворное. То, что произошло накануне днем, нельзя было классифицировать иначе чем слово «глупость». Да, да, именно — глупость! С такой скрупулезностью и тщательностью разработанный генштабом план вдруг летел ко всем чертям!

Сомса вызвал бригадный генерал Бенжамен Эйтли и недвусмысленно намекнул, что его с таким трудом наработанная карьера очень даже может в несколько последующих часов полететь к чертовой матери. Так и было сказано — к чертовой!

А по английским понятиям это очень большое расстояние от успеха...

Полковник нервно мерил строевым шагом квадратные метры кабинета.

Англия всегда стремилась к атомной бомбе. Еще в начале марта 1940 года Пайерлс и Фриш — ученые из Бирмингемского университета — подготовили документ под названием «О создании «супербомбы», основанной на ядерной цепной реакции в уране». Эти ученые впервые заявили, что создание ядерной бомбы на сегодня практически возможно! Уже в апреле 1940-го к разработке урановой бомбы приступил специально созданный комитет министерства обороны Великобритании.

3 октября 1952 года стартовала разработанная английскими военными операция «Ураган»: было взорвано первое атомное устройство на острове Монте-Белло, у малонаселенного северо-западного побережья Австралии. Затем в течение шести лет под кодовыми названиями «Тотем», «Мозаика», «Буйвол», «Схватка», «Олений рог» и другими Великобритания осуществила еще двадцать атмосферных испытаний ядерных устройств в центральной и южной Австралии, а также на острове Рождества, находящемся в семи тысячах километров к северо-востоку от пятого континента. До 1964 года прошла еще одна серия экспериментов с названиями «Котятта», «Лисица» и т. п. Характерной чертой всех этих взрывов было широкое участие в них крупных контингентов войск. Но, как затем выяснилось, большинству из них была отведена роль подопытных кроликов.

Несколько лет назад австралийцы Адриан Тайм и Роб Роуботом выпустили книгу, в которой прослеживались генетические последствия воздействия радиации на аборигенов Австралии и жителей некоторых из тех островов, которые служили ядерными полигонами. В Англии эта книга произвела эффект взрыва. Те, кто принимал участие в испытаниях, узнали из нее о судьбах больных и погибших товарищей. Многие сами обратились к врачам по поводу зловещих симптомов. В мае 1986 года в Великобритании была создана «Ассоциация британских ветеранов испытаний ядерного оружия». Ее председатель Кен МакГинли — участник пяти взрывов. Ассоциация, проведя медицинское обследование оставшихся в живых участников испытаний, пришла к выводу, что процент заболевания раком крови этой группы людей в десятки раз выше среднего показателя их возрастной группы...

Так почему же нервничал полковник Сомс Бредли?

На его плечи была возложена подготовка испытательного ядерного полигона для производства наземного взрыва. Специалисты по Австралии, изучив поставленную задачу, остановились на северо-западном районе пустыни Гибсона, в предгорье хребтов Масгрейв и Макдонелл, южнее озера Маккай. Место это было достаточно удалено от населенных пунктов

и имело воду в сезон дождей, а ровное плато позволяло сажать грузовые самолеты на естественный аэродром.

Сомс лично ознакомился по картам с выбранной точкой и документами и доложил полученные сведения о выбранном участке генералу Эйтли, который, в свою очередь, внес предложение в правительство. Точка испытания была утверждена.

Подобной важности задания Бредли не получал никогда. Понимая его значение для своей карьеры, Бредли трудился ревностно. Подготовительные работы были в разгаре. Необходимое оборудование завезено в Австралию кораблями и переправлено на базовый аэродром. Личный состав команды испытателей был тщательно подобран и ждал сигнала. Наконец на выбранную точку был отправлен первый разведывательный вертолет, чтобы определить пригодность почвы для строительства природного аэродрома. Вертолет взлетел и благополучно вернулся с неожиданной информацией: оказывается, черт побери, всего в двух милях от будущего эпицентра взрыва стояла какая-то сумасшедшая лечебница! А что такое две мили равнинной местности для ядерного взрыва?

Так что же — переносить утвержденное место полигона? Новые согласования, доклады, исследования... Куда, спросят, смотрели раньше? Что ответить? Что клиники Гауптмана не было на карте? Для военных это не ответ...

Место взрыва должно быть прежним. Это ясно. А вот Гауптман со своими психами пусть убирается куда хочет, да побыстрее!

ДОКТОР Гауптман, купивший под клинику земельный участок на правах частной собственности и вложивший в строительство и оборудование клиники немалые деньги, отказался от переезда категорически. Предложенная денежная компенсация его не прельстила, не потому, может быть, что она была мала, а потому, что у него уже просто не было сил начинать все сначала.

Полковник Бредли принял окончательное решение.

Подготовка к взрыву шла своим чередом. Тяжелые грузовые и транспортные самолеты садились на природный аэродром. Стройбаты рыли наблюдательные пункты и возводили мощные бетонные укрытия для ученых и военных специалистов. Никому никакого дела не было до одиноко стоящих невдалеке корпусов клиники. Солдатам не пристало интересоваться чужой жизнью, идущей за проволокой военного лагеря, а офицерам и без психов хватало забот.

Сомс Бредли нервничал. Из-за этого придурка доктора испытания были на грани срыва. И какие испытания! И однажды Бредли облизнул пересохшие губы и снял телефонную трубку. Судьба доктора Гауптмана была решена.

Бредли обратился к одному из карательных подразделений. «В пустыне под видом главврача и владельца сумасшедшего

дома скрывается бывший военный преступник-нацист» — такова была его командная версия.

Когда такие слова говорит полковник, капитаны и лейтенанты не требуют архивных сведений. Подразделение суперменов-десантников в зеленопятнистой форме спустилось с ясного неба, как ангелы. Короткими перебежками, с автоматами у живота, они в мгновение ока оказались на рабочем дворе, заняли главный корпус. Никто не помешал карателям вывести из кабинета и втащить в вертолет растерявшегося доктора Гауптмана. Со связанными сзади руками и двумя гранатами, привязанными за предохранительную чеку к вертолету, его вытолкнули из кабины, и двойной взрыв гранат раздался прежде, чем Гауптман успел долететь до земли.

Поиздевался, нацист, над людьми, теперь твой черед, — с чувством исполненного долга подумали десантники.

Сомс Бредли, узнав о «нечаянной» гибели Гауптмана, успокоился. Пропавший без вести «сумасшедший» доктор теперь не будет стоять между ним и карьерой...

Когда «зеленые в крапинку» дьяволы унеслись в небо и опасность миновала, служащие клиники собрались в актовом зале.

У Гауптмана не было официального заместителя. Сам он практически не покидал клинику, а каждым отдельным участком работы руководил кто-то из узких специалистов.

Слухи о насильственном переносе или закрытии больницы в связи со строительством военного спецлагеря вблизи нее (а именно так афишировались подготовительные работы по созданию ядерного полигона), конечно, доходили до ушей служащих, но, наблюдая за невозмутимым лицом Гауптмана, никто не придавал этим слухам большого значения. Несколько молоденьких медсестер это даже обрадовало. Тэдди, как и шеф, относился к стройке наплевательски.

Нападение десантников ошарашило его. Он и раньше, еще в Лас-Вегасе, имел дело с этими молодчиками. Ребята из группы Коня как-то ввязались с ними в пьяную драку. Силы с обеих сторон были приблизительно равными, но результат схватки был далеко не в пользу лас-вегасцев, и банда потом долго зализывала кровавые раны этой стычки. Тэдди прекрасно понимал, что воздушный десант — не бандитская шайка, а грамотно организованное и великолепно технически оснащенное подразделение. Десантная форма нападавших говорила сама за себя, хотя вертолеты и не имели опознавательных знаков. Ему было ясно, что акция санкционирована высокими кругами и что все это лишь начало будущей драки.

Он подумал и собрал консилиум. В него вошли: аналитический ум Франца, изобретательский мозг Жерара и несколько руководителей лечебных, а главное, технических подразделений клиники. Тэдди сделал маленький вступительный доклад, из которого явствовало, что либо надо закрывать «лавочку», то есть вряд ли доктор Гауптман вскоре вернется обратно, либо

объявить в больнице`осадное положение, вооружиться и, отбивая возможные повторные атаки, ждать возвращение шефа, который все уладит. Большинство в один голос второе предложение Тэдди было принято, а сам он был временно избран начальником «Форта неггибаемых». Такое пышное название дал клинике Жерар.

Крепкого единства в рядах будущих защитников «форта» не было, и работенка Тэдди предстояла нелегкая. В принципе каждый корпус больницы уже по специфике постройки и назначению представлял собой нечто вроде крепости: узкие высоко расположенные окна за прочными решетками, толстые бетонные стены, способные сохранить внутри палат прохладный кондиционированный воздух в условиях сухой жаркой пустыни. Прекрасно оборудованные для складских помещений подвалы могли в случае необходимости служить бомбоубежищем, тем более что из них были проложены подземные переходы к корпусам вспомогательных служб для перемещения складских грузов. Оружия в клинике не было, за исключением нескольких охотничьих одностволок, и Тэдди срочно вылетел за ним больничным вертолетом на остров Тимор, находящийся в 500 милях от северной оконечности материка. У контрабандистов здесь можно было купить все! Тэдди, используя свой богатый опыт, быстро отыскал нужных людей и закупил два десятка автоматов израильского производства, несколько легких ручных пулеметов и западногерманские фауст-патроны, скорострельный японский миномет небольшого калибра и осколочные гранаты американского образца.

Шли дни и недели, однако никто больше не покушался на мирный быт клиники, и нервное состояние ожидания стало постепенно спадать. Все чаще то там, то здесь раздавались голоса, недовольные напряженным военным режимом, установленным Тэдди. Нашлись и просто предатели: кто-то донес английской военной администрации на полигоне о милитаризованных настроях клиники.

Однажды на трех джипах в больницу пожаловали полицейские и двое военных. Полицейские закрыли все входы и выходы главного корпуса, а военные и полицейский комиссар попросил Тэдди и всех заведующих отделениями побеседовать с ними в кабинете главврача.

Положение было безвыходным. Полиция оставалась полицией, а с властями континента Тэдди, естественно, не мог, да и не хотел вступать в открытый конфликт.

Комиссар по-хозяйски оглядел кабинет и собравшихся врачей, подергал ручку сейфа и сел на место Гауптмана.

— Мы все не выйдем отсюда, — сказал он, — пока не придем к общему знаменателю. И я бы хотел, чтобы вы хорошенько запомнили эти слова! В связи с ведомственной неразберихой ваша клиника попала в зону влияния английских вооруженных сил. Работы по сооружению очень важного и дорогостоящего

объекта, к сожалению, развернулись раньше, чем стала очевидной ошибка неправильного выбора клинкой этого места. Военным сверху был спущен приказ начать строительство объекта в такой-то точке, и они начали строить.

— Но ошиблись-то они, а не мы, — сказал Тэдди.

Комиссар не спеша достал трубку, набил ее табаком, раскурил и, пустив первые кольца ароматного, пахнущего медом дыма, спокойно ответил:

— Увы, но виновным все же оказался доктор Гауптман. Очевидно, стремясь приблизить комплекс к воде, он передвинул стройку на 160 километров ближе к югу, к одному из непересыхающих озер, а выстроив клинику, не оповестил земельный департамент о самовольном отступлении от плана. Проверять его, естественно, никто не поехал, и это привело к трагической ошибке.

— Где наш шеф сейчас? — спросил Тэдди.

— Не знаю, — ответил комиссар, — попыхивая трубкой. — Думаю, власти задержали его до полного выяснения обстоятельств дела. Кто, кстати, сейчас замещает его?

В кабинете повисла гробовая тишина. Тэдди не мог назвать себя старшим по многим причинам. Во-первых, он не был гражданином Австралии, а посему не мог занимать официальных руководящих постов без специального разрешения властей. Во-вторых, он не знал, что известно австралийской полиции о его предыдущих «подвигах». А, в-третьих, никто его официально и не назначал на эту должность.

— Отлично! — произнес комиссар. — Значит, в больнице царит анархия. Это печально, очень печально. Больные не виноваты, как вы понимаете, ни в ошибках, ни в противозаконных действиях администрации. Больные есть больные, им нужен уход и лечение. А это значит, что в первую очередь в клинике должен быть грамотный руководитель. А так как вы его не нашли в своей среде, мы привезем его из Канберры. Естественно, до возвращения доктора Гауптмана.

Персонал продолжал молчать.

— Кто будет финансировать больницу? — спросил Тэдди. — Кроме того, шефа забрала не полиция, а бандиты, одетые в форму десантников, прибывшие сюда на вертолетах.

— Нам не известна судьба владельца больницы. К нам не поступало официального заявления о нападении на комплекс. Мы прибыли сюда по приказу правительства, и не в наших правилах интересоваться и обсуждать мотивы полученного приказа, — ответил комиссар. — Что же касается забот по временному содержанию клиники, их по доброй воле взяли на себя Британские Вооруженные Силы.

— Что это значит: временное содержание? — спросил один из врачей.

— А то, что, по всей вероятности, больные будут распределены по различным специальным государственным больницам,

а персонал получит полную свободу для подыскания новых мест работы в более населенной части материка.

— Что же будет с комплексом? — спросил Тэдди.

— Комплекс перейдет на баланс Британских Вооруженных Сил, естественно, с возмещением всех убытков владельцу, если он вернется и будет иметь право по суду претендовать на них.

— То есть как это будет иметь право претендовать? Это же частная собственность! Или право на нее уже отменено в Австралии?

— Не горячитесь, — спокойно ответил комиссар. — Я же начал нашу беседу с того, что ранее всеми уважаемый доктор Гауптман преступил закон, и, соответственно, теперь он может оказаться вне его. Поверьте, я знаю, что говорю...

И он твердой солдатской походкой вышел из кабинета, так и не закончив начатой фразы.

После отъезда полиции в клинике началась неразбериха. Денежных поступлений не было. Лекарства, имеющие небольшой срок хранения, подходили к концу. Не было свежих овощей и фруктов. Пищевые запасы, рассчитанные на длительный срок хранения, тоже раньше или позже, но должны были закончиться.

Поэтому, когда через несколько дней в сопровождении того же комиссара в комплекс прибыла государственная комиссия министерства здравоохранения и среди них несколько человек в военной форме, служащие клиники встретили их почти с радостью.

В волнениях и страхах последних недель люди почти забыли, что Гауптман для многих из них был «отцом родным» — сейчас они говорили о нем как о несостоявшемся руководителе, бросившем их на произвол судьбы.

Вскоре комиссар опять собрал старший персонал в просторном кабинете Гауптмана и представил членов приехавшей комиссии. Военные тоже оказались врачами.

— Мы собрали вас здесь, — сказал старший из них, — чтобы немного почистить состав больных. Я более чем уверен, что в клинике полно симулянтов, отлынивающих от работы и живущих на денежки дураков — богатых родственников. Их мы просто выгоним драной метлой ко всем чертям, и пусть их сердобольные идиоты — дядюшки и тетушки поищут другие больницы. Наверняка среди «больных» есть и типы, скрывающиеся за свои прошлые темные делишки от полиции. Этих мы тоже выведем на чистую воду. Тех, кого еще можно вылечить, я имею в виду настоящих психов, мы отправим в лечебницы на северо-восточное побережье страны. Ну, а что делать с безнадежными хрониками, решим позже.

После этого выступления члены комиссии разошлись с главврачами отделений по палатам, а Тэдди погрузился в глубокое раздумье. Ехать с Иреной на густо населенное восточное побережье материка было рискованно. Сидеть же просто так, в

бездействии, он не мог. Профессии практически не было. Работать в баре он не хотел. Представить себе Ирену в государственной больнице для душевнобольных было просто невозможно — условия там совсем не те, что в клинике Гауптмана. А держать ее дома, да еще в периоды усиления депрессивного состояния, было очень опасно. Это значило, что оставался один выход — задержать вывоз больных и закрытие клиники до возможного возвращения Гауптмана. Он в глубине души верил в это возвращение и ждал его, как калека ждет прихода мессии. Ну, а если этого не произойдет — уехать в Индию и затеряться там в шестисотмиллионной толпе. В Индии, он слышал, всегда есть работа для белых и в ходу английский язык.

Итак, задержать закрытие клиники, задержать во что бы то ни стало! Но как? Попробовать смотаться в Канберру и попытаться найти следы Гауптмана? На это уйдет не меньше двух недель. До самой Канберры в принципе добраться не сложно: вертолетом клиники до Алис-Спрингс, а оттуда с пересадками местными самолетами до столицы. Но две недели!.. И потом, на кого оставить больницу? Ирену? Где достать деньги на свежие продукты и медикаменты для больных?

И Тэдди решил пойти на крайние меры.

В корпусе «особо тяжелых больных» находилось несколько высокого класса рецидивистов. Гауптман добыл их из разных тюрем Англии и пятого материка для проверки своей генетической теории. По договоренности с властями преступники через определенный срок должны были быть возвращены полиции и отбыть остаток срока как «вылечившиеся». Им прекрасно жилось в больнице. На этих-то людей и решил сделать ставку Тэдди. У него был «вездеход» главврача, то есть ключ, ходивший ко всем камерам и палатам. Да и санитары «тяжелого корпуса» были свои ребята и любили его. Тэдди понимал, что в этот приезд комиссия вряд ли кого-нибудь увезет с собой. Для тотальной эвакуации должны прибыть специальные службы и многочисленный транспорт. Так что время еще было.

Тэдди прошел в корпус и открыл камеру гангстера Финелли, по кличке Циркач. Свой псевдоним тот получил за виртуозное владение ножом. Он выхватывал его в доли секунды из-за голенища, находясь при этом в любом положении, и без промаха попадал в цель величиной с яблоко на расстоянии 20 метров. Игры с ножом были не более, чем забава, ибо в арсенале талантов Финелли были и другие, не менее интересные номера. Ну, например, аттракцион с отмычками. Невозможно описать или рассказать, как он это делал — замок шел в объятья Финелли сам! Он открывался легко и как бы между прочим. Замки больницы составляли исключение — Финелли просто очень хотелось, чтобы именно эти замки не открывались как можно дольше.

Тэдди собрал в камере Циркача еще восьмерых уголовни-

ков. Он обрисовал им ближайшую перспективу, чреватую для них возвращением в тюрьмы, и в итоге отделение прекрасных стрелков было готово встать на защиту клиники. Возглавить его в отсутствие Тэдди должен был некто по кличке Оптик — тоже рецидивист, наемный стрелок-убийца, блестящий снайпер-профессионал, много лет проработавший на этой должности в одном из отделений Коза-Ностры. Оптик был молчалив, предельно собран, никогда не задавал бестолковых вопросов и, по известным только ему одному причинам, больше всего на свете не хотел выходить из клиники на свободу. Сидеть же в обычной тюрьме ему тоже не хотелось. Клиника Гауптмана была для него идеальным местом существования, и он готов был драться за нее до последнего.

Авторитет Оптика среди обитателей клиники был настолько велик, что Тэдди без колебаний мог оставить снайпера за себя. Санитары «тяжелого корпуса», люди, преданные Гауптману, также, не колеблясь, встали на сторону Тэдди.

Пока комиссия занималась осмотром и классификацией больных, Циркач по просьбе Тэдди вскрыл стальной сейф в кабинете главврача. Основной капитал Гауптман хранил в банках Канберры и Сиднея. В сейфе находился лишь аварийный запас, но его должно было хватить на несколько месяцев жизни комплекса.

Тэдди не стал дожидаться результатов консилиума комиссии. Он собрал в своей комнате, соблюдая всяческую осторожность, сторонников активных действий, посвятил их в план обороны, показал склад оружия и отправил наземный транспорт за провизией. Сам же он решил лететь в Канберру на поиски Гауптмана.

Никто не обратил внимания на покинувший клинику вертолет — у всех были свои заботы, да к тому же все знали, что медикаменты комплекс пополняет собственным воздушным транспортом.

ПОЛКОВНИК Бредли спокойно готовился к плановому проведению испытаний новой ядерной бомбы. Первые испытания атомных бомб в Австралии англичане начали проводить в 1952 году. В основном это были подземные взрывы. В начале 60-х годов была испытана, опять же под землей, первая крупная ядерная бомба. И вот сейчас впервые генштаб наметил провести наземный взрыв для сбора данных по разрушающей способности новой «малышки» — как ласково окрестили ее военные. На полигоне были выстроены испытательные стены из кирпича, бетона, каменной кладки, шлакоблоков и даже бревенчатый сруб-пятистенок. Все испытательные преграды для взрывной волны были установлены к югу от будущего эпицентра взрыва. Клинический же комплекс находился с северной стороны.

Искусственные препятствия, как бы хорошо они ни были по-

строены, все-таки оставались муляжем, и устоявшийся за многие годы, осевший на фундаменте, окрепший на жаре, ветрах и дождях больничный городок представлял собой лакомый кусок для испытателей. Понимал это Бредли, понимал это и бригадный генерал Бенжамен Эйтли.

Так успешно решившийся вопрос с психбольницей: безвестное исчезновение главврача, отсутствие видимого протеста служащих — успокоил и вселил надежду на успех операции. Поэтому сообщение о том, что государственные больницы пятого континента могут взять на себя только 120 человек из 460, застало английское командование врасплох. 340 наиболее тяжелых больных, по существу неизлечимых хроников, повисли в воздухе, а вернее, на шее полковника Бредли и генерала Эйтли. Конечно, этих психов можно было бы отправить самолетами в Англию или, скажем, на деньги Британского военного ведомства выстроить для них специальную новую клинику, но средства, хлопоты и, главное, время...

Важнейшие государственного значения испытания вновь находились на грани срыва.

Какой между полковником и генералом мог состояться разговор о судьбе клиники? Он не записан, но, судя по результату, есть немало оснований считать, что выработка окончательного решения могла проходить примерно так.

ГЕНЕРАЛ ЭЙТЛИ. «Сомс, считаете ли вы, что неизлечимый психически больной может сделать жизнь нормальных людей лучше? Нужен ли он для продолжения человеческого рода, для движения прогресса, для создания материальных благ?»

ПОЛКОВНИК СОМС. «Я понимаю вас, генерал. То, о чем вы спрашиваете, называется «эутаназией», то есть «убийством из милости». Моя жена занималась этим вопросом одно время. Она работает на кафедре психологии философского факультета в Оксфорде. Философы постоянно спорят по этому вопросу и никак не могут прийти к единому знаменателю. Трудно дать яд или сделать укол в вену воздухом умирающему от рака больному. Хотя одна миллионная, но все же доля надежды на благополучный исход болезни существует всегда. А вдруг завтра изобретут чудодейственную сыворотку? А вдруг опухоль перестанет расти? А вдруг? А вдруг?.. А какая мать разрешит убить своего больного ребенка, пусть даже дебила? Увы, генерал, но эутаназия пока еще не обрела гражданских прав».

ГЕНЕРАЛ. «Не обрела... А жаль! Мы не философы, не психологи и не врачи. Мы солдаты. Наше дело — нападать в атаке и защищаться в обороне. Назовите испытания любым из двух этих слов, и как бы мы сейчас не поступили, мы все равно будем правы перед потомками! Истина — она, может быть, когда-нибудь и всплывет в конце концов на волнах истории, но уже, извините, как утопленница! Вы согласны со мной, Сомс?»

ПОЛКОВНИК. «Согласен, генерал...»

ГЕНЕРАЛ. «Тогда действуйте, мой друг. Действуйте. Если не мы с вами, то, боюсь, никто больше не поможет этим несчастным избавиться от ежедневных мук».

Нет, мы отнюдь не беремся утверждать, что именно в этой манере велась беседа. Но смысл ее, если за основу взять последующие события, был именно таков, за это ручаться можно смело.

Может быть, собеседники углубились и в историю вопроса? Теоретически проблема эутаназии, или «убийства из милости», или «смерти в подарок», была поставлена в 20-х годах в Германии докторами медицины Биндингом и Хохе. Статья их называлась «О разрешении на уничтожение жизней, не представляющих ценности для человечества». Через двадцать лет в Германии эта «программа» была введена нацистами в широкую практику. Юридической основой для нее послужил принятый рейхстагом закон от 14 июля 1933 года, сформулированный так: «О предотвращении наследственных заболеваний». В нем говорилось о принудительной стерилизации больных, страдающих болезнями, передаваемыми по наследству.

ЧЕРЕЗ восемнадцать часов после вылета из комплекса голодный как волк Тэдди стоял в здании Канберрского аэропорта. У него не было точного плана последующих действий. Прежде всего он зашел в буфет, съел кусок холодного мяса с кружкой пива, взял такси, попросил отвезти его к министерству юстиции и через 30 минут стоял в приемной министра.

Система общения граждан страны с правительством в Австралии довольно проста, и через несколько минут Тэдди сидел в роскошном кабинете напротив министра — лысого шамкающего старика лет 90 от роду. По существующему в стране положению министр юстиции является членом, а иногда и заместителем председателя Высокого суда — высшей судебной инстанции в стране. А члены Высокого суда назначаются генерал-губернатором пожизненно.

Старик, ко всему прочему, оказался глухим, и Тэдди пришлось несколько раз громко прокричать свою просьбу. Министр долго пытался понять, о чем его спрашивают, но длительное умственное напряжение вконец сломило его ветхий организм, подорвав и без того более чем скромные жизненные силы, и он вдруг с легким храпом отключился, не отрывая при этом остановившихся полуоткрытых, слезящихся глаз от молодого человека. У Тэдди не было времени на ожидание, он тихо встал и покинул кабинет верховного творца правосудия Пятого континента, сказав по дороге референту, чтобы тот принес шефу подушку.

Военный министр Тэдди не принял. А генерал, к которому его допустили, не отрывая глаз от бумаг на столе, понял одно: речь идет о психах, и выразил четкую мысль, что психам надо сидеть в своей больнице и не отрываться от дел государственных

людей. Тэдди ткнул еще в несколько правительственных дверей и лишь тогда понял, какого дурака от свалил, сорвавшись наобум сюда, бросив клинику на произвол судьбы в такое трудное для нее время.

Он решил срочно возвращаться.

КЛИНИКА жила своей жизнью. Военная комиссия уехала, забрав с собой протоколы обследования больных. Питание наладилось. Вместо Гауптмана врачебный совет временно избрал исполняющим его обязанности Глена Бателла, заведующего терапевтическим корпусом — добродушного, смешливого, не очень собранного человека, но хорошего врача и великолепного рассказчика анекдотов. Бателл тяготел к группе «противников» военного положения в клинике. Он считал, что в комплексе все идет как надо, Гауптман не сегодня-завтра вернется, а если власти считают, что клинику надо закрывать, значит, так тому и быть.

После отъезда комиссии тишина и покой вновь опустились на комплекс, и вроде бы ничего не предвещало близкой грозы. Ничего, кроме разве что заметно ускорившихся темпов строительства полигона. Жерар и Франц прекрасно понимали, что им просто дана временная и, очевидно, очень короткая передышка. Бателл не одобрял осадных мер, но по мягкости характера не очень мешал подготовке к активной обороне.

Мешки с песком легли на подоконники, пулеметы заняли боевые позиции. Санитары охотно и успешно упражнялись в стрельбе в подвале клиники. Комплекс был готов отразить нападение и выдержать осаду. Дело оставалось за малым — за врагом. И тот не заставил себя долго ждать.

Сомс Бредли активно взялся за операцию, которую он условно назвал для себя «Чистка ада». Он очень любил давать пышные названия руководимым им операциям.

Естественно, что ни полковник, ни генерал не предполагали и не могли предположить, что экспедиция, посланная за больными, может быть встречена пулеметным огнем. Презрением персонала — да! Проклятиями, криками и прочими бессмысленными угрозами, типа «Обратимся за помощью к австралийским властям!» — да. Но квалифицированные боевые действия со стороны персонала больницы? Это было за пределами предположений.

Пять грузовых вертолетов, подготовленных для вывозки обитателей комплекса, не были укомплектованы опытной военной командой. Она состояла из врача, нескольких летчиков и десятка солдат с карабинами — для остротки, на всякий случай. В основном им отводилась роль рабочей силы — в помощь местным санитарам.

Задача экспедиции сводилась к следующему: срочно вывезти на восточное побережье сотню больных, отобранных военной комиссией, и перекинуть туда же персонал клиники. Затем,

следующими рейсами, предполагалась переброска дорогостоящего медицинского оборудования из комплекса Гауптмана в клинику, принявшие вывезенных больных. Таким образом, персонал клиники, вывезенный первым же рейсом, не мог знать о дальнейшей судьбе своих оставшихся подопечных.

Солдаты — мальчишки с золотистым пушком под носом, прибывшие с экспедицией, меньше всего готовились к бою.

Сомс Бредли хотел лично вылететь с первым десантом на «объект», но вспомнил, что его укачивает в вертолете, и остался...

В тучах пыли вертолеты по-кошачьему мягко опустились на песок пустыни дутыми резиновыми подушечками колес. Винты остановили свой бег и бессильно обвисли по сторонам серого яйцеобразного брюха. Дверца вертолета, ближайшего к окнам комплекса, отскочила наружу, и, не успев даже вскрикнуть, первый безусый мальчик в форме солдата английской армии выпал из нее на сухую землю. Он лежал на спине, широко раскинув руки и ноги, словно наслаждаясь после перелета жарким теплом пустыни. И только маленькая дырочка над переносицей говорила о том, что на этот раз наслаждение будет бесконечно долгим.

Дверь вертолета оставалась по-прежнему открытой, однако больше из нее уже никто не высовывался.

— Совещаются, гады,— буркнул себе под нос Оптик и поднял к глазам восьмикратный цейсовский бинокль. Циркач, подложив под себя одеяло, удобно устроился на двух столах у соседнего окна. Ствол пулемета находился в щели между мешками с песком. Пятеро уголовников заняли позиции у пулеметов в двух соседних кабинетах. Лафа в клинике кончилась, это ясно, но отчего напоследок не поиграть в настоящую мужскую игру? До вечера продержаться вполне можно, а ночью смыться из клиники — ищи ветра в пустыне! Последний день в психушке — славная работа, будет что вспомнить.

Пулеметные стволы, торчащие между мешков с песком, хорошо просматривались из окон вертолетов. Солдаты, вооруженные карабинами, не решались открывать ответный огонь по окнам больницы. Они вообще не могли понять, что здесь происходит? Их вовсе не готовили к боевым действиям, перед ними стояла совершенно другая задача, и все происходящее вызывало у них недоумение и страх. Впрочем, ничуть не меньший, чем у их командира.

В проеме двери вертолета на мгновение мелькнула голова в каске. Еще один выстрел, и крик раненого доказал прилетевшим, что они имеют дело не с дилетантами, случайно взявшими в руки оружие, а с людьми, знающими свое ремесло.

— Кажется, пошла работа,— процедил сквозь зубы Оптик, смачно сплюнув на пол.

— Может, полоснуть по окошкам короткой? — спросил его Циркач.

— Береги патроны,— сплевывая еще раз, ответил стрелок.— И гляди в оба.

Из открытой двери вертолета медленно вылезла наружу длинная тонкая палка с привязанным на конце белым носовым платком.

— Сдаются, черти,— с оттенком явного сожаления протянул Циркач.— Струсили, желторотые. Видать, остальные вертолеты пусты, команда только в этом.

Оптик не ответил ему, он молча ждал. Вот в дверном проеме показалась рука, державшая палку, а затем плечо с погоном и голова пожилого капрала. Раздался сухой щелчок выстрела, и палка с привязанным к ней флагом упала на землю. Фигура капрала мгновенно исчезла в проеме.

— Ты это зачем? — удивленно спросил Циркач.

— Не хрена им вылазить оттуда,— мрачно процедил Оптик.— Ты что, может, не знаешь, о чем они будут вещать?

— Что теперь будем делать?

— Ждать! Они наверняка не ожидали такого оборота дел и понимают, что пока мы сильней. Сейчас полетят за пушкой, газовыми гранатами, а еще хуже, если за теми ребятами, которые прилетали сюда в первый раз за доктором Гауптманом. Те-то не такие сопляки,— и он смачно выругался.

— А зачем им улетать? — вдруг спросил Жерар.— Дать из фауст-патронов по винтам — и конец. Надеюсь, не промахнешься?

— Попробую... — неуверенно ответил Оптик.— Я еще никогда не работал с этой штукой.

— А что тут сложного,— проворчал Циркач.— Прицел тот же. Целься да тащи на себя курок...

Первым выстрелом Оптик срезал винт ближайшего вертолета. Вторым и третьим разворотил моторы и поджег два других. Три снаряда понадобились ему, чтобы сквозь дым и мешающие корпуса разбитых машин подорвать четвертый вертолет.

Но до пятого из окна кабинета добраться он уже не мог. Винты последней, дальней машины начали вращаться.

— Уйдет, уйдет! — закричал Жерар.— Возьми его на взлете! В его голосе звучал азарт.

Клубы черного дыма, валившие из третьего вертолета, становились все гуще и плотнее, не давая Оптику вести прицельный огонь. Мотор взревел, и за пеленой дыма на фоне чистого голубого неба появилась поднимающаяся машина.

— Стреляй! Стреляй! — в один голос завопили Жерар с Циркачом, но Оптику не надо было давать команд. Труба фауст-патрона, лежавшая на его плече, резко вздрогнула, и яркая вспышка, а затем страшный грохот возвестили, что рука Оптика и на этот раз оказалась твердой.

В первом вертолете было по-прежнему тихо. Стволы трех направленных на него пулеметов, снайперская точность Оптика и последовательные взрывы четырех остальных машин по-

действовали на экипаж и военную команду более чем отрезвляюще. Завести двигатель они и не пытались.

Жерар и Циркач сидели на полу, со счастливыми лицами глядя друг на друга и на героя Оптика, когда в дверь ворвались Франц и Ирена.

— Молодцы, мальчики! — кричала Ирена. — Как вы их! Господи! Как вы их!

В глазах ее стояли слезы, руки дрожали. Франц сиял.

Первым пришел в себя Оптик. Он достал сигарету из мятой пачки, жадно затянулся и, толкнув Циркача в плечо, тихо сказал:

— Встань к пулемету. А ты, Жерар, возьми белую тряпку, спустись вниз и вытащи кого-нибудь из вертолета на переговоры. Их надо быстренько разоружить и запереть в камеры. Скоро сюда прискачут вояки с полигона, и тогда...

Жерар привязал белое полотенце к палке, выдернутой из швабры, и медленно подошел к первому вертолету. Встав в нескольких метрах от открытой двери, он что-то громко крикнул, сложив ладони рупором. Ветерок, относивший в сторону его слова, и треск огня горящей рядом машины заглушали его слова.

— Что-то не вылазят, гады, — мрачно бросил Оптик.

— Вылезут! Куда им теперь деваться, — весело ответил Циркач.

Из вертолета раздался слабый щелчок выстрела, и Жерар, слабо вскрикнув, ткнулся лицом в землю. Все застыли на месте.

— Сволочи, — просипел Циркач, — сволочи! Ну, держись, ублюдки...

Он схватил стоящий у стены фаустпатрон и, подбежав к окну, не целясь, выпустил снаряд. Страшный грохот потряс корпус клиники. Очевидно, снаряд попал в бензобак. Огромное тело вертолета разнесло на куски. Взрывная волна выбила почти все стекла с южной стороны дома. Из выбитых окон вновь раздалась испуганные вопли больных. Кто-то по-детски плакал, кто-то по-кошачьи визжал.

— Вот и все, — устало сказал Циркач. — И вести их никуда не надо, и запирать тоже...

Ирена подошла к окну со свалившимся мешком, посмотрела вниз и, ни к кому конкретно не обращаясь, негромко сказала: «А Жерарчик горит...» Медленно повернувшись на каблуках, она вышла из кабинета, тихо повторяя про себя: «А Жерарчик горит... А Жерарчик горит...»

В дверях появилось лицо уголовного из соседнего кабинета.

— Ну, нормально вы их, — выдохнул он восхищенно. — Ну, нормально! Как на войне. У меня брат во Вьетнаме бывал, тоже такое рассказывал! Нормально вы их! Ну, нормально!..

— Смываться пора, — вздохнул Циркач. — Пушку притащат — разнесут по клочкам.

— Вечером уйдем,— сказал Оптик.— Жратвы надо прихватить да воды.

Состояние Ирены после побоища резко ухудшилось, и растерянный Глен Бателл уложил ее в постель. Она перестала отвечать на вопросы, отказалась от еды. Глен приставил к ней сиделку.

ТЭДДИ мчался домой. В его биографии было всего два дома: дом матери и отца, в котором он родился и прожил отрезок жизни до Ирены, и дом, в котором в любой из последующих жизненных отрезков находилась Ирена. Если они жили вместе в гостинице — значит, домом была гостиница. Если на корабле — корабль. Если в шалаше под деревом — шалаш под деревом. В данном случае домом была клиника.

С возвращением назад ему не повезло с самого начала. Самолет, который должен был добросить его до Порта Пири, поломался при взлете. Они чудом сели на тот же аэродром, и Тэдди, липкий от пережитого страха, поклялся, что больше никогда в жизни нога его не станет на трап самолета. В дальнейшем он будет много раз нарушать эту клятву, но на этот раз он ее сдержал, так как боялся не добраться до Ирены.

От Канберры до клиники Тэдди отделяла большая часть материка, причем практически незаселенная. Он доехал автобусом до Аделаиды, оттуда поездом до Алис-Спрингс, маленького городка в центре материка. Здесь заканчивалась железная дорога. Отсюда по очень плохой автомобильной трассе можно было добраться до поселка Докер-Ривер. Дальше от клиники отделяли его триста километров пустыни. Летом, то есть в сухой период, по этому безжизненному плато можно было проехать на вездеходе. Мешали передвижению лишь густые заросли вечнозеленого жестколистного скреба. Они часто росли сплошным массивом, протянувшимся на десятки километров, и на объезд такого препятствия уходили часы, силы и галлоны такого дорогого в пустыне бензина. Автомобилисту надо было выбирать солончаковые участки, поросшие невысокой кохией и горько пахнущей полынью. Эти участки являлись почти идеальными автомобильными дорогами, однако, увы, до клиники в основном шел песок.

Тэдди с колоссальным трудом достал сильно подержанный военный джип, купив его втридорога у разорившегося старика фермера. На первых же километрах джип показал своему новому хозяину, что с прекрасной военной техникой может сделать время, плохие дороги и неквалифицированный уход. Автомобиль буквально разваливался на части. Летело все: листы рессор, амортизаторы, стартер, генератор, водяная помпа, подшипники. Тэдди пешком вернулся в поселок, раздобыл тягач, вернулся за машиной и отбуксировал ее назад в поселок. Он заменил чуть ли не полмашины, прежде чем хоть немного уверовал в надежность своего нового друга. Старик фермер

на прощание подарил Тэдди шоферскую памятку, составленную на основе советов бывалых шоферов — первопроходчиков пустынь. Книга оказалась действительно замечательным, незаменимым пособием и просто спасла Тэдди жизнь в тяжелейших условиях пустынного марафона.

На весь путь от Аделаиды до последнего броска к клинике ушла чуть ли не неделя.

Джип, отчаянно буксуя, рыча и плача изношенным мотором, мужественно продирался сквозь пески и колючки. Большие грузовики, достаточно часто проделывавшие этот путь, доставляя продукты комплексу, сравнительно легко шли напрямик. Тэдди не мог пройти по их колее, ему приходилось лавировать, и он часто сбивался с автомобильного следа. Когда до клиники оставалось километров сто с небольшим, джип с ходу влетел в глубокую песчаную воронку, замаскированную невысоким кустарником. Часа три Тэдди безуспешно пытался выбраться из нее, перекидал под колеса массу хвороста и, когда сжег начисто диск сцепления, плюнул от бессильной ярости и пошел пешком, захватив с собой флягу с водой и две пачки галет с сыром.

Он был силен, смел, подвижен, но ему никогда не приходилось так долго идти по раскаленной пустыне. Он практически не ведал, что значит усталость. Тренированные молодые мышцы непрерывно сами требовали физической нагрузки — нагрузки, но не изнурительной бесконечной шагистики по рыхлому горячему песку.

АНГЛИЧАНЕ примчались на следующий день. Восемь тяжелых транспортных вертолетов сели в миле от комплекса. Четыре пушки среднего калибра, привезенные ими, были подцеплены к джипам. Сотня автоматчиков, пять крупнокалиберных пулеметов и три тяжелых миномета заняли военную позицию в двухстах метрах от клиники. Мощный динамик, установленный на одной из машин, потребовал немедленной сдачи оружия и выхода парламентариев. В противном случае через 30 минут клиника превратится в груды кирпичей, и ответственность за судьбы больных и служащих руководство армии с себя полностью снимало.

К моменту прибытия карательной экспедиции санитары и кое-кто из больных под руководством Оптика собрали и погребли в братской могиле у стены комплекса останки солдат и летчиков первой экспедиции. Обгоревшее тело Жерара Ботье было с любовью и слезами захоронено в красивом гробу под стройным тополем, единственным деревом клиники, привезенным откуда-то с побережья лет пятнадцать назад Гауптманом и любовно возвращенным обитателями комплекса. На погребение собрались все, кому разрешалось выходить из стен больницы. Глен Бателл и Ирена говорили теплые слова, многие в голос рыдали. Самодеятельный оркестр больных и служащих играл Баха. Местный столяр сделал красивый крест. Никто не знал,

к какой вере принадлежал Жерар и исповедовал ли он какую-либо из них вообще, однако на всякий случай крест украсил изголовье его могилы.

Четверо летчиков, оставшихся в живых, двое из которых были ранены, находились в клинике.

Глен Бателл немедленно вышел навстречу англичанам после предъявленного ультиматума. После короткого, но бурного заседания членами группы сопротивления была придумана и принята следующая версия: несколько служащих клиники под руководством Жерара Ботье не захотели покидать комплекс. Ботье слетал на побережье и нанял шайку бандитов для защиты больницы. После отражения первого нападения бандиты, испугавшись содеянного, на одном из больничных вертолетов бежали ночью в неизвестном направлении.

Версия имела в своей основе несколько правдивых фактов: Циркач и другие рецидивисты, прихватив с собой пилота, действительно улетели неизвестно куда на одном из двух вертолетов клиники, захватив, с согласия Глена Бателла, значительную часть оставшихся наличных денег из сейфа Гауптмана. Оптик остался — Тэдди просил его позаботиться об Ирене...

Полковник Бредли с грустью выслушал «правдивый» рассказ Бателла. Ох, как ему хотелось разнести ко всем чертям этот проклятый психушник, и причина для этого, право, была более чем хороша!

Однако версия была очень правдоподобна. Конечно, за гибель пяти вертолетов и двух десятков военнослужащих надо было нести ответ. Впрочем, тут все ясно — стычка с хорошо вооруженной бандой, обнаруженной в непосредственной близости от особо секретного полигона. Геройская смерть молодых солдат и командиров, ценой своей жизни защитивших особо важные государственные интересы и не допустивших весьма подозрительную банду на территорию полигона. Посмертно они все будут представлены к награде. Суровая необходимость надежной охраны полигона не позволила преследовать банду, захватившую вертолет и трусливо бежавшую с поля боя. Не исключено, что, напуганная стойкостью защитников полигона и опасаясь возмездия, пиратская банда покинула Австралию, совершила полет над морем и укрылась на одной из многочисленных островов к северу от материка. Как удалось выяснить, банда стремилась захватить запасы легкого стрелкового вооружения и боеприпасов для продажи на черном рынке Малайзии, но склад оружия и боеприпасов благодаря стойкости личного состава полигона не пострадал. Охрана полигона усилена, вторичного нападения на склад, безусловно, можно не опасаться, оснований для тревоги нет, программа испытаний реализуется строго по графику.

Служащие комплекса в белоснежных халатах и полсотня больных в серых пижамах стояли у ворот клиники. Вся стена главного корпуса была изрешечена пулями, стекла из окон вы-

Рис. М. ПАНКОВОЙ

биты. По версии Бателла, солдаты с вертолетов первыми открыли ураганный огонь по клинике, и бандиты, защитники комплекса, были вынуждены защищаться. Сомс печально взглянул на грустного интеллигентного доктора Бателла, взгляд его еще раз скользнул по шербатовой стене и разбитым окнам клиники, и он скрепя сердце отдал команду готовить отобранную комиссией сотню больных и всех служащих больницы к немедленной эвакуации.

ОПТИК робко постучал в дверь палаты Ирены.

— Да, да, войдите,— услышал он ее мягкий голос.

Оптик робко протиснулся в приоткрытую дверь.

— Входите смелее, садитесь.

Мозг Оптика мучительно работал. Там, внизу, у ворот Глен Бателл решал судьбы четырех сотен людей, проживающих в комплексе. Ему же надо было решить всего одну судьбу, сохранить всего одну жизнь. Но как?

— Я рада видеть вас. Что-нибудь случилось? — в голосе Ирены не было тревоги, она вновь замкнулась в себе, и внешний мир со всеми его перипетиями был сейчас очень далеко от нее.

— Да, мадам,— ответил Оптик.— Они приехали, и сейчас здесь начнется ад. Вам нельзя уезжать отсюда до приезда Тэдди. Я хочу отвести вас в комнату для особо тяжелобольных и испортить в ней замок. Они не будут взламывать железную дверь, им нет дела до тяжелобольных, да и времени у них, наверное, тоже в обрез. А потом, когда все уедет, мыждемся его. Я сделал кое-какие запасы, и мы уедем все вместе.

— Спасибо. Делайте все, как сочтете нужным.

Оптик, естественно, не мог знать планов Сомса Бредли и его шефов. Он наивно предполагал, что английским военным просто нежелательно соседство посторонних при проведении стрельб из какого-нибудь нового секретного оружия. Поэтому они и хотят убрать подальше от себя гражданских лиц, а в корпусах комплекса устроить казармы и склады. Прибытия Тэдди он ожидал с часу на час, а освоение пустого комплекса военными считал делом долгим — несколько дней, во всяком случае, в запасе было. Имея такую точку зрения, он согласно ей и действовал.

Двухкомнатная палата-камера для особо опасных больных (читай — преступников) имела все необходимые удобства, а прочная, стальная дверь со сложным наружным замком надежно отделяла ее от прочего мира. Для жены друга Оптик постарался обставить ее как можно красивее и комфортабельнее: в холодильнике, взятом из кабинета Гауптмана «напрокат», он соорудил целый склад продуктов. Заготовил воду на случай отключения водопровода. Пару недель, как минимум, в палате можно было прожить безбедно.

Препроводив быстро собравшуюся Ирену в спецпалату, Оптик спустился в подвал, где подготовил себе аналогичное убежище, может, не такое шикарное, но не менее надежное.

ДО ИСПЫТАНИЯ новой бомбы оставалось всего трое суток. Ядерный заряд был установлен в бетонном бункере. Часовой механизм уже был готов к запуску.

Операция «Чистка ада» должна была быть закончена сегодня, за день. Сотню отобранных военной комиссией больных вместе с санитарями и врачами поместили в вертолеты и немедленно отправили в Аделаиду. Оттуда железной дорогой они были переадресованы в психиатрические лечебницы других городов страны. Два десятка больных забирали Британские острова. С остальными, «безнадежными», армия собиралась «разобраться» позже. Как теперь ясно — после испытаний бомбы...

Места санитаров в клинике заняли наскоро проинструктированные солдаты, которые за несколько часов до команды «зеро», означающей момент взрыва, должны были быть вывезены на безопасное для «нормальных» людей расстояние. Среди персонала полигона был распространен слух, что медики проводят эксперимент под названием «Шок», в результате которого большая часть «идиотов» после встряски, полученной в результате взрыва, должна возвратиться в нормальное состояние. Толстые же стены здания главного корпуса, решетки окон и металлические двери должны были якобы полностью погасить проникающую радиацию.

Страхи Оптика были напрасны, никто не пытался ломиться в железные двери закрытых палат, а спускаться в подвал тем более. На вывозку и демонтаж оборудования сегодня времени не было, это решили сделать позже. Только в один из вертолетов погрузили инструменты из операционной и дорогостоящие медикаменты.

Сомс приказал изъять журнал больных из кабинета доктора Гауптмана, но оказалось, что именно этот журнал и еще несколько важных архивных документов испарились. Доктор Бателл, извиняясь, сказал, что в возникшей после исчезновения шефа неразберихе был кем-то украден небольшой личный сейф главврача, в котором к тому же находились и деньги. Где этот сейф сейчас, не знает никто. Кроме вора, разумеется.

Бателл сказал чистую правду. Он действительно не знал, кто вынул документы из сейфа. Он догадывался, что это может быть делом рук Оптика или Циркача. Но только догадывался, а точно не знал. Глен Бателл, как выяснилось в дальнейшем, вообще догадывался о многом. Подвыпивший майор Кан, начальник охранной службы полигона, по секрету сболтнул ему, какие испытания будут проводиться в военной зоне. А штабной врач Уильям Бонс, член военной комиссии по отбору больных из клиники, уезжая, дружески похлопал Бателла по плечу и посоветовал никогда более и нигде не интересоваться судьбами своих бывших пациентов, оставленных в комплексе в ожидании выезда на побережье вторым эшеломом. Сопоставляя оба факта, Глену не трудно было сообразить, какую судьбу уготовило для большей части его больных Британское правительство.

Глен Бателл почти знал правду. Однако ни один мускул не дрогнул на его добродушном лице, когда, сидя в вертолете, он прощальным взглядом окинул мелькнувшие внизу постройки комплекса. Лишь через много лет он написал правдивое письмо о событиях, свидетелем которых он был... Но об этом позже.

ТЭДДИ выбивался из последних сил. По его расчетам, до клиники оставалось километров пятнадцать — двадцать. Или он заблудился? Фляга с водой была пуста, и он ее бросил. Соленый пот жег глаза. Шляпа с широкими полями давила голову. Рубашка и брюки прилипли к телу. Мысли ворочались медленно, и о чем бы он ни начинал думать, все в конечном итоге возвращалось сначала к Ирене, а потом к воде — холодной, прозрачной, льющейся толстой гладкой струей. Он старался отогнать от себя это навязчиво повторяющееся видение, вспоминал знаменитого старика по фамилии, кажется, Брег. Старица, который в шестьдесят лет, истощенный болезнями и будучи почти развалиной, выбросил из рациона мясо и рыбу, перешел на сырую пищу, и в 75 лет, взяв с собой десяток молодых тренированных спортсменов, укомплектованных в избытке водой и продуктами, пешком перешел Большую американскую пустыню и до финиша добрался один!!! Остальные сошли с дистанции. При этом он сам всю дорогу почти ничего не ел, а запас воды его состоял из двухлитровой грелки. Он погиб в 90 лет с лишним, но умер не своей смертью, а в гигантских волнах прибоя, катаясь на доске.

Пример этого фантастического старца помогал, и Тэдди, чертыхаясь и сглатывая несуществующую слюну, упрямо шел вперед.

Тэдди почти две недели не видел Ирены. Две долгие, как сама жизнь, недели. Он никогда еще за всю их совместную жизнь так надолго не расставался с ней. Пока он, как дурак, бегал по инстанциям в Канберре, пока добирался до Докер-Ривера, мучился со стареньким джипом, разлука с Иреной не так мучила. Но сейчас тревога навалилась на него.

Два дня назад, когда он еще пытался вытащить из ямы джип, над ним дважды, туда и обратно, пролетела группа вертолетов. Они следовали единым боевым строем, держа направление сначала на полигон, а потом от него. Сердце Тэдди сжалось в предчувствии беды. Он долго провожал их взглядом, особенно когда они летели обратно. Ему казалось, что в одной из машин находится Ирена, и он даже «видел», в какой. Он бешено махал руками, шляпой, пиджаком...

На четвертые сутки на горизонте наконец показался комплекс. Он возник неожиданно, с вершины большого поросшего лебедой бархана. Солнце спускалось за край пустыни, идти в свету оставалось не более часа, и как он ни спешил туда, как ни тянуло его сломя голову броситься вперед, разум взял верх. Тэдди не знал, что произошло в клинике за это время, но предполагал,

что там могло произойти, и потому решил быть осторожным.

К воротам он подошел ровно в полночь. В комплексе царила абсолютная тишина. Даже цикады примолкли в холодке ночи. Он тихо, по-кошачьи прокрался к служебной двери главного корпуса. Она была полуоткрыта, и Тэдди с пистолетом в руке стал медленно подниматься по лестнице.

Коридор был пуст. Многие кабинеты открыты настеж. Тэдди поднялся на третий этаж в диспетчерский пост — он был так же пуст. Электростанция не действовала — характерный дизельный перестук не доносился из служебного отделения. Свет, включенный Тэдди, был тусклым — аккумуляторы без долгой подзарядки сели. Тэдди уже без опаски поднялся на четвертый этаж и рванул дверь в палату Ирены. Дверь легко поддавалась, он щелкнул выключателем и застыл на пороге. В пустой, слабо освещенной комнате царил так не свойственный Ирен беспорядок. На полу валялись какие-то вещи, шкатулка из-под дешевеньких украшений с оторванной крышкой лежала пустая у туалетного столика. Дверцы платяного шкафа были открыты. В ванне стояла вода с опавшей и кое-где подсохшей по краям мыльной пеной. Белое махровое полотенце Ирены с большими пунцовыми розами валялось на полу.

На пятом этаже, где размещались сравнительно легкие больные, раздался чей-то сдавленный крик. Тэдди, сжимая пистолет в руке, бросился вверх. Из 17-й палаты слышался женский плач — негромкий, жалобный безнадежный. Тэдди дернул дверь, она не поддавалась. Ключа у него не было, но он знал, в каком месте находился дежурный ключ-«вездеход», подходивший ко всем дверям. Его прятали в тайнике, сделанном в стене на случай пожара. Ключ оказался на месте.

На грязном полу палаты сидела махонькая старушка и горько плакала. Тэдди хорошо знал ее. Это была бабушка Джейн — старая больная, помещенная в клинику внуками. В припадке депрессии она пыталась ударить молотком для отбивания бифштексов чем-то не угодившую ей горничную, и Гауптман за хороший взнос взял ее к себе. В клинике бабуля вела себя очень спокойно и пользовалась общей любовью персонала как «всеобщая больничная бабушка». В моменты просветления с ней было приятно общаться.

— Что здесь произошло, бабуля? — спросил Тэдди, поднимая старушку с пола и усаживая ее в массивное кресло, привинченное к полу.

— Не знаю, Тэдди, — не отпуская его руки, плакала Джейн. — Я ничего не знаю, но почему-то очень боюсь. Уже третий день, как нет моей Калли и меня чем-то очень невкусным кормит солдатик.

Калли была санитарка-малайка, очень славная молоденькая девушка. Она выделялась своей добросердечностью даже на фоне прекрасно подобранного и вышколенного Гауптманом коллектива.

— Я пыталась выпросить этого солдатика, что происходит, но он так молчал, будто не знал языка. А сегодня он вообще явился только утром. Сунул мне в руки тарелку с липкой овсянкой, и больше я его не видела ни в обед, ни в ужин. Что происходит, мой мальчик? Почему-то я ужасно боюсь...

И старушка, спрятав свое махонькое сморщенное личико в крошечных ладошках, опять зарыдала.

— Не тревожьтесь понапрасну, бабушка Джейн, — Тэдди погладил ее по голове. — Все утрясется. Я просто не был тут недельки две и еще не разобрался, что к чему. Ложитесь-ка лучше спать. Утром я к вам забегу.

И он, закрыв дверь на ключ, медленно побрел дальше. Ему тоже вдруг стало страшно в пустом полутемном коридоре. Где Ирена? Что с ней? Что здесь делают солдаты? Он ничего не мог понять.

За дверью одной из палат послышалось какое-то шевеление. Тэдди быстро и решительно открыл дверь. В нос ударил тяжёлый запах уборной вместе с тошнотворным запахом жареной рыбы. Он нащупал выключатель — и вздрогнул. В небольшой, почти пустой комнате на полу, по-собачьи, на корточках, оскалившись огромным щербатым ртом, сидел голый маленький человечек с неправдоподобно выпуклыми глазами. В обеих руках, поставленных на локти, он держал по объёдку какой-то рыбы и, глядя на Тэдди, ворчливо рычал.

Человек-собака... Тэдди знал об этом безнадежном больном, вообразившем себя собакой, ходившем на четвереньках и до остервенения облаивавшем кошек, птиц и другую живность. Но увидеть его сейчас...

Человек-собака, визжа и брызгая слюной, бросился к Тэдди. Прикаса́ться к нему было омерзительно, и Тэдди побежал, а за ним по коридору, по лестнице, заходясь в визге и рычании, рвался больной.

Об этой неправдоподобной жуткой гонке Тэдди через двадцать лет расскажет своему адвокату, заметив, что он хотел было сначала убить этого сумасшедшего — пистолет был в руке, но пожалел и решил сбежать от него в подвал, спрятаться там и переждать минут пять-десять, чтобы потом продолжать осмотр клиники.

Тэдди тогда и предположить не мог, что своей погоней человек-собака спасает ему жизнь...

Тэдди выскочил во двор, забежал в подвал и спрятался под кочегаркой в угловой яме. Он точно не помнил, сколько времени он просидел в ней. Человек-собака поскулил во дворе и куда-то пропал. Можно было выходить.

Но выйти Тэдди не успел.

Страшной силы взрыв, треск, свист и сильнейший толчок подняли его. Происходило что-то совершенно необъяснимое. Стены подвала дрожали, сверху явственно доносился грохот падающих стен. Спрессованный сухой и жаркий воздух ворвался

в подвал, выбив наружную дверь. До дикой боли, до крика сдвинул барабанные перепонки в ушах и, чуть задержавшись, вылетел обратно, образовав на мгновение вакуум, от которого глаза полезли из орбит и перехватило дыхание. Прошло еще несколько секунд, и раздался дикий, душераздирающий крик. Невозможно было поверить, что этот звук мог издать человек. Звук оборвался так же неожиданно, как и возник, и сразу за ним понеслись стоны, крики, плач и странные звериные вопли.

Тэдди впервые в жизни захотелось сжаться в комок, закрыть ладонями уши и умереть. Но он выбрался наверх и не понял, что происходит. В воздухе висела удушливая пыль. Сверху редким дождем сыпался песок и медленно опускались большие хлопья серого пепла. Пахло серой, мокрым паром и еще чем-то острым и кислым, от чего слезились глаза и нестерпимо хотелось кашлять.

Со стороны главного корпуса неслись вопли больных, из открытой двери подземелья — испуганный плач кошки Катрин, любимцы больничного персонала. Тэдди беспомощно опустился на ступеньки и зачем-то позвал кошку. Катрин прыгнула к нему на колени.

В этом аду он сидел и гладил пушистое, теплое, мелко дрожащее животное. Единственное, что он сейчас хорошо понимал — это то, что у него на коленях кошка. Все остальное было то ли бредом, то ли галлюцинацией.

Об испытаниях атомных бомб на островах Австралийского союза он слышал краем уха. Газеты пытались взволновать общественность страны броскими заголовками. Но Тэдди не читал газет, и какие-то там взрывы на каких-то неведомых островах его мало волновали. Все, что было за стенами клиники, за благополучием Ирены, его не касалось. На картинках он видел изображение атомного гриба. Однажды подводный ядерный взрыв мелькнул в киножурнальной хронике.

Если бы в момент взрыва Тэдди был наверху, у окна, он бы увидел атомный гриб наяву. Правда, при одном условии: если бы он при этом остался в живых. Но в тот момент, к своему счастью, он находился в подвале, и губительные икс, альфа, бета и прочие лучи, страшный жар и взрывная волна пронесли над ним без особого вреда. Конечно, радиоактивные хлопья, падающие с неба, еще скажутся на его здоровье, но с такой дозой облучения можно жить достаточно долго. Правда, без волос...

Но в первые минуты, он это потом вспомнит совершенно твердо, Тэдди не думал об атомном взрыве. На далеких островах — это да, это можно. А здесь, на материке, рядом с клиникой, в которой оставались люди... Вулкан? Нет поблизости никаких вулканов. Землетрясение? Тогда почему с неба сыплются песок и пепел? Взрыв склада боеприпасов на полигоне?

Это уже значительно больше походило на истину, тем более что грохот и взрывная волна, снесшая добрую половину котельной, прошли именно с той стороны.

Да! Да! Вот это что — рванул склад боеприпасов. Доигрались, сволочи, со своим полигоном! Себя разнесли к чертовой матери и клинику разрушили.

Интересно, сколько надо было накопить взрывчатки, чтобы так долбануло?

И вдруг страшная мысль молнией пронзила его. Нет, нет, на полигоне никто не погиб! Он был пустой! Они заранее все подготовили! Персонал клиники полностью вывезен из комплекса. Бабушку Джейн последние три дня кормил солдат, кормил кашей из солдатской кухни. А вчера он появился только утром. Только утром? Значит, днем солдаты выехали за территорию полигона и больницы!!!

Они увезли персонал и оставили больных! Они же недаром в тот раз привезли с собой военных врачей и делали осмотр! Они отбирали наиболее здоровых! А остальных оставили для испытаний! Подопытная клетка с кроликами — вот что такое теперь этот дом.

А Ирена? Ирена принадлежит к промежуточной группе, она нечто среднее между персоналом и больной. Значит, ее тоже должны были эвакуировать.

Так, значит, вот почему военным мешал комплекс! Вот почему они убрали доктора Гауптмана! Им нужно было провести этот взрыв... взрыв... взрыв...

Тэдди замычал и стал раскачиваться взад-вперед, словно помешанный. Сумасшедший дом. Сумасшедший мир. Как в нем жить дальше? Где Ирена?

Он не заметил и потом не мог вспомнить, когда и куда с его колен исчезла кошка. Но что он вспомнил хорошо — это то, что он не сразу осознал, кто это и почему стоит перед ним.

Перед ним стоял Оптик с автоматом в руках. Тэдди не заметил, откуда он появился и когда подошел.

— Однако ты долго ехал, мальчик, — сказал Оптик таким тоном, словно расстался с Тэдди пару часов назад. — Очень уж долго... Так долго, что вряд ли стоило возвращаться назад...

Тэдди промолчал. Да Оптик и не ждал ответа.

— Сволочи! — Оптик снял куртку и набросил ее на голову. — Закрой башку — вылезут волосы. Пепел радиоактивный.

— Радиоактивный?..

— А ты не видишь, что они рванули? Это же атомная бомба, а может, водородная. Идем в подвал. Надо отсидеться, пока схлынет радиация.

Он взял остолевшего Тэдди за руку и повел в угольную яму. Тэдди послушно сделал несколько бездумных шагов, но вдруг остановился.

— Где Ирена? — спросил он.

— Не будь дураком, разве можно сейчас кого-нибудь отыскать в этой мути?

В этой мути? Господи, неужели Ирена здесь?

— Где Ирена? — заорал Тэдди, и Оптик понял, что спорить с ним бесполезно.

— Я боюсь, что уже поздно... Окна ее новой палаты выходят на полигон, а кровать стоит у открытого окна. Я сам ее перевел и запер там четыре дня назад. Жратвы у нее вдоволь, воды тоже, но разве я мог знать...

— Веди, — только и сказал Тэдди.

Они пошли — Оптик с курткой на голове, а Тэдди было наплевать на этот мертвый пепел. Тончайшая пыль висела в воздухе, нечем было дышать, они шли почти наугад, то и дело натыкаясь на обломки стен, куски крыши, шкафы, камни и доски. Обойдя кусок разрушенной стены, Тэдди споткнулся обо что-то мягкое. Он нагнулся и увидел среди груды кирпичей верхнюю половину туловища человека-собаки.

Один опыт уже закончился.

Спецкорпус для тяжелых больных пострадал значительно меньше главного здания. Он был ниже на три этажа, стены его были на два кирпича толще. Переплеты окон и дверей сделаны из стального уголка. Прочные стальные решетки на окнах приварены к заделанным в кирпичные стены рамам. Кроме того, в отличие от главного корпуса, обращенного длинной стороной к полигону, он был градусов на 45 повернут к фронту взрывной волны, что значительно снизило ударную нагрузку.

Светало. Потянул легкий ветерок, и кофейную, пепельную мусть начало постепенно сносить в сторону полигона. Разрушения уже можно было окинуть одним взглядом. Главный корпус пострадал особенно сильно. Два верхних этажа — пятый и четвертый — частично обрушились внутрь здания, частично упали во двор. Огромные куски стен валялись на земле. Котельную, электростанцию и два легких жилых дома для персонала взрывная волна унесла далеко в пустыню, по дороге разобрав на части. Резервуар с топливом для котельной и электростанции сорвало с фундамента и бросило набок. Размазанная по огромной территории солярка горела, испуская клубы черного смрадного дыма. Вдалеке виднелся перевернутый второй бо́льничный вертолет.

Чем ближе Тэдди подходил к корпусу Ирены, тем страшнее ему становилось. Что там его ждет? Изуродованное, обгоревшее тело? И все-таки он надеялся увидеть ее живой и невредимой.

Они в нерешительности остановились у входа. Взрывная волна прикатилась с той, противоположной стороны, и следы разрушения отсюда не были видны: окна корпуса смотрели в сторону взрыва. Здесь же была глухая стена, сквозь которую отчетливо слышались стоны и крики раненых.

Значит, живы. Если не все, то многие.

— Где? — только и спросил Тэдди.

✓ — Второй этаж, третья палата.

Коридор второго этажа почти не пострадал. Кое-где отлетела штукатурка, хрустели под ногами осколки плафонов и лам-

почек. Две из них каким-то чудом уцелели и тускло освещали высокое длинное помещение. Тэдди остановился у палаты Ирены и взглянул на Оптика.

— Сейчас,— кивнул тот и вытащил из-за пазухи ключ, висевший на цепочке вместе с распятием.

Тэдди плохо понимал, что же здесь произошло, не знал, что его ждет за этой дверью. Там было тихо — вот что запомнилось. Из соседних палат слышались душераздирающие вопли, а здесь было тихо.

Дверь распахнулась, и Ирена неверными, заплетающимися шагами пошла ему навстречу. Он подхватил ее, стиснул в объятиях, поднял на руки, прижался к ней лицом, повторяя как заведенный: «Жива, жива, жива...»

Оптик, не пряча и не стесняясь слез, глядел на обоих.

Наконец Тэдди поставил Ирену на пол и только сейчас обратил внимание на то, что произошло в палате.

Гауптман, строя спецкорпус, прекрасно знал, кем он будет заселен. Это был его «личный» корпус. Его «личная» клиника! Сюда он намеревался поместить особо опасных пациентов, отобранных из тюрем и нужных ему для проверки гипотезы о сдвоенной игре хромосоме. Специальные металлические двери обошлись бы в копеечку, и он не стал их заказывать. За головорезов-пациентов ему никто не платил — у них не было богатых родственников, а мафия, которой служило большинство из них, после приговора не интересовалась рядовыми своими членами. Гауптман очень дешево закупил партию готовых стальных дверей, предназначенных для бомбоубежищ гражданской обороны, сменил замки и поставил в палаты-камеры. На окнах, с наружной стороны, за решеткой, были навешены легкие алюминиевые ажурные ставни, защищавшие комнату от палящих лучей австралийского солнца и песчаных бурь.

Ставни и железная дверь спасли жизнь Ирены — по крайней мере продлили ее.

Ярчайшая вспышка разбудила ее ночью. Не вставая с кровати, она сквозь ставни с удивлением рассматривала взмывающий вверх огненный шар, не понимая, что происходит. Ей показалось, что взрывается солнце. Бил нестерпимый свет, она прикрыла глаза руками. Нарастающий грохот взрыва (звук движется быстрее ударной волны) напугал ее, и она быстро юркнула под кровать. Вал сжатого воздуха и песка прижал алюминиевые ставни к мощной решетке на окне, чем сильно ослабил силу воздушного удара. Мощная железная дверь уцелела и не дала взрывной волне пройти сквозь палату и смести все на своем пути.

Если бы Ирена сразу спряталась под кровать, за стену, и не разглядывала бы сквозь тонкое стекло и ажурный алюминий радиоактивный огненный шар, она приняла бы сравнительно малую дозу облучения и смогла бы прожить долгие годы. Теперь же она была обречена на скорую и мучительную смерть.

Тэдди ничего этого не знал, он и слово-то «радиация» услышал

едва ли не впервые от Оптика. Он понял, что это означает какие-то неприятности для здоровья, но все это в будущем, неизвестно когда, а мало ли что может случиться в будущем! Главное — Ирена жива! Жива и невредима! Он тоже, слава всевышнему, в полном порядке! Да и Оптик здоров, молодец, что догадался перевести сюда Ирену. А значит, жизнь прекрасна! Жаль, конечно, доктора Гауптмана — уж очень подозрительно он пропал, явно не по своей воле. Жалко несчастных психов, оставленных здесь этими подонками в качестве подопытных кроликов. Жалко бабушку Джейн, которую, кстати, надо немедленно отыскать и оказать ей помощь, если, конечно, старушка жива, а не отдала богу свою ласковую душу.

Все это вихрем пронеслось в голове Тэдди, пока он, веря и не веря своим глазам, вглядывался в Ирену.

Ирена едва стояла на ногах. Последние остатки сил покинули ее, как только она увидела своего Тэдди. Ее глаза покраснели, она терла их и не могла остановиться.

— Тэдди, ты знаешь — я видела свои кости на руках. Да, да! Честное слово, видела! Я закрыла лицо руками, чтобы заслониться от света, и совершенно отчетливо увидела все свои косточки под кожей. Точно на рентгене, только значительно четче. Это так интересно, Тэдди! Правда?

— Правд́а, правда,— ответил тот, не веря, естественно, ни единому слову этой фантазии.

Оптик, грустнее с каждой минутой, слушал щебетание Ирены и прикидывал, какую дозу облучения она приняла. Он был достаточно образован в этом вопросе, так как однажды, «убив» очередного «клиента», увидел на столе в его кабинете книжечку с фотографией гриба атомной бомбы. Он никогда не брал никаких вещей у людей, отправленных им «по почте» — таким термином он для себя именовал оплаченное убийство. Если попадалась пачка, другая денег, за которыми не надо было рыскать по ящикам, это другое дело, деньги не пахнут. Но вещи — нет. Вещи он не трогал никогда. Вещи — это улика, это вещественное доказательство.

Но нет правил без исключения. Он посчитал, что книгу он может взять без зазрения совести. Книжка оказалась довольно грустной. В ней детально, с фотографиями описывались последствия бомбежки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года. Оптик хмыкнул, когда увидел последствия этого преступления. Он строго по выбору отправил «по почте» десяток, другой людей, и за ним охотились, как за собакой, а поймав, упрятали пожизненно в тюрьму. А те отправили на тот свет сотни тысяч — и им нацепили за это на грудь ордена...

Нет, Оптик не был ангелом. Но убивать надо честно, того, кто этого заслуживал, считал он, а не размазывать всех подряд по оплавленным стенам, как сделала грязная военщина в Японии.

Оптик пришел к выводу, что доза облучения у Ирены была куда больше той, которую надо, чтобы с гарантией отправиться

«по почте». И он решил прервать ее радостную болтовню о косточках, которые она видела закрытыми глазами.

— Давайте-ка раскинем мозгами, как отсюда смыться, пока не явились вояки,— сказал он.— Мы, видите ли, живые свидетели, и так просто нам это не сойдет!

— А что случилось? — спросила Ирена.— Взорвался полигон?

— Да, что-то, видать, там у них не так сработало... Гайку перетянули, вот оно и лопнуло,— отшутился Оптик.

— Мы не можем так просто уйти. Сколько больных они вывезли? — Тэдди смотрел Оптику прямо в глаза.

— Человек сто... Может, немного больше.

— Значит, здесь еще около трехсот?

— Похоже...

— Мы что, бросим раненых и сбэжим? Не можем же мы так удрать?

— Не можем, конечно, не можем,— спокойно согласился Оптик.— Не можем, но должны. Боюсь, через час будет уже поздно. Они не выпустят отсюда ни одного человека. Ни одного! Им нужна свежатинка. Кровь будут брать, кормить и смотреть, быстро ты сдохнешь или нет... Видел, в каком состоянии главный корпус? Двух этажей, считай, нет, значит, добрая сотня наших' слабоумненьких уже толпится у божьих ворот. Третий и второй этажи надо откапывать. Мы что, вдвоем, все это откапаем? Нужны бинты и медикаменты, а их вместе со зданием бельевой, ты видел, унесло к чертям собачьим. Да и эти урки с вертолетами наверняка склад почистили. Остается полсотни маразматиков первого этажа, и мне очень интересно, что же ты намереваешься с ними делать?

— Не знаю,— после долгой паузы тихо произнес Тэдди.— Понятия не имею... Но так просто бросить их и рвануть — не могу...

Оптик смачно сплюнул на пол и закурил. В его активе оставался последний козырь — Ирена.

— Ладно, пусть будет по-твоему. И все-таки отсюда надо скорее линять. Вы бы собрали вещички, Ирена, а мы с Тэдди пока-покурим в коридоре...

Оптик взял Тэдди за плечо и вывел из палаты, плотно прикрыв за собой дверь.

— Тэдди, ты что-нибудь знаешь о радиации?

— Ну... что-то... припоминаю...

— Я тебе помогу. Радиация — это смерть, сравнимая разве что только с проказой. При взрыве этой штуки,— он кивнул в сторону полигона,— идет излучение, мощность которого колоссальна. За долю секунды оно все живое прожигает насквозь. Ты слышал, что рассказала твоя девочка? Кости она видела... Смерть она свою видела, понял? Она готова! Ей осталось жить считанные месяцы, если не недели. Если не веришь, проследи ближайшие симптомы: ее скоро начнет тошнить, потом заболит голова, потом — сильнейший понос. Лекарств от этого нет! Прочитал

я одну книжонку от скуки, хорошо все помню. Потом кожа на лице распухнет и будет слезать. А вместо кожи — язвы! Она наложит на себя руки, когда увидит свое лицо в зеркале! Ты слышишь меня? Потом будет рак крови. И — конец! А ты ее хочешь держать в этой конуре, копать своих психов! Когда надо рвать! К врачам ее срочно, может, продлят ей жизнь на год—два.

Оптик выражений не выбирал — не до них было в этом полутемном коридоре, наполненном стонами и криками.

Тэдди окаменел.

— Чем скорее ты увезешь ее отсюда, — продолжал Оптик, — чем раньше уложишь в нормальную больницу, тем больше шансов продлить ее дни. Ты понял? Время против тебя, старина! Против! Все сейчас решают часы и даже минуты!

Удар был рассчитан правильно. Это была одна из самых удачных речей Оптика. Тэдди больше не надо было уговаривать. Уже не существовало силы, способной его остановить. Теперь он твердо знал программу своих действий. Жизнь Ирены в опасности, ее надо уложить в больницу. Его мозг, получив конкретное задание, лихорадочно работал. Как выбраться отсюда? Машины нет. Вертолет искалечен. Пешком до Алис-Спрингса? Тэдди прошел лишь половину этого пути и знал, что Ирена его не осилит.

Только теперь он понял, как гениально доктор Гауптман выбрал место для клиники. Никто: ни больной, ни здоровый, сбежав отсюда, без транспорта не смог бы живым добраться до человеческого жилья.

— Я готова, — Ирена выглянула в коридор. Лицо ее слегка покраснело и немного припухло.

— Как ты себя чувствуешь? — стараясь не выдать тревогу, спросил Тэдди.

— Хорошо, — отозвалась она почти весело. — Меня только немножко подташнивает, да почему-то стянуло кожу на лице. Тебе не кажется, что от этих лучей я немножечко загорела?

Господи! А ведь после взрыва прошло всего часа два.

— Да вроде бы чуточку есть, — как можно беспечно ответил Тэдди. — Они, видно, сродни кварцу.

Сквозь двери палат, выходявших в коридор, просачивались приглушенные крики больных.

— Может, их выпустить? — спросил Тэдди Оптика.

— Если хочешь, чтобы они, умирая, перегрызли друг другу глотки — открывай. Я не буду. К тому же земля покрыта радиоактивным пеплом, а они вряд ли знают, что это за штука. Кстати, нам надо обернуть ноги тряпками, а когда выберемся, бросим их в пустыне.

— Так что ты предлагаешь?

— Идти пешком — другого выхода нет. Пусть Ирена прихватит зонт от солнца, а я сбегаю в подвал и возьму консервы и воду.

— Нет. Пешком не дойти. Я шел сюда всего половину пути и только чудом не сдох.

— Пстой, пстой...— Оптик оживился.— Как ты думаешь, на чем они будут вызовить больных и раненых?

— На вертолетах...

— Не думаю, старина, не думаю... Слишком много здесь подопытных. Скорее всего они прикатят на санитарных машинах. Во двор они не заедут — все завалено. Значит, оставят машины за воротами и пойдут по корпусам... Кумекаешь?

— Угнать, чего ж яснее...— Тэдди начинал нравиться этот план. А приедут сегодня, непременно сегодня. У них, небось, уже все готово, ждут лишь кроликов для исследований...

— Мальчики, там джип,— раздался из палаты голос Ирены. Слетаются на мертвечину, стервятники...

Тэдди и Оптик подбежали к окну. К клинике приближался армейский джип с тремя людьми в защитных комбинезонах и противогазах. Брезентовый верх машины был откинут. Джип остановился у самых ворот, и все трое, озираясь и переговариваясь через мегафоны, пошли к главному корпусу. Двое впереди были безоружны, у третьего сбоку болтался автомат.

— Есть бог,— прошептал Оптик,— есть. Это наблюдатели, они во время взрыва сидели в бункере и поглядывали в перископ. Сейчас они должны выяснить, что от нас осталось...

— Пусть пройдут в корпус, или снимем сейчас? — спросил Тэдди, вынимая пистолет.

— Зачем брать лишний грех на душу? Они-то, в принципе, ни при чем, мелкота. Генералы под пепел не полезут... Подождите меня здесь, я смоюсь в подвал и кое-что прихвачу на дорожку.

Наблюдатели скрылись в дверях главного корпуса.

— Пора! — сам себе скомандовал Тэдди и быстро вышел во двор. Легкий, как пух, пепел вспархивал при каждом его шаге. Из окон корпуса слышались крики, стоны и плач больных.

Дойдя до двери корпуса, Тэдди достал ключ-«вездеход» и тихонько зашелкнул замок. Теперь беглецам никто не мог помешать. Сломать тяжелую, обитую железом дверь было не просто, а окна административных кабинетов корпуса по третий этаж включительно, не говоря уже об окнах палат, были закрыты стальными решетками.

Из подвала к машине, поднимая за собой клубы пепла, бежал Оптик с двумя полными мешками в руках. Тэдди жестом показал ему, что все, мол, в порядке, и пошел за Иреной. Из палаты он прихватил одсяло. Усадив Ирену на заднее сиденье джипа, Тэдди и Оптик подняли брезентовый верх.

— Что у тебя в мешках? — спросил Тэдди, садясь за руль.

— В одном консервы и банки с соком, в другом ящик с документами из сейфа главврача.

— Молодец ты, что догадался насчет документов,— улыбнулся Тэдди.— Пригодятся. Тебе бы не людей стрелять, а...— Тэдди не смог второпях придумать новую профессию для Оптика, соответствующую его талантам, и просто дружески хлопнул его по спине.— Поехали!

Мотор завелся сразу, и когда Тэдди набирал скорость, длинная автоматная очередь из окна главного корпуса прошла джип насквозь. Дернулся Оптик, вскрикнула Ирена, в ветровом стекле появились две пробойны. Тэдди дал полный газ и, виляя, бешено помчался от клиники по выжженной пустыне, поднимая радиоактивный шлейф пепла. Стреляли еще или нет, сквозь рев мотора он не слышал.

Машину он остановил километров через десять в тихом распадке.

Ирена смотрела на него безумными глазами. Пули ее не задел. Оптик, весь в крови, сполз на пол и уже не дышал. Тэдди вышел из джипа, ударом ноги проверил покрывки — они были в порядке, осмотрел топливный бак — цел, открыл капот и оглядел двигатель. Если не считать пустяковых дыр в брезенте и ветровом стекле, джип не пострадал. Даже две канистры с дополнительным бензином, аккуратно притороченные сзади к джипу, были целы.

А Оптик... Тэдди не мог его похоронить сейчас, надо было как можно дальше убраться от клиники, и он поехал, прикрыв друга чехлом от сиденья и не вытирая слез, которые стояли в глазах и мешали видеть пустыню.

Тэдди гнал весь день, делая короткие передышки лишь для того, чтобы напоить и накормить одеревеневшую Ирену и перелить бензин из канистр в бак. Ночь застала беглецов у неглубокого каньона, прорезанного речкой, когда-то, очевидно, полноводной и лихой, а сейчас пересохшей и ушедшей в песок. Стены каньона были усеяны сотнями пещерок, маленькими и побольше. Почва в пещерках была мягкой и податливой. Кое-где виднелись остатки кострищ — следы ночевки аборигенов. Издали пещерки походили на птичьи гнезда в стене.

Тэдди вынул из джипа заднее сиденье, отнес его в одну из пещерок и уложил на него Ирену. Она тяжело дышала, кожа на лице сильно воспалилась, глаза слезились. Ее мучало расстройство желудка, она ничего не хотела есть, тяжело дышала. Тэдди обильно смазал ей лицо каким-то кремом из косметички, которую Ирена прихватила с собой.

Оптика он похоронил недалеко от пещеры, где находилась Ирена.

Остаток ночи он провел возле Ирены, прислушиваясь к ее дыханию и слабым стонам, изредка проваливаясь в тяжелое забытие.

Утренний холодок разбудил его и быстро вернул к действительности. Плохо представляя себе дальнейший маршрут, он твердо знал, что должен добраться до приличной больницы. Устроить Ирену! Убедиться, что Оптик ошибся! Наверняка Ирену просто растрясло в трудной дороге, разморило от жары. Ведь вот он был там же, рядом со взрывом, в том же месте — и с ним ничего, ни тошноты, ни головной боли...

Итак, прежде всего — больница для Ирены. А потом...

Что делать потом, он не знал. Но каким-то десятым чувством

понимал, что отныне главный козырь его — документы из сейфа Гауптмана. Документы, которые спас Оптик и которые он обязан сохранить во что бы то ни стало.

Он не знал толком, что в них. Не очень представлял, перед кем ими надо будет козырять, но чувствовал, что документы представляют ценность и их надо сберечь.

Увы, машина для этой цели была очень плохим тайником. Кто первый встретится завтра в пути, он не знал. Не исключено, что бронетранспортеры с солдатами, а того хуже — вертолеты с десантниками. Но Тэдди все продумал. Достал автомобильную камеру, размонтировав запасное колесо, разрезал ее поперек и сделал из камеры резиновый мешок. В него он запрятал металлический ящичек, а стыки камеры заклеил клеем из автоаптечки. Свой клад он зарыл в самой большой пещере, выцарапав монтировкой глубокий крест над входом.

Ирена находилась в глубоком забытии. Он бережно, стараясь не разбудить, перенес ее вместе с сиденьем обратно в машину и, бросив последний взгляд на усеянную дырами стену каньона, тронулся дальше в сторону Алис-Спрингса. На сердце у него было беспокойно, он то и дело озирался, боясь за шумом мотора пропустить рокот вертолета. Вчера еще время было — пока эти гады прочухаются и разберутся, что к чему, время пройдет. Да и в пепел от бомбы не очень-то им охота соваться. Но сегодня — сегодня погоня будет наверняка.

Он ехал медленнее и осторожнее, чем вчера. Нервное напряжение первых часов бегства спало. Он понимал, что его будут искать только с воздуха, а от самолета-разведчика или вертолета на джипе не уйти. К тому же он щадил покой Ирены, которая продолжала спать. Он гнал от себя мысль, что это не сон, а обморок. От жары и пыли раздражение на коже ее лица усилилось. Кое-где кожа лопнула, на ней образовались кровоточащие трещинки. Большую часть пути Ирена спала или молча лежала, натянув на голову простыню — единственное спасение от пыли. Случайно обернувшись, Тэдди вздрогнул — ему показалось, что она умерла и лежит под саваном. Потом к этой простыне он привык.

Наверное, он плутал по пустыне, потому что огни Докер-Ривера блеснули на горизонте только к рассвету. Въехать в поселок он не решился: если погоня была, его скорее всего поджидали именно здесь. Но бензий был на исходе, и Тэдди с пустыми канистрами пешком пробрался в поселок. На колонку он заглянуть не решился, а, пользуясь темнотой, слил бензин из первых попавшихся машин. Все сошло удачно, и Тэдди далеким объездом направился в поселок Амату, что в трехстах километрах к востоку от Докер-Ривера. Ирена лежала на заднем сиденье, как неживая, он боялся лишний раз ее потревожить.

Что его удивляло — так это отсутствие погони. Вряд ли военная мразь спокойно встретила известие об угоне джипа. На вертолете обшарить пустыню — пара пустяков. Но где же эти небесные гости? Неужели не смогли его найти?

Тэдди не знал — погоня, конечно, была, и в результате ее джип был уничтожен. Только, к счастью, не тот, в котором они сидели...

СРАЗУ ПОСЛЕ ВЗРЫВА генералу Эйтли доложили об успешном проведении испытаний. Он поздравил группу наблюдателей, состоящую из военных и ученых-физиков — разработчиков и создателей бомбы.

Едва успела осесть пыль, как команда из трех человек, одетых в специальные защитные костюмы, выехала в джипе обследовать последствия взрыва на территории комплекса. Очутившись под замком, они, как известно, обстреляли из автомата захваченный психами джип, потом, выбив досками от сломанной мебели в конце одного из коридоров вентиляционную решетку, с которой пришлось изрядно повозиться, наблюдатели выбрались наружу. Младший по званию и, соответственно, по возрасту, побежал на наблюдательный пункт полигона. Стоны, крики и истерический плач душевнобольных произвели на него ужасное впечатление. Неожиданный угон машины еще более усугубил его состояние, потому рассказ его был очень эмоционален и произвел на персонал наблюдательной команды достаточно сильное впечатление.

Однако полковник Бредли довольно спокойно выслушал сбивчивый доклад командира полигонной группы. Пытаться уйти по пустыне на джипе — детская, несерьезная затея.

— Догнать и уничтожить, — коротко бросил он и положил трубку. Дальнейшее его не волновало — он твердо знал, что через два-три часа снова позвонит телефон, и ему будет доложено о выполнении задания.

И телефон, действительно, позвонил...

Два средней величины армейских вертолета, вооруженные крупнокалиберными пулеметами и несколькими десятками небольших напалмовых бомб, помчались по направлению к ближайшему поселку и быстро отыскивали в пустыне одинокий, спрятавшийся от преследования среди кустов в неглубокой воронке джип. Людей рядом с ним не было, но это ясно — спасаясь от пулеметного огня, они естественно, забрались под машину. Однако военных летчиков не так-то просто обвести вокруг пальца. После первой же очереди разрывными джип со страшным грохотом взлетел в воздух: почти пустой бензобак рванул не хуже бомбы. Взрыв был настолько силен, что дело можно было считать завершенным. Но на всякий случай на горящую машину сбросили напалм. Горело железо, горел песок. Внизу шевелилось только пламя и ничего больше. Для очистки совести вертолеты сделали еще один круг над черным столбом дыма и отправились докладывать о выполнении задания.

Это был старый джип, брошенный Тэдди при возвращении в клинику. Тэдди никогда не узнал о его судьбе, никогда не думал о том, что эта развалюха, которую он проклял несколько дней назад, спасла ему жизнь...

Сомс с удовлетворением принял по телефону добрую весть об уничтожении беглецов. Туда им и дорога! Он поблагодарил вертолетные команды за блестящее выполнение служебного долга.

ШЕСТЬСОТ КИЛОМЕТРОВ до Аматы Тэдди проехал быстро: объехав Докер-Ривер, он понял, что зыбкие пески пустыни Гибсона не позволят ему двигаться дальше с достаточной скоростью и, плюнув на возможное патрулирование дороги, выехал на шоссе. Никакого патрулирования не было, никто не обратил на него внимания и на ближайшей бензоколонке. Тэдди малость прикорнул в тени какого-то служебного здания, а затем, устроив Ирену поудобнее на заднем сиденье, без остановок за пять часов проскочил полтысячи километров до маленького поселка Кертинг-Спрингс, стоящего в стороне от магистральной дороги на добрую сотню миль. Тут уж его точно не будут искать, решил он, тут можно отсидеться.

Он снял две смежные комнаты у молчаливого, глухого старика сапожника. Хозяйке сказал, что привез сюда лечить от ревматизма больную жену и проживет месяц или больше. Вначале вновь прибывшие вызвали волну любопытства, что естественно в столь крохотном местечке, но вскоре эта волна улеглась, и молодые смогли жить спокойно.

Поручив Ирену хозяйке, доброй пожилой женщине, Тэдди съездил в «цивилизованный» городок и привез оттуда местного молодого и толкового врача. Тэдди сразу очень понравился врачу, а по дороге в Кертинг-Спрингс они подружились. Поколебавшись немного, Тэдди рассказал врачу все как есть, за исключением некоторых деталей. Врач с ужасом выслушал эту историю, но окончательно поверил в нее только после осмотра Ирены, состояние которой резко ухудшилось за последние дни. Кожа на ее лице потрескалась и покрылась язвочками. Глаза глубоко ввалились. К тому же мучила тупая головная боль. Губы распухли. Она была безразлична ко всему и сонлива. Но порой сонливость сменялась беспричинной истерикой.

Врач, тяжело вздохнув, изложил Тэдди свои грустные впечатления от осмотра больной и не менее грустные прогнозы на ее ближайшее будущее. Тэдди взял с него слово, что о взрыве в клинике врач будет молчать. Все силы Тэдди хотел отдать лечению Ирены, и связываться с военными и газетчиками ему сейчас было совсем не с руки.

В поселке было спокойно, все вскоре привыкли к молодой паре, сочувствовали Тэдди по поводу болезни его жены, и Тэдди решил пожить пока здесь, в глуши, не привлекая ничего внимания. Он устроился водителем на грузовик, а все свободное время посвящал Ирене.

С каждым днем ей становилось все хуже. Вскоре она умерла. Сильно облысевший за это время Тэдди сжег тело Ирены в крематории Мельбурна и, взяв с собой урну с прахом, улетел в Нью-Йорк.

ПРОШЛО более двадцати лет.

Иван Варфоломеевич Данькин, грузный мужчина 53 лет от роду, врач-эпидемиолог, профессор, приехал в Австралию по линии Красного Креста обследовать племена кочующих аборигенов, свободно живущих в центральных пустынях материка. С подобного рода миссией он был хорошо знаком, ибо неоднократно занимался тем же в пустынях Африки и на островах Полинезии. Однако в Австралию попал впервые и был очень рад интересному путешествию по пустыням, площадь которых была колоссальна. Пустыни занимают едва ли не половину территории всей страны, и работа Данькину предстояла нелегкая.

В консульстве его познакомили с переводчиком — симпатичным мужчиной средних лет.

Темно-зеленый вертолет со знаком «Красного Креста» опустился у озера Маккай. Достаточно полноводное в зимнее время, оно почти полностью пересыхает в летний январский месяц и собирает на своих берегах почти все племена и группы аборигенов, кочующих по центральной части материка. Вожди племен ведут здесь активный обмен продуктами и товарами. Сюда и прилетают вертолеты медпомощи «Красного Креста» и правительственного здравоохранения.

Перед вылетом из столицы Данькин получил от австралийских властей довольно жесткую инструкцию, ограничивающую передвижение его группы через определенные районы пустыни, контролируемые военным министерством и службой государственной безопасности. В этот запрещенный список вошла значительная территория, расположенная северо-западнее озера.

Четвертый день Данькин обследовал аборигенов племен гарадберы, юлбридия и мудра. Австралийцы охотно давали себя осматривать: большой усатый добродушный доктор внушал им симпатию и доверие.

Перед Данькиным предстала довольно мрачная картина. Туземцы от двадцати лет и моложе несли на себе явные следы активной мутации. У многих от рождения были укорочены пальцы рук и ног. Поражало громадное количество косоглазых и больных «гнездной плешичностью». Более двух процентов обследованных страдали болезнью Дауна, то есть врожденным идиотизмом. Все эти племена кочевали на северо-западе материка, спускаясь в летние месяцы через Большую Песчаную пустыню к озеру Маккай. При осмотре же аборигенов племени водюг, пришедших с юго-запада, зловещих следов Иван Варфоломеевич не обнаружил. Он попытался выяснить что-либо по этому поводу у переводчика, но тот лишь развел руками. Данькин сделал целую серию фотографий больных и подробное описание найденных при обследовании аномалий. Все это как две капли воды напоминало болезни жителей зараженного радиацией атолла Бикини и последствия облучения аборигенов в пустынях Африки, где провели испытания атомных бомб французы.

Данькин знал об английских ядерных испытаниях на островах Австралийского Союза, однако официальная версия утверждала, что острова эти были необитаемы.

Один из вождей рассказал следующее:

«Мы сидели у костра, я смотрел на юг. Вдруг огромное солнце выскочило из земли и прожгло всех насквозь. Потом громадное черное облако помчалось на нас, ломая кустарники, как огромный смерч. Старики закричали, что идет «Маму» — злой дух, и мы все упали на землю. Когда черный шквал пронесся над нами, у людей началась рвота, вылезли глаза, опухли ноги. Потом у многих слезла кожа с лица и тела, и они умерли в страшных муках».

Иван Варфоломеевич записал рассказ вождя и попросил подписаться под ним переводчика. Но тот наотрез отказался.

К концу первой недели Иван Варфоломеевич зафиксировал в своем «черном» списке двухсотого аборигена, перенесшего мутацию в результате облучения. Вопрос был ясен. Нужно было срочно выезжать с докладом в ЮНЕСКО или правление комитета Красного Креста.

Переводчик Стюарт сильно нервничал. Возня Данькина со всей этой голодраной братией, покрытой подозрительными язвами и лишаями, не нравилась ему и, конечно же, должна была прийти не по нутру его хозяевам. К тому же все эти болячки и струпья сильно смахивали на проказу — болезнь, которой Стюарт боялся не меньше рака.

Решение русского доктора немедленно возвращаться и выйти с заявлением в международные органы медицинского надзора сильно встревожило Стюарта. Власти мало интересовались жизнью коренного населения материка и, дав разрешение на обследование русскому врачу, а вернее международной врачебной организации, плохо представляли себе истинное положение вещей. Именно поэтому Стюарт не получил четких и жестких указаний.

Однако... Высокое начальство наверняка предполагало, что их служащий не полный идиот, а должен на месте сам разобраться, что к чему. Стюарт не был специалистом по части интриг и заговоров и менее всего обладал навыками наемного убийцы. Тем не менее выход из создавшегося положения был один — доктор Данькин не должен был вернуться в Канберру живым. Конечно, за несчастный случай, закончившийся гибелью сотрудника международной организации, тоже кто-то должен будет понести ответственность, но Стюарт полагал, что в данном случае игра стоила свеч. Один «случайный» укол об отравленный шип кактуса на стреле охотника, и...

Тоненькая, легкая отравленная стрелка, завернутая в полиэтиленовый пакет, уже лежала в боковом кармашке их общей палатки. Переводчик дважды доставал ее оттуда, но врожденная порядочность и отсутствие навыков профессионального убийцы не позволяли ему сделать решающий шаг, хотя смертельно

уставшего за день Данькина не разбудил бы и укол боевого копья, не то что какой-то жалкой колючки...

До отъезда оставался один день и одна ночь, больше тянуть было нельзя, и Стюарт дал себе слово довести задуманный план до конца.

Утро выдалось прохладное и ветреное. Мелкая песчаная пыль крутилась у палатки, залезала в уши, нос, за воротник. Ночевавшее рядом племя водюг поднялось очень рано и ушло в пустыню. Данькин поглядел на мутное от песка небо и отдал приказ собираться к отъезду. Общая картина была ему абсолютно ясна, и он надеялся убедить австралийское правительство немедленно бросить все возможные силы на предупреждение дальнейшей дегредации облученных аборигенов.

Стюарт не был готов к преждевременному отъезду. Он рассчитывал еще на одну ночь — последнюю. Неожиданное решение русского врача застало его врасплох. Он попробовал отговорить Данькина, обещая интересную встречу с большим племенем, расположившимся неподалеку. Но врач был непоколебим и считал, что дальнейшее пребывание здесь — потеря драгоценного для жизни аборигенов времени.

Стюарт судорожно перебирал в мозгу возможные варианты отсрочки отъезда. Но вдруг судьба сама пошла ему навстречу. Когда основные вещи были уже упакованы и сложены в вертолет, когда оставалось только свернуть палатку, послышался звук приближающегося автомобиля, и из тучи мелкого песка вынырнул старенький, сильно помятый «Лендловвер».

— Вы из Канберры? — спросил Стюарта вылезший из машины черный от загара и пыли мужчина. — Говорят, среди вас есть врач?

— Есть, — ответил Данькин.

— Я местный фермер. У меня заболела дочь. Не поможете?

— Отчего же, попробуем, — ответил Иван Варфоломеевич.

— Это недалеко отсюда, на соседнем маленьком озере. Километров тридцать пять по прямой, — обрадованно улыбнулся фермер.

— Может, на вертолете проскочим? — предложил Данькин. — Быстрее будет.

— Не тратьте попусту топливо. Вам еще лететь и лететь. Через час будем на месте!

— Он прав! — поддержал прибывшего Стюарт. — Летчик жаловался, что горючего только-только на обратную дорогу. К вечеру вернетесь, переночуем в палатке и завтра в обратный путь.

— Зачем доктору мучиться в палатке? У меня дом достаточно большой, найдется место, где переночевать гостю, — обиделся фермер.

— Нет, нет, вечером я вас жду обратно! — взволнованно выкрикнул переводчик.

Данькин лишь пожал плечами. Ему было все равно, где спать — в доме или палатке.

Фермер, его звали Стенли Кларк, очень торопился. Семилетняя дочь вчера вечером внезапно потеряла сознание. Обморок сопровождался сильной рвотой. За ночь девочка очень ослабла. Она была единственным долгожданным ребенком в семье... Кларк рассказывал, сильно жестикулируя, поминутно бросая руль.

— Вы не боитесь, что мы влетим в какую-нибудь яму? — спросил Данькин.

— Чепуха, — продолжая размахивать руками, сказал фермер. — Скоро подъедем к военной зоне, там старая наезженная колея, и машина побежит как лошадь к стойлу!

— Военная зона?

— Да! Раньше, очевидно, там был какой-то полигон. Но это было давно, лет десять до того, как я купил землю.

— А сколько вы здесь живете?

— Десятый год. Я сейчас даже жалею, что выбрал этот участок. Дешево, правда, но больно уж близко он от этого чертова места...

— А чем же оно вам не нравится?

— Гиблое оно. Ни зверь, ни птица там не живут. Даже ящериц, и тех нет. То ли отравили они чем-то землю, то ли еще что...

— Вы имеете в виду военных?

— А то еще кого? — удивился, как показалось Данькину, его вопросу фермер. — Англичане, говорят, тут орудовали. Арендовали у правительства землю и химичили что-то, сукины дети! Да что говорить, сейчас сами увидите их работу.

Вдали показались очертания каких-то крупных строений.

— Это и есть полигон? — спросил Данькин.

— Не-е-т, — протянул фермер. — Это, видать, какой-то госпиталь раньше был или больница. Там много кроватей осталось и оборудование медицинское кое-какое. Даже операционная с лампой есть. Только все сильно разрушено. Да увидите сами.

Они подъехали к развалинам. В центре стояли обломки огромного многоэтажного дома, окруженного сильно пострадавшим, очевидно от взрыва, каменным забором. Вокруг громоздились обломки еще нескольких сравнительно небольших зданий. Постройки были сделаны добротно из природного материала, напоминающего известняк. Окна, смотрящие на север, зияли пустыми глазницами без рам и переплетов. Углы проемов были сглажены, словно оплавлены.

— Больница? — удивленно протянул Данькин. — Откуда здесь в пустыне такой огромный больничный комплекс?

— А черт его знает... Может, госпиталь секретный или тюрьма... Там много палат, очень похожих на камеры. Железные двери с замками, решетки на окнах.

— Странно... Остановитесь на минуточку, я гляну.

Данькин подошел к развалинам. Нездравая поверхность

каменной была слегка оплавлена. Он достал перочинный нож, отколупнул пару кусочков известняка и спрятал в карман рубашки.

— Вы говорите, все живое избегает этого места?

— Да, кроме аборигенов, которые часто ночуют здесь в холодное время. Кстати, после взрыва или еще там чего вокруг зоны были поставлены столбики с табличками, чтобы сюда не заходить. Но если бы аборигены умели читать по-английски...

— А мы бы могли, хотя бы на обратном пути, проскочить поближе к центру полигона? Это недалеко?

— Полторы мили. Давайте махнем сейчас. Это почти по дороге.

За бетонными столбиками с колючей проволокой, поваленными взрывной волной, виднелись развалины, а вернее фундаменты бывших строений, очевидно казарм. Кирпичи и бетонные плиты забросило на сотню метров в сторону больничного комплекса. В полумиле к северу от бывших построек зияла гигантская круглая чаша воронки. Края ее словно были облиты зеленовато-коричневой глазурью.

— Это наземный ядерный взрыв. И очень мощный, — сказал Данькин. — Очень мощный.

Фермер дернул плечом. Взрыв так взрыв. Давно было дело. Сейчас здесь не взрывают.

Данькин взял пробы грунта и с края воронки.

— Поехали! Яих, подонков, выведу на чистую воду! Во всяком случае — постараюсь!

Фермер не очень понимал, что так взбесило толстого и такого добродушного с виду русского доктора, но спрашивать не стал — не его это дело.

Дорога к ферме проходила мимо развалин, только теперь фермер объезжал их с другой стороны. Данькин заметил полузасыпанный песком лежащий на боку небольшой вертолет, а затем еще несколько, частично разбитых, с искореженными моторами.

У этих развалин явно была богатая история...

Как Данькин и предполагал, у девочки было пищевое отравление, с наложившейся на него аллергической вспышкой, и он остался здесь на ночь.

Вернувшись на следующий день утром, Данькин сразу же отдал распоряжение немедленно сворачивать экспедицию и вылетать в Канберру. Стюарт попытался уговорить доктора провести здесь еще одну ночь, но Данькин был неумолим. Вылетели в полдень, и таким образом Иван Варфоломеевич разошелся со своей смертью.

К сожалению, ненадолго.

Окончание следует.

ОТВЕТЫ**Задача 1**

Если срок исполнения обязательства (в данном случае возврата долга) не оговорен, то кредитор (Еременко) вправе потребовать этого в любое время, а должник (Юркин) обязан вернуть деньги в семидневный срок со дня предъявления требования. Данное правило установлено статьей 172 Гражданского кодекса РСФСР и применяется всегда, за исключением случаев, когда обязанность немедленного исполнения вытекает из закона, договора или существа обязательства.

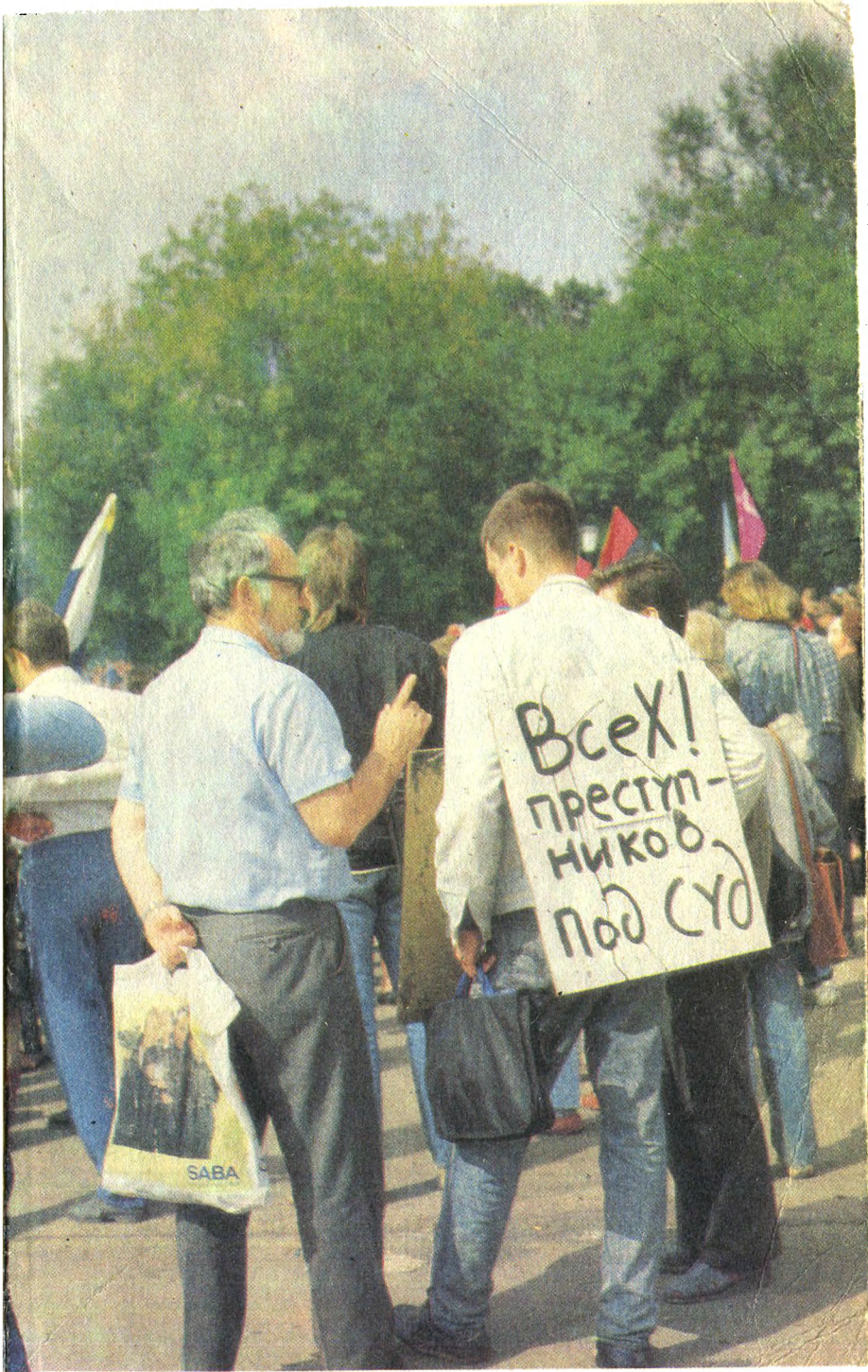
Несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет действительно могут совершать сделки, выходящие за пределы мелких бытовых, только с согласия своих родителей, усыновителей или попечителей. Однако распоряжаться своим заработком или стипендией они вправе самостоятельно (статья 13 ГК РСФСР). Поэтому покупка Игоря вполне законна.

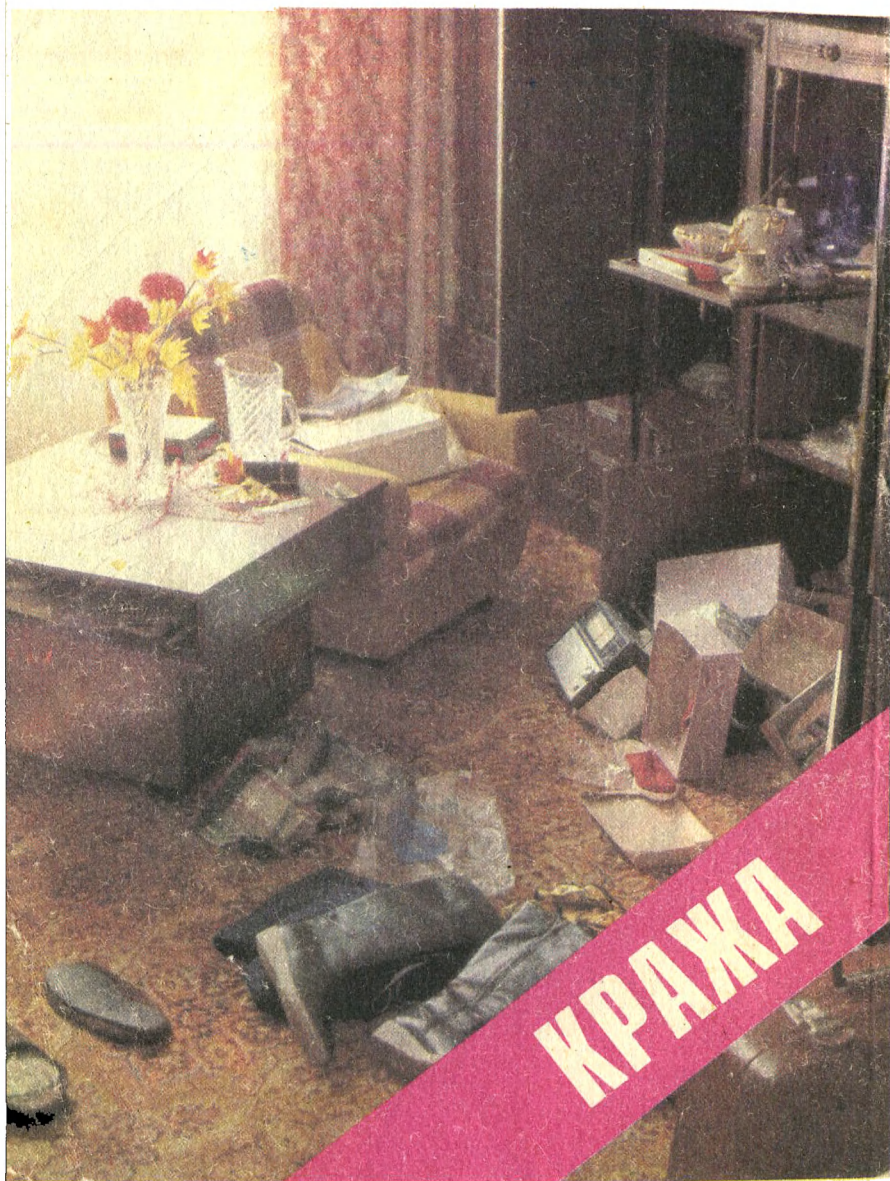
Орган опеки и попечительства (отдел народного образования) может лишить несовершеннолетнего права самостоятельно распоряжаться заработком или стипендией при наличии достаточных оснований полагать, что он тратит деньги крайне неразумно. Разовая неудачная, по мнению родителей, покупка таким основанием не является.

Сдано в набор 19.07.91. Подписано в печать 30.08.91.
Формат 84X106 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,40.
Усл. кр.-отт. 9,24. Уч.-изд. л. 9,57. Тираж 3 000 000 экз.
Знак 1204. Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственной ассоциации предприятий, объединений и организаций
полиграфической промышленности «АСПО-Л»
142300, г. Чехов Московской области

Наши специальные корреспонденты Александр ЧИЖЕВСКИЙ и Владимир ЗИМИН (фото) ведут репортаж с места преступления.— с. 21.